

**Редакционный совет научного журнала
«Вестник НГУ. Серия: История, филология»**

Председатель совета

В. И. Молодин акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Главный редактор

А. С. Зуев д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционного совета

Х. А. Амирханов акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, Махачкала; Институт археологии РАН, Москва, Россия)

Б. Виола д-р истории, профессор (Университет Торонто, Канада)

Е. Э. Войтишек д-р ист. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Т. Гланц д-р филологии, профессор (Университет им. Гумбольдта, Берлин, Германия)

А. В. Головнёв акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. Демидчик д-р ист. наук, профессор (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия)

А. П. Деревянко акад. РАН, д-р ист. наук, профессор (Институт археологии и этнографии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Ж. Жобер д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Н. Л. Жуковская д-р ист. наук, профессор (Институт антропологии и этнографии РАН, Москва, Россия)

О. Д. Журавель д-р филол. наук, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)

Г. Е. Импости д-р филологии, профессор (Болонский университет, Италия)

С. М. Коткин д-р истории, профессор (Принстонский университет, США)

В. А. Ламин чл.-корр. РАН, д-р ист. наук (Институт истории СО РАН, Россия)

Ока Хироки д-р истории, профессор (Университет Тохоку, Сендай, Япония)

Г. Парцингер д-р истории, профессор (Фонд Прусского культурного наследия, Берлин, Германия)

Х. Плиссон д-р истории, профессор (Университет Бордо I, Франция)

Пэ Гидон д-р археологии и антропологии, профессор (Национальный музей Кореи, Сеул, Республика Корея)

П. Ратлэнд д-р истории, профессор (Уэслианский университет, США)

И. В. Силантьев чл.-корр. РАН, д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный университет, Россия)

Тан Чун д-р истории, профессор (Гонконгский университет, КНР; Токийский университет, Япония)

Т. Хайм д-р истории, профессор (Оксфордский университет, Великобритания)

Ю. В. Шатин д-р филол. наук, профессор (Институт филологии СО РАН; Новосибирский государственный педагогический университет; Новосибирский государственный университет, Россия)

Редакционная коллегия выпуска «История»

Ответственный редактор

А. В. Дмитриев д-р ист. наук, доцент (Новосибирский государственный университет, Россия)

Ответственный секретарь

С. О. Егоров канд. ист. наук (Новосибирский государственный университет, Россия)

Члены редакционной коллегии

- А. Н. Алексеенко д-р ист. наук, профессор (Восточно-Казахстанский технический университет им. Д. Серикбаева, Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)
- В. П. Булдаков д-р ист. наук (Институт российской истории РАН, Москва, Россия)
- В. Фудзимото д-р истории, профессор (Осацкий университет экономики и права, Япония)
- Д. Вулф д-р истории, профессор (Университет Хоккайдо, Саппоро, Япония)
- В. Дённингхаус д-р истории, профессор (Нордост-институт при Гамбургском университете, Люнебург, Германия)
- Л. В. Дериглазова д-р ист. наук, профессор (Томский государственный университет, Россия)
- С. В. Кондратьев д-р ист. наук, профессор (Тюменский государственный университет, Россия)
- А. С. Лавров д-р ист. наук, профессор (Университет Париж – Сорбонна, Париж, Франция)
- Ш. Б. Мухамедов д-р ист. наук (филиал Российского государственного университета нефти и газа им. И. М. Губкина в г. Ташкенте, Республика Узбекистан)
- Г. Г. Пиков д-р ист. наук, д-р культурологии, профессор (Новосибирский государственный университет, Россия)
- С. Ю. Сапрыкин д-р ист. наук, профессор (Московский государственный университет, Институт всеобщей истории РАН, Россия)
- Д. Смил д-р истории, профессор (Школа истории колледжа королевы Марии Лондонского университета, Великобритания)
- И. Халфин д-р истории, профессор (Тель-Авивский университет, Израиль)
- П. Холквист д-р истории, профессор (Пенсильванский университет, США)
- В. И. Шишкин д-р ист. наук, профессор (Институт истории СО РАН, Новосибирский государственный университет, Россия)

Advisory Board of Academic Journal “Vestnik NSU. Series: History and Philology”

Chief of the Advisory Board

Vyacheslav I. Molodin Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Chief Editor

Andrey S. Zuev Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

Stanislav O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Members of the Advisory Board

Khizri A. Amirkhanov Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History, Archaeology, and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences in Makhachkala, Dagestan, Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)

Bence Viola Doctor of Sciences (History), Professor (University of Toronto, Canada)

Elena E. Voytishchik Doctor of Sciences (History), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tomash Glantz Doctor of Sciences (Philology), Professor (Humboldt University in Berlin, Germany)

Andrey V. Golovnev Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), St. Petersburg, Russian Federation)

Arkadiy E. Demidchik Doctor of Sciences (History), Professor (St. Petersburg State University, Russian Federation)

Anatoliy P. Derevianko Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Jacques Joubert Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Olga D. Zhuravel Doctor of Sciences (Philology), Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Gabriella E. Imposti Doctor of Sciences (Philology), Professor (University of Bologna, Italy)

Stephen M. Kotkin Doctor of Sciences (History), Professor (Princeton University, United States)

Vladimir A. Lamin Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (History), (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Oka Hiroki Doctor of Sciences (History), Professor (Center for Northeast Asian Studies of Tohoku University, Sendai, Japan)

Hermann Parzinger Doctor of Sciences (History), Professor (Prussian Cultural Heritage Foundation, Berlin, Germany)

Hugues Plisson Doctor of Sciences (History), Professor (University of Bordeaux I, France)

Bae Kidong Doctor of Sciences (Archaeology and Anthropology), Professor (The National Museum of Korea, Seoul, Republic of Korea)

Peter Rutland Doctor of Sciences (History), Professor (Wesleyan University, Middletown, USA)

Igor V. Silantev Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Tang Chung Doctor of Sciences (History), Professor (University of Hong Kong, China, University of Tokyo, Japan)

Tomas Higham Doctor of Sciences (History), Professor (University of Oxford, United Kingdom)

Yuriy V. Shatin Doctor of Sciences (Philology), Professor (Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, Russian Federation)

Editorial Board of the Issue “History”

Executive Editor

Andrey V. Dmitriev Doctor of Sciences (History), Associate Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Executive Secretary

Stanislav O. Egorov Candidate of Sciences (History) (Novosibirsk State University, Russian Federation)

Board Members

- Alexandr N. Alekseenko Doctor of Sciences (History), Professor (S. Amanzholov East-Kazakhstan State University, Ust-Kamenogorsk, Republic of Kazakhstan)
- Vladimir P. Buldakov Doctor of Sciences (History) (Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation)
- Wakio Fujimoto Doctor of Sciences (History), Professor (Osaka University of Economics and Law, Japan)
- David Wolff Doctor of Sciences (History), Professor (Hokkaido University, Sapporo, Japan)
- Viktor Dönninghaus Doctor of Sciences (History), Professor (North-East Institute of University of Hamburg, Lüneburg, Germany)
- Larisa V. Deriglazova Doctor of Sciences (History), Professor (Tomsk State University, Russian Federation)
- Sergey V. Kondratiev Doctor of Sciences (History), Professor (Tyumen State University, Russian Federation)
- Alexander S. Lavrov Doctor of Sciences (History), Professor (Paris-Sorbonne University, Paris, France)
- Shukhrat B. Mukhamedov Doctor of Sciences (History) (Tashkent Branch of the National University of Oil and Gas “Gubkin University”, Uzbekistan)
- Gennadiy G. Pikov Doctor of Sciences (History), Doctor of Culture Science, Professor (Novosibirsk State University, Russian Federation)
- Serguey Yu. Saprykin Doctor of Sciences (History), Professor (Moscow State University, Institute for World History of the Russian Academy of Sciences, Russian Federation)
- Jonathan Smele Doctor of Sciences (History), Professor (Queen Mary’s college of London University, United Kingdom)
- Igal Halfin Doctor of Sciences (History), Professor (Tel Aviv University, Israel)
- Peter Holquist Doctor of Sciences (History), Professor (University of Pennsylvania, Philadelphia, United States)
- Vladimir I. Shishkin Doctor of Sciences (History), Professor (Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk State University, Russian Federation)

В Е С Т Н И К Н Г У

Серия: История, филология

Научный журнал
Основан в ноябре 1999 года

2026. Том 25, № 1: История

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история

- Гуськов Е. А.* Преторианская гвардия и сенат: по разные стороны баррикад? 9
- Ананян А. М., Фадеев И. А.* Репрезентация реформационных традиций в Китае: миссионерские стратегии, дискурсивные практики и политика религиозной классификации 24

Российская история

- Веселов Ф. Н.* Бактерия или человек? Мнимая загадка смерти великого князя Ярослава Всеволодовича 42
- Попов Д. К.* «Договоры» в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII века 60
- Сазонова Т. В.* «Службы весьма снести не могут...»: призрение отставных военных в монастырях Белозерья в XVII–XVIII веках 72
- Раздорский А. И.* Торговые связи Курска в первой половине XVIII века (по данным таможенных выписей) 87
- Мамкина И. Н.* К вопросу об организации самоуправления в Чите в 1860–1875 годах 100
- Мухамедов Ш. Б.* Исламское образование в Туркестанском генерал-губернаторстве: особенности развития в межконфессиональной среде 110
- Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С.* Алма-Ата в 1930-е годы: советская столица национальной автономии и режимный город 127

Историография. Источниковедение

<i>Поляков И. А., Смирнова М. А.</i> Редакции «Записок» чиновника Коллегии иностранных дел И. М. Цебрикова о событиях русско-турецкой войны и присоединении Крыма в 1768–1787 годах	141
<i>Шиплюк В. А.</i> «Сибирский дневник» японского дипломата Эномото Такэаки как источник по истории России второй половины XIX века	153
Список сокращений	168
Информация для авторов	169

V E S T N I K N S U

Series: History and Philology

Scientific Journal
Since 1999, November

2026, vol. 25, no. 1: History

CONTENTS

World History

- Guskov E. A.* The Praetorian Guard and the Senate: On Opposite Sides of the Barricades? 9
- Ananyan A. M., Fadeyev I. A.* Representing Reformation Traditions in China: Missionary Strategies, Discursive Practices and the Politics of Religious Classification 24

Russian History

- Veselov F. N.* Microbe or Man? Alleged Mystery of the Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich's Death 42
- Popov D. K.* "Treaties" in the Diplomatic Relations of the Russian State with the Nomads of the North of Central Asia in the 17th – Early 18th Century 60
- Sazonova T. V.* "They Are Quite Unable to Bear the Service...": The Maintenance of Retired Military Personnel in the Monasteries of Belozerye in the 17th – 18th Centuries 72
- Razdorsky A. I.* Kursk's Trade Relations in the 1st Half of the 18th Century (According to Customs Records) 87
- Mamkina I. N.* On the Issue of Organizing Self-Government in Chita in 1860–1875 100
- Mukhamedov Sh. B.* Islamic Education in the Turkestan Governorate-Generalship: Features of Development in an Interconfessional Environment 110
- Ablazhey N. N., Zhanbossinova A. S.* Alma-Ata in the 1930s: The Soviet Capital of National Autonomy and a Regime City 127

Historiography. Source Studies

<i>Poliakov I. A., Smirnova M. A.</i> The Editions of the Official of the Foreign Affairs' Collegium I. M. Tsebrikov's "Notes" on the Events of the Russian-Turkish War and the Accession of Crimea in 1768–1787	141
<i>Shplyuk V. A.</i> The Siberian Diary of the Japanese Diplomat Enomoto Takeaki as a Source on the History of Russia in the 2 nd Half of the 19 th Century	153
List of Abbreviations	168
Instructions to Contributors	169

Научная статья

УДК 94(37).07

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-9-23

Преторианская гвардия и сенат: по разные стороны баррикад?

Евгений Александрович Гуськов

Московский городской педагогический университет
Москва, Россия

Самарский университет
Самара, Россия

megistos@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-6938>

Аннотация

Основное внимание уделено прежде не изучавшейся интеракции сенаторов с самыми приближенными к императору людьми – воинами его охраны, преторианской гвардии. В контексте политического развития империи преторианцы воспринимаются обычно как простые исполнители воли правителя, что в целом справедливо, но преимущественно на «большом масштабе». В то же время отношения в треугольнике «сенат – император – гвардия» были намного сложнее. Верхушка гвардии в ряде случаев вступала в различного рода отношения с представителями курии, в том числе и враждебные к императору, в то время как рядовой состав, формировавшийся из иной социальной среды, обычно не разделял политических амбиций своих начальников.

Ключевые слова

Римская империя, преторианские когорты, префект претория, сенат, принципат, Октавиан Август

Благодарности

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ № 24-28-01528 «Интеракции многосторонних групп раннеимператорского Рима: сенаторы, городской плебс, военный гарнизон столицы»

Для цитирования

Гуськов Е. А. Преторианская гвардия и сенат: по разные стороны баррикад? // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 9–23. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-9-23

The Praetorian Guard and the Senate: On Opposite Sides of the Barricades?

Evgeniy A. Guskov

Moscow City University
Moscow, Russian Federation

Samara University
Samara, Russian Federation

megistos@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0841-6938>

Abstract

As is well known, the political system of the early Roman Empire is defined by the complex relationship between the emperor and the Senate. For both sides, it was a forced cooperation, which sometimes resulted in covert dynamics and, less frequently, open confrontations. Researchers have long studied (and continue to study) various aspects of this

interaction. In this article, the main focus is on the previously unexplored interaction between senators and the people closest to the emperor – the soldiers of the Praetorian Guard. In the context of the political development of the empire, Praetorians are usually perceived as mere executors of the ruler's will, a view that holds some truth, but mainly on a "large scale". However, the dynamics within the triangle of "Senate – Emperor – Guard" are far more complicated. High-ranking members of the guard occasionally cultivated various types of relationships with senators, including those who opposed the emperor. In contrast, the lower ranks, drawn from diverse social backgrounds, often did not share the same political ambitions as their superiors. As a result, the Praetorian Guard has become a tangible factor in the relationship between the emperor and his primary political opponent, the Senate.

Keywords

Roman Empire, Praetorian cohorts, Praetorian prefect, Senate, Principate, Octavian Augustus

Acknowledgements

The research has been carried out within the framework of the Russian Science Foundation, grant no. 24-28-01528 "Interactions of social groups of early Imperial Rome: senators, the plebs urbana, the military garrison of the capital"

For citation

Guskov E. A. The Praetorian Guard and the Senate: On Opposite Sides of the Barricades? *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 9–23. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-9-23

Одним из самых важных процессов, определивших своеобразие принципата, было постепенное перетекание властных полномочий от традиционных полисных магистратур, с давних времен управлявших Римом, к императору и созданным им институтам. Особенно острый характер, как известно, приобрели отношения между императором и сенатом. В сущности, политическая история ранней империи представляет собой то вспыхивающую, то затихающую борьбу между ними.

Эта борьба уже давно привлекает внимание исследователей, в то же время взаимодействие стоявшей за спиной императора преторианской гвардии с сенатом не было предметом специального рассмотрения в научно-исследовательской литературе. Косвенно этот вопрос затрагивался, пожалуй, только в контексте проблем изучения властных отношений в ранней Римской империи и, в частности, организации императорского двора и окружавшего императора церемониала [Davenport, 2022; Rollinger, 2022; Иванова, 2024]. Между тем такая интеракция в эпоху принципата играла важную роль в расстановке политических сил.

Априори отношения между ними, если рассматривать и гвардию, и сенат как внутренне монолитные агенты, являются в той мере антагонистичными, в какой была напряженной борьба между императором и сенатом. В то же время контуры этой борьбы в обоих случаях не всегда совпадали между собой. Конечно, гвардия в нормальной обстановке не была самостоятельным политическим субъектом, тем не менее от ее позиции в кризисные моменты зависело многое.

Обычно гвардейский корпус воспринимается как инструмент императорского режима, предназначенный для его укрепления, но при этом периодически подверженный мятежным настроениям и потому иногда представлявший опасность даже для самих носителей верховной власти. Причинами таких настроений преторианцев по традиции, идущей еще от Э. Гиббона и находящейся в зависимости от прямых заявлений античных авторов, нередко считаются чрезвычайно длинный досуг столичных воинов и падение нравов. И хотя отмеченные особенности временами, судя по всему, действительно имели место, представляется, что «мятежность» в гвардейских кругах была не причиной политической турбулентности, а одним из множества ее симптомов, порожденных особенностями самой структуры принципата. Правда, стоит признать, что среди прочих симптомов именно этот чаще всего оказывался смертельным для августейших особ. Как справедливо заметила Роуз Мэри Шелдон, императоры умирали, когда преторианская гвардия плохо справлялась со своими обязанностями [Sheldon, 2023, p. 3]. Это не означает, что властелины империи чаще всего умирали от рук своих телохранителей; скорее, если уж против императора выступала гвардия, его шансы умереть стремительно возрастали. Однако должны ли мы, следуя этой логике, за каждым случаем насильственной смерти правителя видеть провал в его взаимодействии с гвардией, а каждое спокойное правление, наоборот, считать результатом его хорошо налаженной рабо-

ты с преторианцами? Все-таки представляется, что при такой постановке вопроса все устройство принципата чрезмерно упрощается, будучи сведенным только к двум действующим субъектам, оставляя за скобками другие политические силы.

Когда Август превращал свои преторианские когорты, которыми он обзавелся еще в годы II триумvirата, в постоянный институт, он отводил им относительно небольшую роль – главным образом, выполнение технических задач: охрана самого императора, обеспечение безопасности столицы и ее окрестностей; поскольку со времен гражданских войн италийские города беспокоили шайки разбойников, а самого Августа, вероятно, никогда не покидал призрак Перузийской войны – все это вынуждало держать некоторые силы в Италии (подробный обзор историографии по данному вопросу см.: [Ricci, 2018, p. 3–22, 31 ff.]). Скорее всего, далеко идущих планов по использованию преторианцев в политических целях у Августа не было. По крайней мере первые полвека своего существования гвардия находилась в дисперсном состоянии: когорты были расписаны по постоям в италийских городах, при этом в самом Риме находилось не более трех когорт (Suet. *Aug.* 49. 1). Управление ими было децентрализовано: первых префектов над своими телохранителями Август назначил только во 2 г. до н. э. (Dio Cass. LV. 10. 10), а до этого все основные вопросы курировались трибунами, в задачи которых входил среди прочего и надзор над вверенными каждому из них кадрами. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые связывают усиление гвардии с мероприятиями Тиберия и префекта Сеяна [Kerrie, 1996; Bird, 1969, p. 64 ff.; 1970, p. 1050].

Согласно решению Августа, начальником претория мог быть только всадник, что автоматически подразумевало и не превосходящий его по социальному статусу состав офицерских кадров, – и это единственное свидетельство намерений Августа держать сенаторов подальше от своей охраны. Данное обстоятельство, наряду с различными подходами к организации дилекта и уровнем стипендия у воинов столичного гарнизона, с одной стороны, и легионеров, с другой, служило еще одним маркером, обозначавшим особое положение гвардии в военной системе. Сенаторы все так же претендовали на военное руководство большинством легионов. Разумеется, в определенной мере Август модерировал процесс отбора потенциальных кандидатов на посты легионных легатов или пытался нейтрализовать дополнительными мерами наиболее «неблагонадежных» из них, но так и не решился прямо запретить членам курии военное командование. В то же время во вновь созданных частях – в преторианских, городских и пожарных когортах, основным местом дислокации которых являлся Рим и его окрестности, – установленный регламент, допускавший до руководства в них только представителей всадничества, строго соблюдался. Воспользовавшись тем, что республиканская традиция вполне допускала, чтобы военачальник по своему усмотрению формировал состав преторской когорты (Sall. *B. Jug.* 98. 1; App. *B. C. V.* 2. 5), Август стал набирать, вопреки распространенной в годы II триумvirата практике, в штат своей личной гвардии молодых италиков. В это время гвардия еще не играла заметной роли во взаимоотношениях императора с сенатом; маскируя экстраординарность своего положения, Август старался по возможности не афишировать своих телохранителей ни во время государственных церемоний, ни во время частных мероприятий [Davenport, 2022, p. 292 ff.; Иванова, 2024, с. 37]. О первых префектах претория мы практически ничего не знаем, кроме их имен; в это время они были политически незначительными, а в социальном плане не имели прочных и обширных связей с нобилитетом. Не будет большой ошибкой считать, что наряду с собственно военными заслугами [Absil, 1995, p. 168 ff.] этот критерий для начальников гвардии, видимо, был одним из важнейших.

Это совсем не означает, что сенат вообще не имел никаких связей с телохранителями императора. Напротив, помимо рутинных обязанностей, предписанных самим функционалом службы, между гвардейцами и сенаторами существовали неинституциональные в рамках их основных обязанностей формы взаимодействия. Поскольку в императорскую гвардию наби-

рались в основном представители средних и зажиточных семейств центральной и северной Италии и наиболее романизированных провинций [Durry, 1938, p. 239 ff.; Passerini, 1939, p. 141 segg.; Šašel, 1972; Rankov, 1994, p. 8; Bingham, 2013, p. 56; Sánchez Sanz, 2017, p. 31], преторианцы были плотно встроены в традиционную для римлян патронатную систему. Сенаторы были патронами рядовых преторианцев и представителей офицерского состава как на лично-семейном, так и на муниципальном уровне. Мы можем соотнести десятки гвардейцев с итальянскими (и не только) городами, патронами которых были влиятельные члены курии. При этом многие рядовые преторианцы и даже офицеры лично являлись клиентами различных представителей курии. Вдобавок к этому многие преторианцы, особенно те из них, кто происходил непосредственно из самого Рима, не были, как их коллеги по военному ремеслу в провинциях, столь же сильно изолированы от своих семей и в целом от гражданского общества, имея недоступную легионерам возможность часто посещать родной дом в свободное время. Даже после того, как Тиберий к 23 г. стянул все когорты в *Castra praetoria*, они по-прежнему находились в шаговой доступности от всех прелестей гражданской жизни и продолжали пользоваться большой свободой в этом отношении (ср. Tac. *Hist.* I. 46. 2–4), а многие, исполняя клиентский долг, еще совершали утренние *salutationes* в домах сенаторов-патронов. Благодаря этому их клиентские связи сохранялись гораздо полнее, чем у их коллег из провинциальных частей. Кстати, создание корпуса германской стражи (*germani corporis custodes*), не связанной с римскими фамилиями, вероятно, во многом было вызвано именно данным обстоятельством (Tac. *Ann.* XV. 58. 2) [Durry, 1938, p. 23; Webster, 1998, p. 101].

Верхушка гвардии в силу своего функционала имела тесные контакты с императорским двором и дворцовыми ведомствами, что создавало благоприятную почву для различных интриг (Tac. *Ann.* VI. 38. 2; Ios. *Ant.* XIX. 64; Dio Cass. LIX. 29 etc.), а по мере того, как рос вес и расширялся набор полномочий префекта претория, его положение в «социальном рейтинге» становилось все более значительным – настолько, что даже сенаторы стремились заручиться поддержкой этих выходцев из всаднического сословия, а некоторые даже и породниться с ними (например, Tac. *Ann.* XIV. 48. 2 etc.). При Антонинах преторианские префекты, завершая службу, фактически стали переходить в сенаторское сословие (SHA. *Hadr.* 8. 7; *Comm.* 4. 7). Неизвестный автор *Historia Augusta* уверяет, что при Александре Севере (222–235) начальники гвардии стали автоматически получать сенаторское достоинство при вступлении в должность (SHA. *Alex. Sev.* 21. 3–5), но эта информация не имеет однозначного независимого подтверждения [Mennen, 2012].

С самого начала принцепсы должны были с настороженностью относиться к потенциальным попыткам курии и отдельных сенаторов установить особые отношения с армейскими кругами, ибо сама императорская власть, легитимизирующаяся через консенсус всех политических сил [Amon, 2012], во многом опиралась на персональную связь правителя с каждым воином [Ando, 2007, p. 363 ff.]. Особенно опасными могли оказаться заигрывания сената с теми воинами, которые находились ближе всего к особе принцепса. Уже сменивший Августа Тиберий стремился минимизировать контакты сената с гвардией. Так, попытка сенатора Л. Юния Галлиона в 32 г. назначить от всего государства преторианцам награду за сохранение верности императору во время подавления заговора Сеяна была жестко пресечена принцепсом (Tac. *Ann.* VI. 3. 1–3; Dio Cass. LVIII. 17. 3–4), поскольку, по словам Тацита, *neque dicta imperatoris neque praemia nisi ab imperatore accipere par esset* (Tac. *Ann.* VI. 3. 1–3). В тот раз все ограничилось разовым запретом, не получившим нормативного оформления. Первая попытка институционально оградить своих телохранителей от влияния курии была предпринята Клавдием, который официально запретил собственным телохранителям входить в дома сенаторов для исполнения клиентельного долга (Suet. *Claud.* 25. 1: *Milites domus senatorias salutandi causa ingredi etiam patrum decreto prohibuit*). Учитывая время принятия этого декрета, нет никаких сомнений в том, что он был напрямую связан с убийством Гая, а это озна-

чает, что в процессе подготовки заговора против него были использованы патронатно-клиентельные связи. Находясь под впечатлением от внезапной смерти предшественника, Клавдий вдобавок приказал, чтобы преторианцы обыскивали всех, кто приходил к нему с традиционной салютацией (Dio Cass. LX. 3. 3). Само собой, даже в этом случае о полном разрыве контактов воинов претория с сенаторами говорить невозможно.

По крайней мере в источниках мы находим некоторые намеки на них. По всей видимости, с действием патронатно-клиентельной системы был связан эпизод, описанный Тацитом, когда Отон выкупил и подарил участок земли тяжущемуся с соседом преторианцу Кокцею Прокулу (Тас. *Hist.* I. 24; Suet. *Otho.* 4. 2). Хотя нигде прямо не говорится о том, что Прокул был клиентом Отона, вмешательство последнего в тяжбу из-за межи может свидетельствовать о том, что он был либо патроном неназванного муниципия, к которому принадлежали оба спорщика, либо личным патроном одного из них, интересы которого вызвался представлять. К сожалению, Тацит прямо не упоминает имя этого спекулятора в дальнейшем, но у нас мало оснований сомневаться в том, что благодарный Прокул в итоге стал из одним из тех 23-х наиболее рьяных сторонников Отона, что стояли в центре заговора против Гальбы. Товарищи Прокула тоже вряд ли были просто случайными людьми, хотя о них, кроме имен и в некоторых случаях званий, нам почти ничего неизвестно. Если М. Дюрри прав, предполагая, что спекуляторами становились после 6–8 лет службы [Durry, 1938, p. 109], то выбор Отона можно объяснить тем, что за время его десятилетнего отсутствия в столице (Тас. *Ann.* XIII. 46. 5; Suet. *Otho.* 3. 2) гвардия пережила уже несколько дилектов, а спекуляторы Барбий Прокул, Ветурий и др. просто были единственными старожилами, которые еще могли лично помнить его и вдобавок, благодаря своему опыту, пользовались авторитетом среди сослуживцев, что только играло на руку Отону [Ottley, 2009, p. 103]. В любом случае здесь мы видим, что личные связи все еще пронизывали в остальном достаточно формализованные отношения между обитателями преторианского лагеря и членами курии.

Как же сенаторы и телохранители императора воспринимали друг друга на институциональном уровне? Пожалуй, сам факт того, что в исторической традиции сложился крайне негативный образ преторианских воинов, говорит о многом. Античные авторы, практически все либо непосредственно принадлежавшие к сенаторским кругам, либо пользовавшиеся источниками, восходящими к ним, в целом видят в поведении преторианских воинов, особенно в кризисные моменты, исключительно негативную мотивацию. Например, Плутарх, автор, по-видимому, наиболее раннего сохранившегося описания событий 68–69 гг., объясняет неоднозначное поведение преторианцев по отношению к Нерону, Гальбе и Отону следующим образом: «Первого (т. е. Нерона. – Е. Г.) солдаты бросили на произвол судьбы, надеясь получить обещанное, второго (Гальбу. – Е. Г.) убили, обманувшись в своих надеждах, а затем, ища нового вожда, который бы расплатился с ними сполна, растратили все силы в мятежах и изменах, так ничего и не достигнув» (Plut. *Galba.* 2. 3; пер. С. П. Маркиша). Если принять эту трактовку как есть, то выходит, что главной движущей силой их были банальная жажда наживы и полное забвение воинского долга. Для придворного историка Клувия Руфа, который, судя по всему, и был главным информатором Плутарха, столь черно-белое видение конфликта неудивительно. За без малого тридцать лет до этих событий и сам Руф принимал участие в заговоре против Калигулы, получив возможность лично познакомиться с высшими офицерами преторианского корпуса [Гуськов, 2021, с. 50]. Тогда союз видных сенаторов с высшими офицерами претория увенчался успехом, однако последовавшее затем самовольное вмешательство рядовых солдат привело к нарушению плана заговорщиков. Так что опыт Руфа скорее подсказывал ему опасаться стихийных порывов воинских масс. Плутарху, в жизни не сталкивавшемуся с военной службой, рядовые воины представлялись как грубая, малообразованная и неотесанная солдатня. Поэтому эмоциональные и экспрессивные оценки Руфа попали на благодатную почву в лице херонейского автора. Тацит, как и Плутарх, опиравшийся на сочинение Руфа при создании своих трудов, вдобавок ко всему имел и собст-

венный негативный опыт, заключавшийся в том, что известное восстание преторианцев, случившееся в 97 г. и чуть было не погубившее Нерву, пришлось как раз на тот момент, когда консулом был будущий историк [Syme, 1958, p. 10 ff.]. Хотя исследователи до сих пор не пришли к единому мнению о датировке этого восстания и помещают его обычно между июлем и октябрём 97 г. [Парфенов, 2022, с. 102], это не сильно снижает градус лично-негативного отношения Тацита к императорским телохранителям. Поэтому не стоит удивляться тому, что историк, и без того не очень жалующий военных, особенно сгущает краски, когда речь заходит о воинах, стоявших непосредственно за спиной принцепса. Так, например, он специально акцентирует внимание на том, что именно преторианцы расстроились после отказа Гальбы от выплаты донативов за оказанную ему поддержку (Тас. *Hist.* I. 5. 1), хотя, надо полагать, рейнские легионеры, оказавшиеся ровно в том же положении, были ничуть не меньше раздосадованы таким поворотом событий (ср., например, Suet. *Galba.* 16. 1) [Morgan, 2006, p. 109].

Императоры, чрезмерно заигрывавшие с армией, в целом пользовались дурной репутацией среди нобилитета. Не удаляясь за границы уже более-менее охваченных нами эпизодов, обратим внимание на то, что Гальба был «своим» для римской знати, которой импонировала его жесткость по отношению к солдатам. Несмотря на то что он был провозглашен императором легионерами VII Сдвоенного легиона в Тарраконской Испании, его кандидатура была почти сразу же и с восторгом поддержана сенатом. Отон, свергнувший Гальбу, в сущности, был ставленником гвардии. Оба они, начиная правление, сначала обращались к военным и только потом к сенату, но в случае аккламации Гальбы в Испании это было хотя бы оправдано тем, что у него не было возможности произнести речь перед курией, у Отона же такого оправдания не было. Чрезмерное заигрывание с солдатами в столице умаляло авторитет сената и потому особенно критично воспринималось близкими к сенаторским кругам античными авторами.

Обычно императоры, имевшие натянутые отношения с сенатом, намеренно демонстрировали всем, и в особенности сенаторам, свои хорошие отношения с гвардией и армией в целом, например, собирая воинскую сходку (*adlocutio*) прежде заседания сената (Тас. *Ann.* XV. 72. 1). Особые отношения императора с армейскими кругами демонстрировали то, чего во времена империи не могло быть у других сенаторов.

Тиберий всячески стремился противопоставить воинов, к которым выказывал свое уважение, сенаторам, к которым испытывал неприязнь (Dio Cass. LVIII. 18. 6). Поэтому, скорее всего, Дион Кассий справедливо усматривал акт устрашения сенаторов в устроенных Тиберием открытых тренировках преторианцев (Dio Cass. LVII. 24. 5).

Что касается отношения воинов императорской охраны к высшему властному органу республики и его отдельным представителям, то его можно определить как двоякое. По меткому выражению Вернера Эка, император, превратившись в политический центр, изменил всю систему координат традиционной общественной жизни [Eck, 2005, S. 3]. Сами преторианцы быстро усвоили правила игры и отведенную им роль в созданной Августом системе управления. И поскольку отныне власть осуществляли совместно принцепс и сенат, преторианцам предстояло занять определенную нишу в непрерывно изменяющемся политическом раскладе. Императора подстерегали различные угрозы, но главная опасность для него в глазах его телохранителей исходила, несомненно, от сената. Если обращаться исключительно к экстраординарным событиям римской истории императорской эпохи, то можно поспешно сделать вывод, что сотрудничество сената с преторианцами обычно ни к чему хорошему для принцепса не приводило. Однако не стоит упускать из виду, что они каждодневно взаимодействовали друг с другом в рамках своего функционала.

Рядовой состав гвардии принадлежал к тем слоям населения, которые еще с поздне-республиканских времен рассматривали императора как главного защитника от всевластия нобилей. Поскольку преторианцы никогда не ставили под сомнение приоритетное право сена-

торов на императорский пурпур, члены курии могли естественным образом рассматриваться как потенциальные враги или, во всяком случае, конкуренты действующего принцепса, защищать которого – священная обязанность каждого гвардейца. Каждый раз, когда подворачивалась возможность поучаствовать в формировании новой конфигурации власти, преторианцы выбирали кандидатов из числа сената: в 41 г. именно рядовые воины фактически принудили принять власть Клавдия (хотя здесь, вне всяких сомнений, решающую роль сыграла принадлежность к роду Августа), в 69 г. они сделали ставку на Марка Сальвия Оттона, который на протяжении почти всего правления Гальбы многими рассматривался как самый вероятный его наследник, а в 193 г. – на видного сенатора Дидия Юлиана (который, кстати, приходился побочным родственником угасшей с Коммодом династии Антонинов). Их мотивы, несмотря на уверения античных писателей, видевших в действиях воинов одно лишь проявление корысти, были, вне всякого сомнения, гораздо сложнее.

Вопреки распространенному заблуждению, гвардия не демонстрирует никакой сверхъестественной политической активности, кроме редких эпизодов [Kerr, 1991, p. 141–142], но даже и в этих случаях речь идет лишь об узком круге высших офицеров, вступающих в контакт с императорским окружением из сената или самого дворца, и только в одном случае – о рядовых воинах и младшем офицерском составе. Так называемый «Заговор Сеяна» вообще должен быть исключен из числа предъявляемых преторианскому корпусу обвинений. Независимо от того, действительно ли замыслил Сеян свергнуть императора [Вержбицкий, 2014] или только стал «козлом отпущения», на которого повесили все ошибки режима [Boddington, 1963; Hennig, 1975; Парфенов, 1999], непреложным остается тот факт, что преторианцы сохранили верность дому Цезарей и не поддержали своего префекта. По сведениям Диона Кассия (LVIII. 12. 2), они даже были возмущены тем, что Тиберий усомнился в их преданности, сделав ставку в устранении префекта Сеяна на вигилов.

В январе 41 г. Гай Калигула был устранен коалицией виднейших сенаторов и узкого круга высших преторианских офицеров, при этом рядовой состав гвардии не принимал участия в заговоре; скорее наоборот, именно позиция простых воинов спутала все карты заговорщиков и предотвратила смену династии или даже реставрацию республики (Dio Cass. LX. 1. 2–3a). Насколько нам известно, это был первый случай, когда рядовой состав гвардии громко заявил о себе как о политической силе (особенно см. Ios. Ant. XIX. 163). Даже если считать, что простые преторианцы действовали не по собственной инициативе, как полагают некоторые исследователи [Menéndez Argüín, 2006, p. 145–146], это не отменяет того факта, что их от случая к случаю рассматривали как потенциальный противовес более политизированной верхушке гвардии. Обратим внимание, что против Гая было организовано несколько заговоров, но наиболее успешным среди них оказался тот, где объединились усилия сенаторов и высших преторианских офицеров. В числе участников этого комплота мы находим виднейших сенаторов – Гн. Сенция Сатурнина, Валерия Азиатика, М. Аррунция Аквилу Юлиана, Л. Анния Винициана, М. Виниция, Л. Норбана Бальба и др. [Kavanagh, 2001; 2010; Sheldon, 2018]. По словам Светония, о заговоре знали оба префекта претория (Suet. Cal. 56. 1: *non sine conscientia potentissimorum libertorum praefectorumque praetori*), однако с уверенностью можно говорить только об участии одного из них – Марка Аррецина Клемента. Вместе с префектами к убийству императора были привлечены как минимум четверо из 12 преторианских трибунов и все трибуны городских когорт (Suet. Claud. 10. 3: *consules cum senatu et cohortibus urbanis*; Ios. Ant. XIX. 188: *σπείρας τέσσαρας*; но: Ios. B. Iud. II. 205: *τρισὶν ταῖς σπυμμενοῦσαις σπείραις*), а также несколько гвардейских центурионов (Suet. Cal. 59; Claud. 11. 1). Несмотря на этот удивительный пример кооперации, убийцы Калигулы преследовали разные цели [McIntyre, 2022, p. 204], и только точка их пересечения оказалась смертельной для него.

Похожие ситуации имели место 18 сентября 96 г. (убийство Домициана) и 31 декабря 192 г. (убийство Коммода): хотя в эти заговоры в той или иной степени были вовлечены префекты претория, основную массу заговорщиков составили непосредственные обитатели

дворца. В трех перечисленных случаях летальным для императора фактором оказался союз префектов с императорскими вольноотпущенниками. Рядовые преторианцы не принимали здесь вообще никакого участия. В 31 и 41 гг. было казнено только несколько трибунов и центурионов, наказания не затронули рядовой состав. Как видно, высшие гвардейские чины не могли положиться на своих подчиненных в столь щекотливых делах.

Более сложный случай представляют события, последовавшие за убийством Домициана во время так называемого преторианского мятежа 97 г. У нас нет полной определенности по поводу расстановки действовавших сил, но имеющиеся данные указывают на то, что это не был классический мятеж [Парфенов, 2022]. Сам заговор против Домициана, несмотря на возможное пассивное участие как минимум одного, а то и обоих префектов (Т. Петрония Секунда и Т. Флавия Норбана), все-таки был либо сенаторским (так его определяло большинство исследователей в первой половине XX в.; обзор литературы по этому вопросу см.: [Collins, 2009, p. 78]; с оговорками эта точка зрения встречается и сегодня: [Bennett, 2005, p. 34 ff.; Jackson, 2022, p. 72]), либо внутриворцовым [Jones, 1979] по своему характеру. И снова к убийству императора рядовые преторианцы не имели никакого отношения [Redaelli, 2020, p. 169]. Они не оспаривали утвержденную сенатом кандидатуру М. Кокцея Нервы, входившего в число друзей Веспасиана. Требовали они, насколько нам известно, только наказания убийц Домициана, что, строго говоря, оправданно с точки зрения приносимой ими присяги. Весь вопрос заключается в том, насколько рядовые преторианцы были самостоятельными, выдвигая такие требования? Считается, что их действия направлял префект Касперий Элиан, за которым, возможно, но это недоказуемо, стояли какие-то политические силы, однако мотивы ни этих безымянных сил, ни самого префекта неизвестны [Парфенов, 2022, с. 103 слл.; Collins, 2013; Grainger, 2003, p. 94 ff.; Berriman, Todd, 2001, S. 324 ff.]. После выполнения данного требования – устранения тех, кого считали виновными в смерти императора, – преторианцы сохраняли полное спокойствие (Aug. Vict. *De Caes.* 11. 9–10). С формально-правовой точки зрения здесь, разумеется, есть, что им предъявить. По римским понятиям, под мятежом понимались как очевидные вооруженное выступление и отказ подчиняться приказам вышестоящих и нарушение военной присяги, так и «даже выкрики (*vociferatio*) и незначительные жалобы (*leves querelae*)» [Махлаюк, 2008, с. 121]. Но взбунтовавшимся воинам, как видим, было что предъявить в качестве контраргумента: с их точки зрения, выдвигаемые ими требования не имели политического характера, но представляли собой исполнение данной императору клятвы.

Сомнительным было и оставление Нерона без защиты в июне 68 г. Стараниями префекта Нимфидия Сабина корпус претория в итоге склонился к признанию императором Гальбы, которого к тому времени *уже* признал сенат. Сабин был вынужден даже пустить в ход подкуп (Plut. *Galba.* 2. 2). Нельзя отрицать, что обещание донативов сыграло свою роль, но было бы сильным упрощением, если не сказать искажением, сводить всю мотивацию гвардейцев к денежному аспекту. Заметим, что Сабину пришлось потрудиться для того, чтобы в непростой ситуации обеспечить согласие корпуса с решением отцов-сенаторов. По сути, перед преторианцами стояла дилемма между воинским и гражданским долгом. С одной стороны, они присягали императору, а не государству или уж тем более не сенату, и присяга явно обязывала их защищать Нерона. С другой стороны, впервые с момента установления принципата носитель верховной власти был объявлен сенатом, который по республиканской традиции обладал высшим правительственным авторитетом, «врагом народа», что создавало своего рода «конституционную неопределенность». Колебания преторианцев показывают, что они явно отдавали предпочтение тому долгу, который им предписывала воинская клятва, но Сабин обещанием наград за то, чтобы воины все оставили как есть и ничего не предпринимали для спасения «дурного принцепса», оспаривая тем самым авторитет сенаторов, сумел убедить их остаться в стороне от борьбы. Каким был стоявший перед преторианцами в тот момент выбор, можно представить, вспомнив слова Траяна, обращенные к префекту претория,

о том, что тот может использовать свой меч против императора, который правит плохо (Aug. Vict. *De Caes.* 13. 9). Конечно, это бравада, но она имела смысл только в той среде, где существовало (наяву или уже в воспоминаниях) особое чувство сопричастности к унаследованному от предков государству. В данном случае Траян умело апеллировал именно к тем римским патриотам, для кого забота о государстве все еще стояла выше личных интересов. Принцепс, чьи интересы расходятся с интересами государства, не уважающий сенат и глумящийся над «нравами предков», – это «дурной принцепс». Вероятно, именно на это и упирал Сабин, пытаясь добиться нужного результата от своих подчиненных. Несомненно то, что Нерон окончательно лишился последнего шанса вернуться на трон, когда сенаторы и преторианцы достигли консенсуса.

Интересную мысль мы находим в речи Отона, обращенной к преторианцам в конце февраля – начале марта 69 г., когда в разгар подготовки к войне с Вителлием они чуть было не перебили приглашенных в императорский дворец сенаторов (Tac. *Hist.* I. 80–84). То ли намеренно, то ли случайно этот званый ужин происходил ровно в тот момент, когда по приказу принцепса из арсенала преторианского лагеря вывозилось оружие для XVII городской когорты, базировавшейся в Остии. Выгрузка оружия в позднее время, однако, смутила солдат, которые увидели в этом подвох со стороны сенаторов, якобы замысливших предать императора (о возможном смысле этой операции: [Morgan, 2006, p. 106–110]). Кажется, это лучшее свидетельство того, что сенат воспринимался ими как перманентная угроза. И вот на следующий день, пытаясь успокоить возмущенных воинов, Отон произнес интересующую нас речь. В ней он подчеркнул единство всех римлян, в особенности самих преторианцев, которых он именует «сынами Италии и настоящей римской молодежью» (Tac. *Hist.* I. 84. 3: *Italiae alumni et Romana vere iuventus*), которым не пристало искать убийства самых уважаемых людей Рима. Особенно примечательными являются его слова о том, что из преторианцев (т. е. римской молодежи) получают сенаторы, а из сенаторов – принцепсы (Tac. *Hist.* I. 84. 4: *...nam ut ex vobis senatores, ita ex senatoribus principes nascuntur*). Сложно сказать, насколько именно эта часть его речи возымела эффект, но в целом результат был достигнут: беспорядки в столице прекратились.

В отличие от офицеров, пусть не слишком часто, но все же время от времени принимавших участие в политических интригах, рядовые только дважды за первые два столетия империи покушались на жизнь императора, и оба раза оказались успешными: в январе 69 г. был убит Гальба, а в марте 193 г. – Пертинакс. Что касается первого эпизода, то некоторым оправданием преторианцам служит то, что число заговорщиков было невелико – 23 человека (Plut. *Galba.* 25. 1; Tac. *Hist.* I. 27. 2; cf. Suet. *Otho.* 5. 2), основная же масса была сама шокирована случившимся. Видимо, нечто похожее, просто в большем масштабе, имело место и в марте 193 г. По свидетельству автора *Historia Augusta*, опиравшегося на сочинение сенатора Мария Максима (SHA. *Pert.* 11. 8–9), разъяренная толпа воинов численностью около 300 чел. ворвалась во дворец и после некоторых переговоров с императором убила его (SHA. *Pert.* 11. 1). В отличие от сторонников Отона, изначально нацеленных на убийство Гальбы, эта толпа, возможно, не имела замысла устранять Пертинакса. По крайней мере, на это намекает сообщение о том, что ворвавшиеся во дворец воины были готовы разойтись после разговора с принцепсом, но неожиданно один из воинов нанес ему удар. Кстати, и здесь мы сталкиваемся с тем, что преторианцев подначивали дворцовые вольноотпущенники (SHA. *Pert.* 11. 5: *...odium in Pertinacem omnium aulicorum fuit, ut ad facinus milites hortarentur*), а по словам Диона Кассия (LXXIV. 6. 3), гнев воинов был вызван происками префекта претория Эмилия Лета, который прекрасно сработался с императорскими либертинами Эклектом и Марцией.

В целом можно сказать, что преторианцы со своей задачей защищать императора успешно справлялись. Низкая дисциплина, с которой часто их ассоциируют, не была обычным состоянием: на протяжении большей части истории преторианского корпуса она поддержива-

лась неукоснительно. «Мятежность» гвардии была не результатом отсутствия тренировок (которые у преторианцев проходили едва ли менее интенсивно, чем у легионеров), а скорее была в какой-то степени обусловлена тем, что преторианцы, находясь подле императора, острее всех остальных воинов ощущали накал политической борьбы в самом сердце империи. Главной проблемой для любого императора была не абстрактная нелояльность преторианской гвардии, а несоответствие между отведенной ей в рамках системы принципата ролью и социальными связями, которыми она была опутана. Из-за этого разрыва в кризисные моменты порой возникала двусмысленность, подвергавшая испытанию не только воинскую этику императорских телохранителей, но и временами их гражданские чувства.

В то же время этот фактор не стоит преувеличивать, когда мы имеем дело с антиимператорскими заговорами в их среде. Те чрезвычайно редкие случаи, когда преторианцы отказывались от поддержки того или иного императора, фактически переходя на сторону сената (самый яркий пример – отказ от поддержки Нерона) или другого претендента на высшую власть (поддержка Отона и Дидия Юлиана в противовес уже правившим соответственно Гальбе и Пертинаксу), свидетельствуют о том, что приоритетную роль для них играли именно военно-этические нормы, а также, с некоторого времени, осознание собственного политического влияния. Переход на сторону сената хотя и противоречил приносимой ими присяге, оправдывался в контексте старой республиканской парадигмы, которая отводила сенату ведущую роль в координации государственного управления Римского государства и тем самым теоретически исключала несанкционированную сенаторами власть принцепса, что в реалиях императорского режима предполагало неисключительные для кого бы то ни было права на принципат, чем можно было бы объяснить и поддержку конкурентов правящего принцепса. Вопрос в том, насколько такие оправдания имели силу. Оставленные античными авторами свидетельства заставляют видеть в подобном поведении преторианцев скорее всего наивного благопристойную ширму, скрывающую вполне меркантильные цели, однако не нужно забывать, что такие эпизоды, как уже было отмечено, крайне редки и вдобавок касаются только части гвардии, притом чаще всего экстремально малой части. В те мгновения (и это, пожалуй, самое подходящее слово, описывающее длительность затрагиваемых нами случаев), когда сенат и гвардия действовали заодно, их цели пересекались лишь частично.

Сама гвардия была социально неоднородной, что порождало разные политические интересы, с одной стороны, у ее офицерского состава, в большей степени склонного к сотрудничеству с нобилитетом, и, с другой стороны, у основной массы солдат, гораздо сильнее заинтересованных в императорском режиме. Из этого, тем не менее, не следует, что рядовые преторианцы были закоренелыми врагами сената, а высшие офицеры, напротив, его союзниками, и что императоры всегда могли положиться лишь на первых. В зависимости от ситуации, опасность могла поджидать его то с одной, то с другой стороны. Насколько нам известно, за всю императорскую эпоху до начала правления Северов только один раз угроза правителю пришла сразу отовсюду: в 193 г. ненависть к Пертинаксу сплотила и префекта претория (и, следовательно, почти наверняка хотя бы часть трибунов и центурионов), и простых воинов; против него, судя по всему, была настроена даже часть сената. При этом убийство принцепса, вероятно, лишь опередило готовившийся против него мятеж в провинциальных гарнизонах. Правда, здесь много спорных вопросов, вызванных состоянием и качеством наших источников, поэтому лучше избегать далеко идущих выводов. Можно было бы допустить, что и в 69 г. произошло почти то же самое, но наши источники единогласно отрицают вовлеченность в заговор против Гальбы высших преторианских офицеров, а у нас нет оснований не верить им на сей счет; впрочем, вялое и неубедительное сопротивление ряда центурионов и трибунов начавшемуся мятежу может быть свидетельством их заинтересованности в его успехе.

Если подвести итог, то можно сказать, что преторианская гвардия с самого начала была щитом и мечом императора против его тайных и явных врагов и потому неизбежно превра-

тилась в ощутимый фактор в отношениях между принцепсом и его основным политическим оппонентом – сенатом. Изъяны же в самом устройстве принципата, в особенности отсутствие четкой процедуры транзита власти, приводили к тому, что иногда преторианский меч был направлен и против того, для чьей защиты он был изначально предназначен.

Список литературы

- Вержицкий К. В.** Падение Сеяна (а был ли заговор?) // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. 2014. № 14. С. 203–210.
- Гуськов Е. А.** Юлий Луп: трибун или центурион? // Изв. Самар. науч. центра Рос. акад. наук. Исторические науки. 2021. Т. 3, № 2 (10). С. 45–57.
- Иванова Е. С.** Преторианская гвардия при дворе римского императора: обряд *salutatio*, императорский *convivium* и развлечения принцепса // *Via in Tempore*. История. Политология. 2024. Т. 51, № 1. С. 34–43.
- Махлаюк А. В.** Римский полководец в ситуации солдатского мятежа: жесты и эмоции // Вестник древней истории. 2008. № 4 (267). С. 114–131.
- Парфенов В. Н.** Сеян: взлет и падение // Античный мир и археология. 1999. № 10. С. 63–88.
- Парфенов В. Н.** Преторианский мятеж осени 97 года и загадка Касперия Элиана // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. 2022. Вып. 22 (1–2). С. 101–114.
- Absil M.** La carrière antérieure (principalement militaire) des préfets du prétoire pendant les deux premiers siècles de l'Empire // La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine. Paris, 1995. P. 167–174.
- Amon H.** Usurpation et coup d'État dans l'empire romain: nouvelles approches // Cahiers d'histoire. 2012. Vol. 31, no. 2. P. 33–65.
- Ando C.** The Army and the Urban Elite: A Competition for Power // A Companion to the Roman Army. Malden; Oxford, 2007. P. 359–378.
- Bennett J.** Trajan Optimus Princeps. A Life and Times. London; New York: Routledge, 2005. 312 p.
- Berriman A., Todd M.** A Very Roman Coup: The Hidden War of Imperial Succession, AD 96–98 // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2001. Bd. 50, Ht. 3. S. 312–331.
- Bingham S. J.** The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces. Waco: Baylor Univ. Press, 2013. 240 p.
- Bird H W. L.** Aelius Seianus and his Political Significance // *Latomus*. 1969. T. 28. Fasc. 1. P. 61–98.
- Bird H W. L.** Aelius Seianus: Further Observations // *Latomus*. 1970. T. 29. Fasc. 4. P. 1046–1050.
- Boddington A.** Sejanus. Whose Conspiracy? // *The American Journal of Philology*. 1963. Vol. 84. P. 1–16.
- Collins A. W.** The Palace Revolution: The Assassination of Domitian and the Accession of Nerva // *Phoenix*. 2009. Vol. 63, no. 1/2. P. 73–106.
- Collins A. W.** Casperius Aelianus, Trajan and the Mutiny of 97 // *Acta Classica*. 2013. Vol. 56. P. 55–61.
- Davenport C.** The Court and Ceremonial // *The Roman Emperor and his Court c. 30 BC – c. AD 300*. Cambridge, 2022. P. 288–317.
- Durry M.** Les cohortes prétoriennes. Paris: E. de Boccard, 1938. 454 p.
- Eck W.** Der Senator und die Öffentlichkeit – Oder: wie beeindruckt man das publikum // *Senatores populi Romani. Realität und mediale Präsentation einer Führungsschicht*. Stuttgart, 2005. S. 1–18.
- Grainger J. D.** Nerva and the Roman Succession Crisis of AD 96–98. London; New York: Routledge, 2003. 162 p.
- Jackson N.** Trajan: Rome's Last Conqueror. Barnsley: Greenhill Books, 2022. 304 p.
- Jones B. W.** Domitian and the Senatorial Order. A Prosopographical Study of Domitian's Relationship with the Senate, A.D. 81–96. Philadelphia: American Philosophical Society, 1979. 186 p.
- Hennig D. L.** Aelius Sejanus. Untersuchungen zur Regierung des Tiberius. München: C. H. Beck, 1975. 183 S.

- Kavanagh B. J.** The Conspirator Aemilius Regulus and Seneca's Aunt's Family // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 2001. Bd. 50, Ht. 3. S. 379–384.
- Kavanagh B. J.** The Identity and Fate of Caligula's Assassin, Aquila // *Latomus*. 2010. T. 69. Fasc. 4. P. 1007–1017.
- Keppie L.** The Praetorian Guard before Sejanus // *Athenaeum*. 1996. Vol. 84. P. 101–124.
- Kerr J. L.** The Role and Character of the Praetorian Guard and the Praetorian Prefecture until the Accession of Vespasian. PhD Thesis. Glasgow: Uni. of Glasgow, 1991. 278 p.
- McIntyre G.** Making and Breaking Emperors: The Cohors Praetoria and the Transition of Imperial Power // *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden; Boston, 2022. P. 202–222.
- Menéndez Argüín A. R.** Pretorianos: la guardia imperial de la Antigua Roma. Madrid: Almena, 2006. 246 p.
- Mennen I.** Praetorian Prefects' Power and Senatorial Status in the Third Century: Reevaluating *Historia Augusta, Vita Alexandri 21. 5* // *Mnemosyne*. 2012. Vol. 65, iss. 4–5. P. 656–673.
- Morgan G.** 69 A.D.: The Year of Four Emperors. New York: Oxford Uni. Press, 2006. 322 p.
- Ottley S.** The Role Played by the Praetorian Guard in the Events of AD 69, as Described by Tacitus in his *Historiae*. PhD Thesis. Perth: Uni. of Western Australia, 2009. 273 p.
- Passerini A.** *Le coorti pretorie*. Roma: Angelo Signorelli, 1939. 362 p.
- Rankov B.** The Praetorian Guard. London: Osprey, 1994. 64 p.
- Redaelli D.** I pretoriani: funzioni, ruolo politico, reclutamento // *Le septième congrès international de Lyon sur l'armée romaine (25–27 oct. 2018, Lyon): Corps du chef et gardes du corps dans l'armée romaine*. Lyon, 2020. P. 161–176.
- Ricci C.** Security in Roman Times. Rome, Italy and the Emperors. London; New York: Routledge, 2018. 300 p.
- Rollinger C.** Specie Dominationis: The 'Ceremonial' Uses of Imperial Bodyguards under the Principate // *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden; Boston, 2022. P. 223–248.
- Sánchez Sanz A.** Pretorianos. La Elite del Ejército Romano. Madrid: La Esfera de los Libros, 2017. 403 p.
- Šašel J.** Zur Rekrutierung der Prätorianer // *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*. 1972. Bd. 21, Ht. 3. S. 474–480.
- Sheldon R. M.** Kill Caesar!: Assassination in the Early Roman Empire. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield Publ., 2018. 384 p.
- Sheldon R. M.** Guarding the Caesars. Roman Internal Security under the Flavian Dynasty. Lanham; Boulder; New York; London: Rowman & Littlefield, 2023. 414 p.
- Syme R.** Tacitus: In 2 vols. Oxford: Clarendon Press, 1958. Vol. 1. 464 p.
- Webster G.** The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries A.D. 3rd ed. Norman: Uni. of Oklahoma Press, 1998. 343 p.

Список источников / List of Sources

- App. B. C. – Ἐμφυλίων Πρώτη = *Bellum civile Appiani Alexandrini* // *Appian's Roman History: In 4 vols. / With an Engl. transl. by H. White*. Cambridge; London: Harvard Uni. Press, W. Heinemann, 1961–1972.
- Aur. Vict. *De Caes.* – *Sexti Aurelii Victoris Liber de Caesaribus* // *Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae, subsequitur Epitome de Caesaribus*. Recensuit F. Pichlmayr. Lipsiae, 1911. P. 75–129.
- Dio Cass. – *Dio Cassius. Dio's Roman History: In 9 vols. / With an Engl. transl. by E. Cary*. London; New York: William Heinemann, The Macmillan Co., 1914–1927.

- Ios. *Ant.* – Flavii Iosephi Antiquitates // Flavii Iosephi Opera omnia / Post Immanuelem Bekkerum recognovit Samuel Adrianus Naber. In VI vols. Lipsiae: B. G. Teubneri, 1888–1893. Vol. I–IV.
- Ios. *B. Iud.* – Flavii Iosephi Bellum Iudaicum // Flavii Iosephi Opera omnia / Post Immanuelem Bekkerum recognovit Samuel Adrianus Naber. In VI vols. Lipsiae: B. G. Teubneri, 1895–1896. Vol. V–VI.
- Plut. *Galba* – Γάλβας / Πλούταρχος. Βίοι Παράλληλοι = Plutarch's Lives: In XI vols. / With an Engl. transl. by B. Perrin. London; Cambridge, 1959. Vol. IX. P. 205–273.
- Sall. *B. Iug.* – Bellum Iugurthinum Sallusti Crispi // Sallust. With an Engl. transl. by J. C. Rolfe. London; New York, 1921. P. 131–381.
- SHA. *Alex. Sev.* – Alexander Severus Aelii Lampridii // Scriptores historiae Augustae: In 3 vols. / With an English transl. by D. Magie. Cambridge; London, 1993. Vol. 2. P. 178–313.
- SHA. *Comm.* – Commodus Antoninus Aelii Lampridii // Scriptores historiae Augustae: In 3 vols. / With an English transl. by D. Magie. Cambridge; London, 1991. Vol. 1. P. 264–313.
- SHA. *Hadr.* – Aelii Spartiani De vita Hadriani // Scriptores historiae Augustae: In 3 vols. / With an Engl. transl. by D. Magie. Cambridge; London, 1991. Vol. 1. P. 2–81.
- SHA. *Pert.* – Helvius Pertinax Iulii Capitolini // Scriptores historiae Augustae: In 3 vols. / With an Engl. transl. by D. Magie. Cambridge; London, 1991. Vol. 1. P. 314–347.
- Suet. *Aug.* – Divus Augustus // Gai Suetoni Tranquilli quae supersunt omnia / Recensuit C. L. Roth. Lipsiae, 1898. P. 38–85.
- Suet. *Cal.* – Gaius Caligula // Gai Suetoni Tranquilli quae supersunt omnia / Recensuit C. L. Roth. Lipsiae, 1898. P. 119–146.
- Suet. *Claud.* – Divus Claudius // Gai Suetoni Tranquilli quae supersunt omnia / Recensuit C. L. Roth. Lipsiae, 1898. P. 147–169.
- Suet. *Galba.* – Galba // Gai Suetoni Tranquilli quae supersunt omnia / Recensuit C. L. Roth. Lipsiae, 1898. P. 199–209.
- Suet. *Otho.* – Otho // Gai Suetoni Tranquilli quae supersunt omnia / Recensuit C. L. Roth. Lipsiae, 1898. P. 209–214.
- Tac. *Ann.* – P. Cornelii Taciti Annalium ab excessu divi Augusti libri: In 2 vols. / Ed. by H. Furneaux. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1896. Vol. 1: Lib. I–VI. 692 p.; 1907. Vol. 2: Lib. XI–XVI. 720 p.
- Tac. *Hist.* – Tacitus. The Histories: In 4 vols. / With an Engl. transl. by C. H. Moore. The Annals. With an Engl. transl. by J. Jackson. Cambridge; London: Harvard Uni. Press, William Heinemann LTD, 1962. Vol. 1. The Histories. Books I–III. 520 p.; Vol. 2. Books IV–V. The Annals. Books I–III. 668 p.

References

- Absil M.** La carrière antérieure (principalement militaire) des préfets du prétoire pendant les deux premiers siècles de l'Empire. In: La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine. Paris, 1995, pp. 167–174.
- Amon H.** Usurpation et coup d'État dans l'empire romain: nouvelles approches. *Cahiers d'histoire*, 2012, vol. 31, no. 2, pp. 33–65.
- Ando C.** The Army and the Urban Elite: A Competition for Power. In: A Companion to the Roman Army. Malden, Oxford, Blackwell Publ., 2007, pp. 359–378.
- Bennett J.** Trajan Optimus Princeps. A Life and Times. London, New York, Routledge, 2005, 312 p.
- Berriman A., Todd M.** A Very Roman Coup: The Hidden War of Imperial Succession, AD 96–98. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 2001, vol. 50, no. 3, pp. 312–331.
- Bingham S. J.** The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces. Waco, Baylor Uni. Press, 2013, 240 p.

- Bird H. W. L.** Aelius Seianus and his Political Significance. *Latomus*, 1969, vol. 28, no. 1, pp. 61–98.
- Bird H. W. L.** Aelius Seianus: Further Observations. *Latomus*, 1970, vol. 29, no. 4, pp. 1046–1050.
- Boddington A.** Sejanus. Whose conspiracy? *The American Journal of Philology*, 1963, vol. 84, pp. 1–16.
- Collins A. W.** Casperius Aelianus, Trajan and the Mutiny of 97. *Acta Classica*, 2013, vol. 56, pp. 55–61.
- Collins A. W.** The Palace Revolution: The Assassination of Domitian and the Accession of Nerva. *Phoenix*, 2009, vol. 63, no. 1/2, pp. 73–106.
- Davenport C.** The Court and Ceremonial. In: *The Roman Emperor and his Court c. 30 BC – c. AD 300*. Cambridge, 2022, pp. 288–317.
- Durry M.** Les cohortes prétoriennes. Paris, E. de Boccard, 1938, 454 p.
- Eck W.** Der Senator und die Öffentlichkeit – Oder: wie beeindruckt man das publikum. In: *Senatores populi Romani. Realität und mediale Präsentation einer Führungsschicht*. Stuttgart, 2005, S. 1–18.
- Grainger J. D.** Nerva and the Roman Succession Crisis of AD 96–98. London, New York, Routledge, 2003, 162 p.
- Guskov E. A.** Yulii Lup: tribun ili tsenturion? [Julius Lupus: Tribune or Centurion?]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Istoricheskie nauki [Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Historical Sciences]*, 2021, vol. 3, no. 2 (10), pp. 45–57. (in Russ.)
- Hennig D. L.** Aelius Sejanus. Untersuchungen zur Regierung des Tiberius. Munich, C. H. Beck, 1975, 183 S.
- Ivanova E. S.** Pretorianskaya gvardiya pri dvore rimskogo imperatora: obryad salutatio, imperatorskii convivium i razvlecheniya printsepsa [The Praetorian Guard at the Court of the Roman Emperor: Ceremny of the Salutatio, Imperial Convivium and the Entertainment of the Princeps]. *Via in Tempore. Istoriya. Politologiya [Via in Tempore. History and Political Science]*, 2024, vol. 51, no 1, pp. 34–43. (in Russ.)
- Jackson N.** Trajan: Rome's Last Conqueror. Barnsley, Greenhill Books, 2022, 304 p.
- Jones B. W.** Domitian and the Senatorial Order. A Prosopographical Study of Domitian's Relationship with the Senate, A.D. 81–96. Philadelphia, American Philosophical Society, 1979, 186 p.
- Kavanagh B. J.** The Conspirator Aemilius Regulus and Seneca's Aunt's Family. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 2001, vol. 50, no 3, pp. 379–384.
- Kavanagh B. J.** The Identity and Fate of Caligula's Assassin, Aquila. *Latomus*, 2010, vol. 69, no. 4, pp. 1007–1017.
- Keppie L.** The Praetorian Guard before Sejanus. *Athenaeum*, 1996, vol. 84, pp. 101–124.
- Kerr J. L.** The Role and Character of the Praetorian Guard and the Praetorian Prefecture until the Accession of Vespasian. PhD Thesis. Glasgow, Uni. of Glasgow, 1991, 278 p.
- Makhlayuk A. V.** Rimskii polkovodets v situatsii soldatskogo myatezha: zhesty i emotsii [The Roman Commander in the Situation of a Soldier's Rebellion: Gestures and Emotions]. *Vestnik drevnei istorii [Journal of Ancient History]*, 2008, no. 4 (267), pp. 114–131. (in Russ.)
- McIntyre G.** Making and Breaking Emperors: The Cohors Praetoria and the Transition of Imperial Power. In: *Brill's Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean*. Leiden, Boston, 2022, pp. 202–222.
- Menéndez Argüín A. R.** Pretorianos: la guardia imperial de la Antigua Roma. Madrid, Almena, 2006, 246 p.
- Mennen I.** Praetorian Prefects' Power and Senatorial Status in the Third Century: Reevaluating Historia Augusta, *Vita Alexandri* 21. 5. *Mnemosyne*, 2012, vol. 65, no. 4–5, pp. 656–673.
- Morgan G.** 69 AD: The Year of Four Emperors. New York, Oxford Uni. Press, 2006, 322 p.

- Ottley S.** The Role Played by the Praetorian Guard in the Events of AD 69, as Described by Tacitus in his *Historiae*. PhD Thesis. Perth, Univ. of Western Australia, 2009, 273 p.
- Parfenov V. N.** Pretorianskiy myatezh oseni 97 goda i zagadka Kasperiya Eliana [The Praetorian Mutiny of Fall Autumn 97 and the Mystery of Casperius Aelianus]. *Mnemon. Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [*Mnemon: Research and Publications on the History of the Ancient World*], 2022, iss. 22 (1–2), pp. 101–114. (in Russ.)
- Parfenov V. N.** Seyan: vzlet i padenie [Sejanus: Rise and Fall]. *Antichnyi mir i arheologiya* [*Ancient World and Archaeology*], 1999, iss. 10, pp. 63–88. (in Russ.)
- Passerini A.** Le coorti pretorie. Roma, Angelo Signorelli, 1939, 362 p.
- Rankov B.** The Praetorian Guard. London, Osprey, 1994, 64 p.
- Redaelli D.** I pretoriani: funzioni, ruolo politico, reclutamento. In: Le septième congrès international de Lyon sur l'armée romaine (25–27 oct. 2018, Lyon): Corps du chef et gardes du corps dans l'armée romaine. Lyon, 2020, pp. 161–176.
- Ricci C.** Security in Roman Times. Rome, Italy and the Emperors. London, New York, Routledge, 2018, 300 p.
- Rollinger C.** Specie Dominationis: The ‘Ceremonial’ Uses of Imperial Bodyguards under the Principate. In: Brill’s Companion to Bodyguards in the Ancient Mediterranean. Leiden, Boston, Brill, 2022, pp. 223–248.
- Sánchez Sanz A.** Pretorianos. La Elite del Ejército Romano. Madrid, La Esfera de los Libros, 2017, 403 p.
- Šašel J.** Zur Rekrutierung der Prätorianer. *Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte*, 1972, vol. 21, no. 3, pp. 474–480.
- Sheldon R. M.** Guarding the Caesars. Roman Internal Security under the Flavian Dynasty. Lanham, Boulder, New York, London, Rowman & Littlefield, 2023, 414 p.
- Sheldon R. M.** Kill Caesar!: Assassination in the Early Roman Empire. Lanham, Boulder, New York, London, Rowman & Littlefield, 2018, 384 p.
- Syme R.** Tacitus. In 2 vols. Oxford, Clarendon Press, 1958, vol. 1, 464 p.
- Verzhbitsky K. V.** Padenie Seyana (a byl li zagovor?) [The Fall of Sejanus (Was There a Conspiracy?)]. *Mnemon: Issledovaniya i publikatsii po istorii antichnogo mira* [*Mnemon: Research and Publications on the History of the Ancient World*], 2014, iss. 14, pp. 203–210. (in Russ.)
- Webster G.** The Roman Imperial Army of the First and Second Centuries AD. 3rd ed. Norman, Uni. of Oklahoma Press, 1998, 343 p.

Информация об авторе

Евгений Александрович Гуськов, кандидат исторических наук, доцент
Scopus Author ID 57763842400
WoS Researcher ID ABB-9152-2021

Information about the Author

Evgeniy A. Guskov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor
Scopus Author ID 57763842400
WoS Researcher ID ABB-9152-2021

Статья поступила в редакцию 22.06.2024;
одобрена после рецензирования 20.10.2024; принята к публикации 07.11.2024
The article was submitted on 22.06.2024;
approved after reviewing on 20.10.2024; accepted for publication on 07.11.2024

Научная статья

УДК 94(510).08 + 274/278

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-24-41

Репрезентация реформационных традиций в Китае: миссионерские стратегии, дискурсивные практики и политика религиозной классификации

Армаис Мартуниевич Ананян¹

Иван Андреевич Фадеев²

^{1,2} Институт всеобщей истории Российской академии наук
Москва, Россия

¹ araaks@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-1817-8542>

² fadeyev.ivan@yahoo.co.uk, <https://orcid.org/0000-0003-2202-2246>

Аннотация

Рассматривается, как миссионеры различных реформационных традиций стремились представить себя китайской аудитории в XIX – начале XX в. Речь идет о множественных проектах самоопределения, основанных на богословских аргументах, полемическом противопоставлении католичеству и культурных стратегиях адаптации. Выбор китайского эквивалента для понятия «протестантизм» был лишь одной из таких стратегий, входившей в более широкий репертуар дискурсивных практик, включавших апелляцию к авторитету Писания, риторику «восстановления» и стремление дистанцироваться от конкурирующих традиций. Возникшее многообразие понятий – от «религии Иисуса» до «религии восстановления» и «деноминации, борющейся с Римом» – показывает, что формы самопрезентации неотделимы от борьбы за легитимность, идентичность и культурное позиционирование. Авторы статьи демонстрируют, что то, что в Европе выглядело устойчивой категорией, в Китае стало гибкой, спорной и исторически контингентной конструкцией.

Ключевые слова

Китай, миссионеры, Реформация, реформационные традиции, протестантизм, саморепрезентация, дискурс, идентичность, классификация, легитимность, исторический институционализм, эффект колена

Для цитирования

Ананян А. М., Фадеев И. А. Репрезентация реформационных традиций в Китае: миссионерские стратегии, дискурсивные практики и политика религиозной классификации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 24–41. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-24-41

Representing Reformation Traditions in China: Missionary Strategies, Discursive Practices, and the Politics of Religious Classification

Armais M. Ananyan¹, **Ivan A. Fadeyev**²

^{1,2} Institute of World History, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ araaks@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-1817-8542>

² fadeyev.ivan@yahoo.co.uk, <https://orcid.org/0000-0003-2202-2246>

Abstract

This article examines the diverse approaches taken by missionaries from various Reformation traditions in constructing and communicating their confessional identities to Chinese audiences during the nineteenth and early twentieth

© Ананян А. М., Фадеев И. А., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 24–41

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 24–41

century. Moving beyond the retrospective and analytically unstable umbrella of “Protestantism”, it reveals how missionaries advanced competing projects of self-definition rooted in divergent theological claims, polemical engagements with Catholicism, and strategies of cultural adaptation. A noteworthy aspect of this endeavor was the quest for an appropriate Chinese term for “Protestantism,” which formed only a part of a larger discourse. The proliferation of labels – including “Religion of Jesus”, “Religion of Restoration”, and “Denomination Opposing Rome” – demonstrates how language served not simply as a tool of translation, but as an arena of confessional contestation and cultural positioning. The study situates these linguistic and theological strategies within the specific socio-political context of late Qing and early Republican China, characterized by imperial decline, legal pluralism, and shifting frameworks of cultural authority. Employing discourse analysis alongside the analytical tools of historical institutionalism – especially the concepts of path dependence, institutional layering, and the adaptation of inherited categories to new environments – it traces how European notions of post-Reformation Christianity were destabilized and reconfigured in the Chinese linguistic and intellectual field. Translation emerged as a process of negotiation, in which missionaries, local intermediaries, and Chinese observers collaboratively shaped and reshaped the boundaries of religious identity. The article argues that a seemingly stable category in Europe, however contested by historians, transformed in China into a fluid, historically contingent configuration. This transformation underscores the political and epistemic dimensions of religious classification in cross-cultural contexts and highlights that global Christianity evolved through processes of mutual interpretation rather than unilateral diffusion.

Keywords

China, missionaries, Reformation, Reformation traditions, Protestantism, self-representation, discourse, identity, classification, legitimacy, historical institutionalism, path dependence

For citation

Ananyan A. M., Fadeyev I. A. Representing Reformation Traditions in China: Missionary Strategies, Discursive Practices and the Politics of Religious Classification. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 24–41. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-24-41

В современном религиоведении, особенно в отечественной традиции, христианство почти неизменно представляется через предельно простую классификационную схему: триаду «католичество – православие – протестантизм», иногда дополненную «ориентальным сектором» – дохалкидонскими церквями [Давыдов, Фадеев, 2019, с. 13; Лебедев, Прилуцкий, 2010, с. 174]. Эта схема закрепились в учебниках, энциклопедиях и университетских курсах, предлагая на первый взгляд ясную картину христианского мира. Однако эта кажущаяся ясность скрывает глубокие концептуальные трудности. Подобно многим педагогическим упрощениям, схема не столько способствует интеллектуальной ясности, сколько порождает концептуальные искажения, побуждая студентов и исследователей принимать то, что по сути является полемическим наследием, за строгую научную таксономию [Давыдов, Фадеев, 2019, с. 13].

Корень затруднения – в месте «протестантизма» внутри данной триады. Если католичество и православие можно с достаточными основаниями описывать как видовые понятия – относительно цельные конфессиональные образования с непрерывным институциональным и догматическим ядром, – то «протестантизм» выступает понятием родовым [Лебедев, Прилуцкий, 2010, с. 177; Давыдов, Фадеев, 2019, с. 13; 2021, с. 39]. Ставить их рядом – значит допускать логическую категориальную ошибку, смешение уровней, которое оборачивается концептуальным нонсенсом. Но трудность не ограничивается формальной логикой: в отличие от католичества и православия, «протестантизм» никогда не обладал догматическим, литургическим или организационным единством [Лебедев, Прилуцкий, 2010, с. 180; Давыдов, Фадеев, 2019, с. 13; Фадеев, 2025]. Повторяемое в справочной литературе утверждение, что, несмотря на все внутренние различия, «протестантизм» воспринимается как единый религиозный феномен, есть не столько эмпирическое описание, сколько дискурсивная необходимость: без такого допущения рухнула бы стройность привычной триады [Лебедев, Прилуцкий, 2010, с. 174].

Как подчеркивают исследователи, сам термин – это не продукт рефлексии ученых, т. е. категория анализа, а категория практики, рожденная в разгар конфессиональных столкновений [Давыдов, Фадеев, 2019, с. 10–12]. В смешении этих двух категорий таится еще одна опасность для исследователей. Слово *protestantes* впервые появляется на рейхстаге в Шпейере в 1529 г., когда группа лютеранских князей и городов выступила с формальной деклара-

цией, направленной против восстановления Вормского эдикта [Давыдов, Фадеев, 2019, с. 11]. Таким образом, изначально оно обозначало конкретный политико-юридический акт, декларацию позиции, а не богословскую или догматическую идентичность, ведь латинское *protestatio* «имеет основную семантику целенаправленного свидетельства в пользу чего-либо» [Лебедев, Прилуцкий, 2010, с. 188]. Ошибка последующей историографии заключалась в том, что этот случайный ярлык был превращен в аналитическую категорию и стал трактоваться как обозначение цельной религиозной традиции [Давыдов, Фадеев, 2019, с. 12]. В традиции Билефельдской школы истории понятий речь идет о том, что не была восстановлена «нулевая степень» смысла «базового исторического понятия» (*geschichtliche Grundbegriffe*), без чего невозможно его корректное аналитическое применение. Оторванный от своего генезиса «протестантизм» функционирует как «пустое рамочное понятие»: псевдокатегория, обеспечивающая форму классификации без ее содержания [Там же, с. 10]. Термины, оторвавшиеся от своего референта, подвергаются семантической инфляции, обрастая мифологическими коннотациями и теряя аналитическую точность. Так термин «протестанты», являющийся префиксальным дериватом от отложительного латинского глагола *testor* («свидетельствовать, удостоверить, торжественно утверждать, клятвенно заверять» [Дворецкий, 1976, с. 1009]), превратился из обозначения авторов «шпейерского свидетельства», вошедшего в историю как «Шпейерская протестация» (*Die Protestation zu Speyer*), в обозначение почти любого сторонника реформаторского или диссидентского движения: отсюда такие словосочетания, как, например, «исламский протестантизм» [Sukidi, 2005] или «иудейский протестантизм» [Лебедев, Прилуцкий, 2021, с. 81]. Это, в терминах дискурсивного институционализма, не что иное, как пример «плавающего означающего» (*floating signifier*), чья сила заключается не в ясности, а в повторяемости и конвенционализации. Особенно ярко схематизм проявляется в отношении англиканства: несмотря на сохранение епископата, сакраментальной экклезиологии и сильного чувства кафоличности, англиканство почти автоматически классифицируется как ветвь «протестантизма». Это пример того, что Дерек Сэйер называет «насилием абстракции», когда концептуальная модель игнорирует или подавляет сложность и специфичность исторического процесса (или, как в нашем случае, уникальное явление втискивается в прокрустово ложе классификации, а не рассматривается на соответствующем ему уровне таксономии) [Sayer, 1987].

Параллельный критический подход указывает на полисемию и избыточную прагматичность этого термина. В зависимости от контекста он может означать: (1) церкви, возникшие из Реформации; (2) более широкие богословские тенденции; (3) аналогичные реформаторские течения в других религиях [Лебедев, Прилуцкий, 2021, с. 76, 79–81]. Такая изменчивость несовместима с требованиями научной терминологии, в рамках которой термин, обозначающий не общее, но специальное понятие, должен быть однозначным и операционально полезным [Лебедев, Прилуцкий, 2010, с. 177; Давыдов, Фадеев, 2019, с. 10]. На деле он чаще выступает как отрицательная дефиниция – «все христиане, которые не католики и не православные» [Давыдов, Фадеев, 2019, с. 13], а нередко используется и как дискурсивное «оружие»: обвинения в «протестантских симпатиях» или в «тайном протестантизме» действуют как механизмы делегитимации, а не как аналитические характеристики [Лебедев, Прилуцкий, 2021, с. 82]. Таким образом, чрезмерное распространение термина в учебной и научной практике объясняется не аналитической адекватностью, а властным дискурсом. В терминах дискурсивного институционализма его постоянное воспроизведение приводит к «семантической натурализации» категории, создавая видимость ее самоочевидности. С точки зрения исторического институционализма устойчивость понятия объясняется механизмами «эффекта колеи»¹: закрепившись в конфессиональной полемике и упрочившись в историогра-

¹ «Эффект колеи» (или теория «зависимости от предшествующего развития») – базовое понятие историко-институционального анализа, обозначающее «историческую инерцию», «характеризующую те исторические последовательности, в которых случайные события запускают институциональные модели или событийные цепочки, обладающие детерминистскими свойствами» [Mahoney, 2000, p. 507]. Иными словами, выборы и события, имев-

фии XIX в., категория приобрела инерцию, воспроизводимую через процессы наслоения (layering)² и дрейфа (drift)³, даже после утраты содержательной связности. Иными словами, его устойчивость объясняется не аналитической адекватностью, а взаимодействием дискурсивных механизмов и институциональной инерции.

Попытки «спасти» термин через выделение богословских минимумов – таких как три *sola* (*sola fide*, *sola gratia*, *sola scriptura*) – оказываются несостоятельными. Первые два принципа восходят к августирианскому антипелагианству и не могут выступать уникальными характеристиками «протестантизма» [Фадеев, 2015, с. 378–390], а третий часто неверно истолковывается и вовсе не обязательно означает отказ от предания [Лебедев, Прилуцкий, 2010, с. 186]. Не приносят успеха и попытки внутреннего деления («классический протестантизм», «радикальный протестантизм», «неопротестантизм» и т. п.), так как критерии этих различий остаются произвольными [Лебедев, Прилуцкий, 2010, с. 176; 2021, с. 79–80]. Как справедливо отмечают критики, «протестантизм» – это понятие скорее пластичное, нежели точное: оно может включать почти всех – от лютеран и кальвинистов до пятидесятников и даже свидетелей Иеговы, – и именно по этой причине не выдерживает проверки на научность [Лебедев, Прилуцкий, 2010, с. 176, 181–182; Давыдов, Фадеев, 2019, с. 12].

В итоге становится очевидно: устойчивость «протестантизма» как аналитической категории объясняется не его содержательной состоятельностью, а взаимодействием дискурсивных механизмов и институциональной инерции. Это одновременно и семиотически раздутое пустое означающее, и зависимый от эффекта колеи классификационный режим. Его дальнейшее некритическое использование лишь воспроизводит псевдопонятия, которые не проясняют, а затуманивают картину христианского прошлого. Необходимо, на наш взгляд, признать, что наши унаследованные словари – это не нейтральные описания, а продукты истории, дискурса и власти, и потому они сами должны становиться предметом анализа.

Если в европейских языках в силу эффекта колеи закрепилось одно-единственное пустое рамочное означающее – *Protestantism* и т. д., то задача данной статьи заключается в том, чтобы выйти за пределы привычного западноевропейского горизонта и рассмотреть, каким образом аналогичные процессы концептуализации происходили в иной лингвокультурной среде – в Китае. Мы намерены проследить, какими означающими пользовались китайская миссионерская и ученая традиции для обозначения того комплекса религиозных феноменов, который на Западе априори подводится под зонтичное понятие «протестантизм»; систематизировать их, реконструировать генезис и выявить динамику семантического развития. Тем самым мы стремимся показать, что даже сама структура понятийного аппарата, с помощью

шие место на раннем этапе, могут оказывать долговременное влияние на последующее институциональное развитие. Это означает, что, как только выбран определенный путь, отклониться от него становится все труднее, даже если альтернативные направления могут оказаться более эффективными или желательными.

² В рамках исторического институционализма выделяют пять моделей изменения: «вытеснение» (displacement), «наслаивание» (layering), «дрейф» (drift), «конверсия» / «переосмысление» (conversion), «истощение» (exhaustion) (см., например: [Streeck, Thelen, 2005, p. 19–30; Mahoney, Thelen, 2010, p. 15–18]). Наслаивание (layering) – это добавление новых правил к существующим, что меняет способы их действия, не создавая полностью новых институций. Оно выражается в поправках, ревизиях или дополнениях, которые могут существенно трансформировать институцию, если затрагивают ее внутреннюю логику или подрывают устойчивость исходного «ядра». Чаще всего наслаивание возникает там, где у акторов нет ресурсов для радикальных реформ, и они вынуждены действовать в рамках существующей системы, вводя новые правила поверх или наряду со старыми [Mahoney, Thelen, 2010, p. 15–17].

³ Дрейф (drift) – это тип институционального изменения, возникающий тогда, когда формально неизменные правила начинают действовать иначе вследствие сдвигов во внешней среде / внешнем контексте; при этом сознательное бездействие акторов в отношении таких изменений само становится источником трансформации. Институты требуют постоянного поддержания и адаптации; в противном случае они подвержены эрозии или атрофии, когда несоответствие между неизменными нормами и изменившимся контекстом ведет к скрытым, но зачастую фундаментальным изменениям [Mahoney, Thelen, 2010, p. 16, 17; Streeck, Thelen, 2005, p. 24–26].

которого описывается христианство, не универсальна: она формируется в результате конкретных исторических обстоятельств, дискурсивных практик и институциональных контекстов.

История формирования китайской богословской терминологии для обозначения религиозных традиций, возникших в ходе европейской Реформации XVI в., остается недостаточно изученной. Несмотря на то, что существуют научные статьи на китайском языке, касающиеся данной темы, китайские коллеги не занимались систематическим изучением этого вопроса, уделив свое внимание лишь отдельным аспектам проблемы.

На протяжении разных эпох миссионеры, представлявшие различные реформационные конфессии, активно искали наиболее подходящие, с их точки зрения, понятия для саморепрезентации перед китайской аудиторией. Дискуссии, в особенности о самом «правильном» – а для многих и самом «библейском» – понятии, а также об эквиваленте европейского *Protestantism*, приобретали серьезный размах и даже выносились на публику, как, например, в случае с двадцатилетней полемикой на страницах влиятельного журнала «Цзяоу цзачжи» (教會雜誌; *The Chinese Recorder*⁴). К этому процессу подключились и представители других конфессий, включая католиков и участников Тайпинского восстания, предлагавшие собственные варианты.

Следует отметить, как правильно замечает китайский исследователь Чжан Кэ, история этих понятий в китайском языке имеет множество белых пятен, и вовсе не всегда есть возможность достаточно прояснить происхождение того или иного из них и мотивы выбора переводчиком сочетания нескольких иероглифов, передающих их содержание. В частности, деятели Цинского Китая в одном и том же произведении могли одновременно использовать различные понятия. В некоторых произведениях можно обнаружить переходные формы того или иного понятия, помогающие нам определить направление развития термина, но не получившие широкого распространения [Чжан Кэ, 2011, с. 75–76].

Анализ истории многочисленных понятий, возникших на протяжении нескольких столетий, позволяет выделить несколько групп оных, использовавшихся для описания реформационных традиций (табл. 1, 2). Важно подчеркнуть, что эти понятия отражают в первую очередь скорее стратегии презентации, полемики и самоидентификации и лишь в отдельных случаях – попытку поиска аналога европейскому «протестантизму». Осознавая степень сложности вопроса, и невозможности в одной статье досконально раскрыть тонкости более чем двухсотлетней истории поиска и / или перевода, мы взяли на себя смелость попытаться систематизировать основные понятия.

Как отмечает чешский синолог З. Гержманова-Новотна, «заимствование лексической единицы очень часто является наиболее удобным способом обозначения новой вещи или новой институции, ранее не известных языковому сообществу. Если эта процедура оказывается неудобной, язык воспроизводит определенную иностранную модель или формирует новую лексическую единицу по ее импульсу, применяя привычные для родного языка словообразовательные модели» [Heřmanová-Novotná, 1967, p. 613]. Она выделяет две категории новообразований, объединяющих несколько типов оных.

⁴ *Chinese Recorder and Missionary Journal* – периодическое издание, выходившее в той или иной форме (журнал, брошюра, газета) в Шанхае с 1867 по 1941 г., после чего было закрыто оккупационными японскими властями. Журнал был ведущим изданием для англоязычного миссионерского сообщества в Китае, а также имел ряд китайских читателей. В 1920-х и 1930-х гг. он был известен своей либеральной теологией и поддержкой китайского национализма. Предшественник этого периодического издания, *The Missionary Recorder: A Repository of Intelligence from Eastern Missions, and Medium of General Information*, просуществовал всего один год (1867–1868) и издавался методистским издательством «The Methodist Press» в Фучжоу. *Chinese Recorder and Missionary Journal* издавался им с 1867 по 1872 г., а с 1874 г. он перешел под контроль реформатского издательства «The Presbyterian Press» в Шанхае. К 1939 г. журнал стал известен под названием *The Chinese Recorder and Educational Review*, но в декабре 1941 г. прекратил свое существование.

Таблица 1

Основные понятия, обозначающие реформационные движения

Table 1

Principal Notions Designating Reformation Movements

Категория 1: заимствования		Категория 2: неологизмы	
Фонемные заимствования		Заимствования-переводы (кальки)	
1	波羅特士頓教 (Bōluótèshìdùn Jiào) ¹ – «Protestantism»	5	復原教 (Fùyuán Jiào) – «религия восстановления / возвращения к истокам»
		6	更正教 (Gēngzhèng Jiào) – «религия исправления»
		7	更正宗 (Gēngzhèng Zōng) ² – «деноминация исправления»
		8	誓反教 (Shìfǎn Jiào) ³ – «религия клятвы протеста / борьбы»
		9	抗羅宗 (Kàng Luó Zōng) – «деноминация, борющаяся с Римом»
		10	抗議宗 (Kàngyì Zōng) ⁴ – «деноминация протеста»
		<i>Семантические заимствования</i>	
2	耶穌教 (Yēsū Jiào) ⁵ – «религия Иисуса»	11	聖公會 (Shènggōnghuì) ⁶ – «святая католическая церковь»
3	路得修教 (Lùdé xiū jiào) ⁷ – «религия исправления Лютера»	12	基督教 (Jīdū jiào) ⁸ – «религия Христа»
4	加爾威諾修教 (Jiā'ěrwēinuò xiū jiào) ⁹ – «религия исправления Кальвина»	13	基督 (教) 新教 (Jīdū(jiào) Xīn jiào) – «новая религия Христа»
		14	新教 (Xīn Jiào) ¹⁰ – «новая религия»
		15	福音教 (Fúyīn Jiào) ¹¹ – «религия Евангелия / Благой Вести»
		16	西教 (Xī Jiào) ¹² – «западная религия»
		17	修教 (Xiū Jiào) ¹³ – «религия исправления»
		18	天主新教 (Tiānzǔ Xīn Jiào) ¹⁴ – «новая религия Небесного Владыки»
		19	耶穌本教 (Yēsū Běn Jiào) ¹⁵ – «религия самого Иисуса»
		20	耶穌聖教 (Yēsū Shèng Jiào) ¹⁶ – «святая религия Иисуса»
		21	耶穌基督聖教 (Yēsū Jīdū Shèng Jiào) ¹⁷ – «святая религия Иисуса Христа»

22	進正教 (Jìn Zhèng Jiào) ¹⁸ – «продвижение / восхождение к истинной Церкви»
23	辯正教 (Biàn Zhèng Jiào) ¹⁹ – «указывающая на ошибки и спрашивающая их (религия)»
24	耶穌正教 (Yēsū Zhèngjiào) ²⁰ – «истинная религия Иисуса»
25	聖教 (Shèng Jiào) ²¹ – «святая религия»

¹ Понятие 波羅特士頓教 – последовательность иероглифов, подобранных для передачи звучания, предположительно, либо немецкого *Protestanten*, либо, что более вероятно, английского слова *Protestant*. Не несет никакой смысловой нагрузки. Возможно, впервые упоминается известнейшим государственным деятелем цинского Китая Линь Цысюем (1785–1850) в работе «Сведения о четырёх материках» (1839) [Линь Цысюй, 2002, с. 189].

² Понятия 復原教 («религия восстановления / возвращения к истокам»), 更正教 («вероисповедание / деноминация исправления») использовались преимущественно реформаторами-пресвитерианами, стремившимися подчеркнуть истинность своего учения. Выражают идею «исправления» как «возвращения» к «визначальной», «правильной» форме христианства (т. е. являются переводом латинского *reformatio*), чем отличаются от 修教 («религия исправления»), где иероглиф 修 (xiū) имеет широкий спектр значений: от «чинить» и «ремонтировать» до «заниматься изучением» и «совершенствоваться». Он передает идею процесса – процесса улучшения и исправления.

³ 誓反教 – перевод-калька европейского понятия *Protestantism / Protestantismus*, сокращение от 誓盟反抗教會 (Shì Méng Fǎnkàng Jiàohuì). Активно использовалось католическими миссионерами, стремившимися подчеркнуть, что сторонники Реформации были «клятвопреступниками», выступившими против законной Церкви. Другой вариант 誓反裂教 (Shìfǎn Liè Jiào).

⁴ Понятия 抗羅宗 и 抗議宗, которые использовались преимущественно католическими миссионерами и полемистами, восходят к немецкому *Protestanten* и подчеркивают антикатолический характер движения.

⁵ Данное понятие также служило для противопоставления католичеству, которое представители реформационных миссий иногда пренебрежительно обозначали как 拜瑪麗亞教 (Bài Mǎliyà Jiào) или 瑪利亞教 (Mǎliyà Jiào; «религия Марии»). Мнения о его происхождении различны. Из миссионеров первым его начал использовать, по всей видимости, соратник Роберта Моррисона, член Лондонского миссионерского общества, конгрегационалист Уильям Милн (William Milne, апрель 1785 – 2 июня 1822). Чжан Кэ, однако, находит это понятие у лютеранина Карла Фридриха Августа Гюлафа (известного в Китае как 郭士立 или 郭實腊; 8 июля 1803 – 9 августа 1851) в его «Ежемесячнике исследований Востока и Запада» (東西洋考每月統紀傳; Eastern Western Monthly Magazine) уже в 1834 г. Первое упоминание китайцами – сочинение Лян Тинна в сочинении «О трудностях проповеди христианства в Китае» (1846 г.).

⁶ Согласно Ф. Л. Уикери, 聖公會 было одним из ранних понятий, обозначающих христианство, введено в оборот Робертом Моррисоном и его ассистентами-китайцами. В молитвеннике 年中每日早晨祈禱款式 (Niánzhōng Mèirì Zǎochēn Qǐdǎo Xùshì; англ. «Daily Order of Morning Prayer throughout the Year»; рус. «Ежедневный порядок утренней молитвы в течение всего года»), опубликованном в 1818 г., Моррисон использует его для описания Церкви. Впоследствии, он какое-то время будет использоваться для описания всех реформационных церковных сообществ, рассматриваемых как единое целое. Тем не менее, его в скором времени заменило понятие 基督教 (Jīdū Jiào, «религия Христа» / христианство), что Ф. Л. Уикери объясняет желанием представителей реформационных традиций «отделить» себя в сознании китайцев от римо-католиков, которые, находясь в Китае значительно более продолжительное время, были известны как последователи 天主教 (англ. «Religion of the Lord of Heaven»; рус. «религия Небесного Владыки»). Помимо этого, Ф. Л. Уикери указывает на стремление реформационных церковных общин провести различие между друг другом. В этой связи к середине XIX в. понятия, обозначающие каждую из них, приняли фиксированный характер, а понятие 聖公會 прочно закрепились за церковной организацией, которую пытались создать британские англичане и американские епископалы. Последние избрали это понятие, отмечая Ф. Л. Уикери, по той причине, что оно подчеркивало «кафолические» претензии Церкви Англии и ПЕЦ США [Wicket, 2015, p. 3].

⁷ 路得修教 – понятие, отражающее сдвиг в китайских представлениях о личности Мартина Лютера и предлагавшего положительную его характеристику как «исправителя» христианства. Также является «переходным» понятием, которое не получило широкого распространения. Встречается в работе 海國圖志 («Географическое описание

заморских государств», 1843 г.) ученого Вэй Юаня (1794–1856), цитировавшего труд португальского автора Жозе Мартино Маркиша (José Martinho Marques; был известен в Китае как 瑪吉士, Mǎjīshì) 新釋地理備考全書 («Новое изложение полного свода исследований по географии», 1847 г.).

⁸ Также используется для перевода термина «христианство». Чжан Кэ находит этот термин в записках о пребывании в Европе известного Цинского дипломата Сюэ Фучэна (薛福成, Xué Fúchéng), известных как «Дневник посла в четырёх странах: Англии, Франции, Италии и Бельгии» (《出使英法意比四國日記》) [Чжан Кэ, 2011, с. 82]. Это вариант предлагал также Джордж Уоррен Хинман, член Американского совета уполномоченных по иностранным миссиям (The American Board of Commissioners for Foreign Missions) [Чэн Сюэцзоань, 2023, с. 18].

⁹ 加爾威諾修教, как и в случае с 路得修教, было понятием, которое отражало поиск наиболее адекватного обозначения конкретной реформационной традиции (реформатства) среди китайских интеллектуалов. Также используется Вэй Юанем в «Географическом описании заморских государств».

¹⁰ Оба понятия – 基督(教) 新教 («новая религия Христа») и 新教 («новая религия») – предполагают противопоставление «старой религии» (舊教), т. е. католицизму. Также употреблялся вариант 改新教 (Gǎi Xīn Jiào; «религия реформы [и обновления]»). Чжан Кэ цитирует [Вэй Юань, 1843, с. 1203] и [Май Дуси, 1848, с. 1020] [Чжан Кэ, 2011, с. 82].

¹¹ Это понятие использует уже известнейший ученый, член Общества Иисуса, покинувший его в 1876 г., и основатель Фуданьского университета Ма Сянбо (馬相伯; 17 апреля 1840 – 4 ноября 1939) в труде 元史國語解曰 («Объяснение терминов истории династии Юань»), подразумеваемая «христианскую религию», т. е. католицизм. В полемике на страницах журнала «Цзяо цзачжи» его употребление поддерживает Джеймс Уолтер Лоури (1856–1930), миссионер пресвитерианской Церкви США. В современном китайском языке оно часто употребляется при описании истории реформационных движений во Вьетнаме.

¹² 西教 – понятие, носящее культурно-географический, а не конфессиональный характер. Оно отражало внешний, китаецентричный взгляд на реформационные движения как на единый комплекс чужеземных учений. Его использование демонстрирует, что первоначальное осмысление их в Китае происходило не через призму внутренних богословских различий, а через призму фундаментального противопоставления «своего» (китайского) и «чужого» (западного). Встречается в трудах китайских интеллектуалов и чиновников XIX в., например в работе Сюй Цзиня (1795–1873) «Описание морей» (1849).

¹³ 修教 представляет собой «переходное» понятие, попытку китайских интеллектуалов найти наиболее адекватное обозначение реформационных движений и концептуализировать различия между ними и католицизмом. Также встречается в «Описании морей» Сюй Цзиня.

¹⁴ Понятие 天主新教 представляло собой плод осознанной миссионерской стратегии и преследовало двойственную цель: подчеркнуть *новый* характер религии сторонников Реформации, с одной стороны, и использовать уже знакомое китайцам понятие, с другой. Оно было зафиксировано Вэй Юанем в «Географическом описании заморских государств», где он цитировал совместный труд отца и сына Роберта и Джона Роберта (馬儒翰; Mǎ Rúhàn) Моррисонов.

¹⁵ Понятие 耶穌本教 (Yēsū Běnjào), которое можно перевести и как «религия самого Иисуса», и как «подлинная религия Иисуса», было инструментом иной миссионерской стратегии, подчеркивавшей истинность реформационных движений в сравнении с католицизмом. Также зафиксировано Вэй Юанем в «Географическом описании заморских государств».

¹⁶ Используется в китайских версиях ряда неравноправных договоров, известных как Тяньцзиньские трактаты (1858). 8-я статья британско-китайского трактата гласит: «The Christian religion as professed by Protestants or Roman Catholics» (Treaty between Her Majesty and the Emperor of China, 1858, p. 348). Американско-китайский трактат от 18 июня в статье 29 говорит о «The principles of the Christian religion, as professed Toleration of by the Protestant and Roman Catholic churches» (Treaty of Peace, Amity, and Commerce, between the United States of America and China, 1858, p. 1029). Британско-китайский трактат содержит ту же формулировку в статье 8. В китайской версии британско-китайского трактата для *Protestant* используется термин 耶穌聖教 (Святая религия Иисуса), а для *Roman Catholics* – 天主教 (религия Небесного Владыки).

¹⁷ Также используется в китайских версиях ряда неравноправных договоров, известных как Тяньцзиньские трактаты (1858). В китайской версии американско-китайского трактата 耶穌基督聖教 («святая религия Иисуса Христа») означает католичество (см., например, ст. 29). Что касается русско-китайского трактата, то в китайском варианте используется понятие 天主教 (религия Небесного Владыки), в русском же варианте (например, ст. 8) использован термин «христианство».

¹⁸ Использовалось уже упомянутым лютеранином Карлом Фридрихом Августом Гюцлафом в его публикациях в «Ежемесячнике исследований Востока и Запада» (東西洋考每月統紀; Eastern Western Monthly Magazine) [Чжан Кэ, 2011, с. 82].

¹⁹ Этот термин был предложен Хун Жэньганем (20 февраля 1822 – 23 ноября 1864; 洪仁玕), видным деятелем Тайпинского движения и двоюродным братом его лидера Хун Сюцюаня (1 января 1814 – 1 июня 1864; 洪秀全). Он использовал его в трактате 資政新篇 (Zīzhèng Xīnpīān; Новый трактат о помощи в управлении), увидевшем свет

в 1859 г. Тайпины, создавшие собственную концепцию «Небесного государства великого благоденствия», разработали свою уникальную синкретическую идеологию, соче-тавшую элементы реформатского богословия с китайскими утопическими и «мессиянскими» идеями. Термин 辯正教 идеально отражает их самоощущение как силы, при-званной отличить ошибки традиционного китайского общества и конфуцианской ортодоксии (辯) и указать путь к исправлению и построению нового, «правильного» обще-ства (正), основанного на их интерпретации христианства [Zhou Weichi, 2016, p. 77–110].

²⁰ Данное понятие активно использовалось в журнале 六合叢談 (Lìhè Cóngtán; Shanghai Serial), который издавался интерденациональным евангелическим Лондон-ским миссионерским обществом (London Missionary Society) с 1857 по 1858 г. Общество ориентировалось на реформатское богословие и поддерживало конгрегационалист-ские миссии в Океании и Африке, а также пресвитерианские миссии в Китае.

Таблица 2

Классификация вариантов перевода по семантическим группам

Table 2

Classification of Translation Variants by Semantic Groups

Понятие		Варианты перевода
1	Католические и реформационные неологизмы – переводы и кальки с немецкого <i>Protestanten</i> или английского <i>Protestant</i>	8 誓反教 (Shìfǎn Jiào) – «религия клятвы протеста / борьбы»
		10 抗議宗 (Kàngyì Zōng) – «деноминация протеста»
		9 抗羅宗 (Kàng Luó Zōng) – «деноминация, борющаяся с Римом»
		1 波羅特士頓教 (Bōluótèshìdùn Jiào) – Protestant
		5 復原教 (Fùyuán Jiào) – «религия восстановления / возвращения к истокам»
2	Обозначение понятий «реформа», «исправление», «восстановление», принятых миссионерами реформационных традиций	6 更正教 (Gēngzhèng Jiào) – «религия исправления»
		7 更正宗 (Gēngzhèng Zōng) – «деноминация исправления»
		17 修教 (Xiū Jiào) – «религия исправления»
		3 路得修教 (Lùdé xiū jiào) – «религия исправления Лютера»
		4 加爾威諾修教 (Jiā'ěrwēinuò xiū jiào) – «религия исправления Кальвина»
		22 進正教 (Jìn Zhèng Jiào) – «продвижение / восхождение к истинной Церкви»
		23 辯正教 (Biàn Zhèng Jiào) – «указывающая на ошибки и исправляющая их (религия)»
		24 耶穌正教 (Yēsū Zhèngjiào) – «истинная религия Иисуса»

Понятие		Варианты перевода	
3	Перевод через противопоставление понятиям, обозначавшим Римско-католическую церковь	12	基督教 (Jīdū jiào) – «религия Христа»
		13	基督 (教) 新教 (Jīdū (jiào) Xīn jiào) – «новая религия Христа»
		2	耶穌教 (Yēsū Jiào) – «религия Иисуса»
		19	耶穌本教 (Yēsū Běn Jiào) – «религия самого Иисуса»
		20	耶穌聖教 (Yēsū Shèng Jiào) – «святая религия Иисуса»
		21	耶穌基督聖教 (Yēsū Jīdū Shèng Jiào) – «святая религия Иисуса Христа»
		14	新教 (Xīn Jiào) – «новая религия» (противопоставление 舊教 [«старая религия»])
4	Переводы, не вошедшие в предыдущие категории	18	天主新教 (Tiānzǔ Xīn Jiào) – «новая религия Небесного Владыки» (противопоставление 天主教 «религия Небесного Владыки»)
		15	福音教 (Fúyīn Jiào) – «религия Евангелия / Благой Вести»
		16	西教 (Xī Jiào) – «западная религия»
		11	聖公會 (Shènggōnghuì) – «святая католическая церковь»
		25	聖教 (Shèng Jiào) – «святая религия»

1. Категория заимствованных слов:

- фонемные заимствования (phonemic loans), когда «значение и фонемный облик слова языка-источника заимствуется языком-реципиентом; одновременно фонемный облик заимствованной единицы адаптируется к фонемной системе языка-реципиента» [Heřmanová-Novotná, 1967, p. 614];
- графические заимствования (graphic loans), когда язык-реципиент перенимает как значение, так и графическую форму иностранного термина (заимствования из японского могут быть классифицированы как возвратные / обратные заимствования) [Ibid.];
- гибриды (hybrid words / hybrids), т. е. «новообразования, состоящие из заимствованных и исконных компонентов; они могут представлять собой либо аналоги иностранных моделей, либо самостоятельные образования, демонстрирующие способность языка-реципиента использовать заимствованные элементы при создании новых слов» [Ibid.].

2. Категория слов, состоящих из исконных морфем, которые благодаря существованию иностранной модели и денотативной потребности языка-реципиента используются для создания новых слов или приобретают новое значение, поэтому называть их «заимствованными словами» даже в более широком смысле этого термина представляется не вполне корректным [Ibid., p. 615]:

- заимствования-переводы (loan-translations), или кальки, т. е. «новообразования, вводимые в лексическую систему языка-реципиента в виде прямых реплик определенных моделей; существует прямое соответствие между морфемами модели и морфемами новообразованного эквивалента, или, иными словами, морфемы модели заменяются морфемами языка-реципиента» [Ibid., p. 614];
- семантические заимствования (semantic loans), т. е. слова, которые уже существовали в лексиконе языка-реципиента (слово может быть либо синонимично, либо сходно по форме с иностранным словом), но приобрели новое значение на основе иностранного образца, что приводит не к появлению нового слова, но к полисемии уже существующего;
- индуцированные новообразования / неологизмы представляют собой слова, образованные по обычным словообразовательным моделям данного языка (иностранные слова служат «источником вдохновения» для их создания, а не прямой моделью) [Ibid.].

Классификация демонстрирует, что на выбор термина влияли не только вопросы инкультурации и самоидентификации китайского христианства, но и полемика между самими реформационными конфессиями, их отношение к Католической церкви, а также общественно-политический контекст Китая, в частности реформаторское движение в Цинском Китае.

Прежде чем анализировать деятельность миссионеров реформационных миссий, необходимо обратиться к их предшественникам. Католические миссионеры, присутствие которых в Китае насчитывало столетия⁵, часто изображали христианский мир как единое целое, подчиненное римскому папе [Чжан Кэ, 2011, с. 74–75]. Это стремление скрыть расколы в западном христианстве было продиктовано пониманием того, что конфуцианское общество, ценящее гармонию, могло негативно воспринять известия о религиозных войнах в Европе.

Первые не католические миссионеры из Европы, такие как пастор-конгрегационалист Роберт Моррисон (Robert Morrison, 5 января 1782 – 1 августа 1834), прибывший в Поднебесную в 1807 г., первоначально также не стремились подчеркивать различия с католичеством. Слабость их миссии и опасение дискредитировать христианство в глазах китайцев заставляли использовать общие термины⁶. Примечательно, что в своем знаменитом словаре Моррисон не нашел места, казалось бы, ключевому для англоязычного миссионера понятию *Protestantism*, используя более абстрактное понятие 聖公會 (Shènggōnghuì, «Святая католи-

⁵ Присутствие Римо-католической церкви в Китае чаще всего принято отсчитывать уже с посещения Пекина блаженным Джованни Монтекорвино (1247–1328), первым архиепископом Пекинским (1307–1328).

⁶ Моррисон во время работы по переводу Священного Писания на китайский язык опирался на такие составленные католическими миссионерами книги, как «Латинско-китайский словарь», «Свод четырех Евангелий Иисуса Христа», «Евангельский Синопис» и «Разъяснение Десяти Заповедей» [Чжао Цзыхао, 2023, с. 115].

ческая церковь»), обозначавшее христианство в целом, или даже 天主教 (Tiānzhǔjiào, «религия Небесного Владыки»), прочно ассоциировавшееся с католичеством. Отметим также, что, заимствуя понятия, разработанные католическими миссионерами, Моррисон, возможно, чтобы не вызвать смущения у читателя словаря, не дает его дословный перевод, лишь упоминает, что китайцы знают христианство под этим названием, однако еще называют его 十字教 (Shízì Jiào, «религия Креста»). Давая перевод термина «Церковь», Моррисон пишет, что католики называют ее 聖會 (Shèng Huì, «святое собрание» / «святая Церковь») и 天主會 (Tiānzhǔ Huì, «общество Небесного Владыки» / «Церковь Небесного Владыки»), а церковь как здание, где собираются верующие, – 天主堂 (Tiānzhǔ Táng, «зал / храм Небесного Владыки») ⁷, при этом не переводя дословно ни один из терминов на английский язык. Такая практика вызвала сопротивление католических кругов, видевших в Моррисоне конкурента, который намеренно использовал перевод «религия Небесного Владыки», прочно связанный в сознании китайцев с Католической церковью, и всеми силами препятствовали его деятельности в португальском Макао и в Гуаньчжоу, запрещая китайским католикам помогать Моррисону тем или иным способом, и прямо требовало сожжения еретических буклетов, которые раздавал пастор [Чжао Цзыхао, 2023, р. 115].

К середине XIX в., после «опиумных войн», заключения ряда неравноправных договоров и расширения деятельности не католических миссий, их представители осознали необходимость четкого размежевания с католичеством. Это было вызвано как миссионерской стратегией (желанием дистанцироваться от негативного образа католиков, часто вовлеченных в конфликты с властями), так и внутренней потребностью подчеркнуть свои богословские особенности. Китай стал Меккой для реформационных миссионеров самых различных конфессий, имеющих порой противоположные мнения по целому ряду важнейших богословских вопросов. Поэтому представители различных реформационных миссий стремились показать преимущество своей традиции перед другими течениями.

Уильям Милн (William Milne, апрель 1785 – 2 июня 1822), соратник Моррисона, предложил термин 耶穌教 (Yēsūjiào, «религия Иисуса») ⁸, чтобы обозначить свою группу как христиан иного типа, не подпадающих под цинские запреты, касавшиеся католиков. Другие миссионеры использовали схожие понятия. Однако термин 耶穌教 при всем его благозвучии, с точки зрения миссионеров-реформатов, имел ряд недостатков. Во-первых, он ассоциировался с иезуитским Обществом Иисуса (耶穌會, Yēsūhuì) и, по мнению некоторых, был недостаточно «библейским», ведь титул «Христос» (Мессия) используется в Писании чаще, чем имя «Иисус» [Чэн Сяоцзюань, 2023, с. 186]. Во-вторых, он мог обозначать христианство в целом ⁹. В-третьих, к нему часто прибегали миссионеры-лютеране: он использовался в трудах, в частности статьях, некоторых миссионеров, которые печатались в китаезычном журнале 東西洋考每月統紀傳 (Eastern Western Monthly Magazine), издаваемом Карлом Фридрихом Августом Гюцлафом (известным в Китае как 郭士立 [Guō Shìlì] или 郭實腊 [Guō Shílà]; 8 июля 1803 – 9 августа 1851), миссионером Евангелической церкви в Пруссии (Evangelische Kirche in Preußen ¹⁰) и первым лютеранином, проповедовавшим в Поднебесной.

⁷ 堂 (táng) – это иероглиф, который указывает на физическое строение, место собраний. В сочетании с 天主 он однозначно идентифицирует здание как католическое. Это отличает его от терминов с 會 (huì), которые обозначают общину верующих, а не здание. 天主堂 остается стандартным и широко употребительным термином для обозначения католического храма в современном китайском языке.

⁸ Сам иероглиф 教, в данном контексте переводимый как «учение, деноминация», вызывал у некоторых неприятие, так как не соответствовал греческому ἐκκλησία, по нему предлагалось заменить его на более советующее 召 «созывать или призывать» [Чэн Сяоцзюань, 2023, с. 186].

⁹ Так, например Чжан Кэ цитирует лютеранского миссионера, который использует этот перевод в произведении 東西洋考每月統記傳 уже в 1840 г., однако, скорее всего, понимает под этим понятием христианство в целом [Чжан Кэ, 2011, с. 75].

¹⁰ Официальное наименование церкви между 1821 и 1845 гг. С 1845 по 1875 г. – Evangelische Landeskirche in Preußen, Евангелическая земельная церковь в Пруссии.

Впрочем, некоторые миссионеры считали нужным использовалось именно его ¹¹. Так, чрезвычайно авторитетный в Поднебесной первый китайский историк реформационных движений в Среднем Царстве, пресвитерианин Се Хунлай (謝洪賚; Xiè Hónglái; 9 мая 1873 – 2 сентября 1916), в труде 中國耶穌教會小史 (Zhōngguó Yēsū Jiàohuì Xiǎo Shǐ; «Краткая история Церкви Иисуса в Китае») также использовал именно этот вариант [Се Хунлай, 2020]. Существует мнение, что одним из возможных мотивов выбора данного варианта понятия, никак не связанного с первоначальным латинским *protestatio*, стала причина неблагозвучности понятий-калек с последнего на китайском языке, которые могли легко вызвать у местных жителей ложные ассоциации «протестом», т. е. с нарушением порядка в обществе и сопротивлением установившимся авторитетам. Другой возможной причиной стало то, что реформационные миссионеры, следуя устоявшейся традиции, обвиняли своих миссионеров-католиков в еретическом, с их точки зрения, поклонении Деве Марии (拜瑪麗亞; BÀI Mǎliyà), презрительно называя католическую Церковь 瑪麗亞教 (Mǎliyà Jiào; «религия Марии»), противопоставляя ей «истинную религию Христа». Понятие же «религия Иисуса» было созвучно одному из лозунгов Реформации, а именно «Solus Christus» или «solo Christo».

Наиболее острая и систематическая дискуссия о том, как следует обозначать некаатолические западные церкви в Китае, развернулась на страницах журнала *The Chinese Recorder*. Миссионеры разных конфессий предлагали и отстаивали свои варианты:

- 福音教 (Fúyīnjiào, «религия Евангелия») – предлагался как нейтральный термин, подчеркивающий авторитет Писания и противопоставлявший реформационные миссии католикам [Чэн Сяоцзюань, 2023, с. 186–187];
- 更正教 (Gēngzhèngjiào, «религия исправления») / 復原教 (Fùyuánjiào, «религия восстановления») – продвигались реформатскими кругами для акцента на кальвинистском характере их традиции [Там же, с. 190];
- прямые переводы, основанные на семантике слова «протест», такие как 抗羅宗 (Kàngluózōng, «деноминация, борющаяся с Римом») или 誓反教 (Shìfǎnjiào, «религия клятвы протеста»), также имели хождение, но последний закрепился в основном в католической полемической литературе с негативным оттенком ¹²;
- некоторые из переводчиков, пошли дальше попытались связать новый перевод с названием своей собственной конфессии: таким образом появились понятия 更正教 ¹³, 復原教 ¹⁴ или же 歸正教 ¹⁵. Не случайно каждый из этих переводов включает в себя иероглиф 正 («правильный; ортодоксальный») [Morrison, 1822, p. 358]. В разное время в полемических целях и католики, и представители реформационных миссий иногда именовали свою церковь в Китае 正教 (Zhèngjiào; «истинная религия»).

Таким образом, анализ множества понятий позволяет выявить ключевые факторы, определявшие выбор терминологии:

¹¹ В частности, среди миссионерских трудов, в заглавии которых встречается 耶穌教, можно назвать такие произведения, как 耶穌教小引 (Yēsūjiào Xiǎoyǐn; «Краткое введение в религию Иисуса», 1856) американского миссионера-реформата Юстаса Дулиттла (Justus Doolittle; 23 июня 1824 – 15 июня 1880) 盧公明; Lú Gōngmíng, 1856) или 入耶穌教小引 (Rù Yēsūjiào Xiǎoyǐn; «Небольшое руководство для присоединяющихся к религии Иисуса», 1854) Кэйлеба Кука Болдуина (Caleb Cook Baldwin; 1820 – 20 июля 1911), американского миссионера-конгрегационалиста, трудившегося в Фучжоу (摩嘉立; Mó Jiālì, 1854).

¹² Примером такого перевода может служить также 波羅特士頓教. Легко понятный всякому иностранцу, способному прочитать эти несколько иероглифов, он весьма трудно понимаем для китайцев, так как эти иероглифы не складывались в какое-либо значение.

¹³ «Реформатская церковь» или «Реформатство»; букв. «церковь / учение исправления / улучшения», что соответствует английскому понятию *Reformed Church*.

¹⁴ «Восстановительная церковь» или «Рестаурационное движение»; букв. «церковь восстановления», обычно указывает на стремление восстановить «первоначальную» форму христианства.

¹⁵ «Пресвитерианская церковь» или «Пресвитерианство»; букв. «церковь возвращения к истине / правильной вере», традиционно связывается с *Reformed Christianity*.

- 1) богословская позиция по отношению к Католической церкви;
- 2) акцент на специфичное богословское содержание;
- 3) стремление к библейской обоснованности,
- 4) лингвокультурный фактор: понимание того, что дословно точный перевод может быть непонятен или вызывать нежелательные ассоциации;
- 5) конфессиональная принадлежность автора или переводчика.

История использования миссионерами реформационных традиций китайского понятия, которое бы выступило в качестве адекватного инструмента саморепрезентации, наглядно иллюстрирует тезис, выдвинутый во введении: классификационная категория «протестантизм» является не научным термином, не категорией анализа, а категорией практики, продуктом специфических исторических событий и дискурсивных практик. Если в Европе исходный термин, оторвавшись от своего первоначального исторического референта, превратился в «пустое рамочное понятие», то в Китае мы наблюдаем иной процесс – возникновение целого спектра означающих, отражавших сложное взаимодействие миссионерских стратегий, внутрехристианской полемики, культурного перевода и местного политического контекста.

В современном китайском религиозном дискурсе сохраняется множественность терминов. Один и тот же вариант может обозначать как послереформационные конфессии, так и христианство в целом. Нередко встречаются переходные формы, например 耶穌新教 (Yēsū Xīnjìào; «новая религия Иисуса»), объединяющие разные элементы. При этом отдельные варианты продолжают использоваться в полемике: так, сторонники неоконфуцианской традиции прибегали к выражению 耶穌教 (Yēsūjiào; «религия Иисуса»), наделяя его негативными коннотациями, такими, например, как «религии западных варваров».

От первоначального стремления скрыть раскол западного христианства через этап активного размежевания с католичеством и внутренней конфессиональной полемики до выработки множества вариантов, ни один из которых так и не стал абсолютно доминирующим, этот путь демонстрирует, что китайский понятийный аппарат для описания реформационных традиций оказался гораздо более гибким и вариативным, чем его западный аналог. Отсутствие единого понятийного стандарта в современных китайских изданиях является прямым следствием этой богатой истории и служит напоминанием о том, что наши понятийные словари историчны, контекстуальны и должны подвергаться критической рефлексии.

Список литературы

- Давыдов И. П., Фадеев И. А.** Первоначальный смысл термина «протестантизм»: историко-философское исследование // Новая и новейшая история. 2019. № 5. С. 5–25. DOI 10.31857/s013038640006341-3
- Давыдов И. П., Фадеев И. А.** «Нулевая степень» религиоведческого термина в истории понятий // MAGNUM IGNOTUM. СПб., 2021. Т. 3: История понятий (К 15-летию со дня кончины Р. Козеллека). С. 28–69.
- Дворецкий И. Х.** Латинско-русский словарь. М.: Русский язык, 1976. 1096 с.
- Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М.** Семиозис и семиодинамика теологических и мифологических знаковых систем. Тверь: ГЕРС, 2010. 400 с.
- Лебедев В. Ю., Прилуцкий А. М.** «Протестантизм»: проблемы терминологической валидности // MAGNUM IGNOTUM. СПб., 2021. Т. 3: История понятий (К 15-летию со дня кончины Р. Козеллека). С. 70–90.
- Фадеев И. А.** Литургия, конфессиональная идентичность и институциональные изменения: лютеранские и реформатские литургические проекты в эпоху Реформации // Новая и новейшая история. 2025. № 4. С. 27–49. DOI 10.31857/S0130386425040031

- Фадеев И. А.** Церковь Англии: проблема конфессиональной самоидентификации в исторической перспективе. М.: Маска, 2015. 416 с.
- Чжан Кэ.** Гайняньши шиэ чжун дэ вань Цин тяньчжуцзяо юй синьцзяо [概念史視野中的晚清天主教與新教]. Католицизм и протестантизм в позднecinский период с точки зрения истории понятий // Шицзе лишэ пинлунь [世界歷史評論]. Обзорение международной истории. 2011. № 4. С. 73–87. (на кит. яз.)
- Чжао Цзыхао.** Япянь Чжаньчжэн цяньхоу цзай хуа цзяоши дэ цзиду цзунцзяо юй жэньтун юй цзяомиин фаньши [鴉片戰爭前後在華教士的基督宗教與認同與教名翻譯]. Христианская религиозная идентичность и перевод религиозных терминов миссионерами в Китае до и после Опиумной войны // Цин Ши яньцзю [清史研究]. Исследования династии Цин. 2013. № 5 (114). С. 115–119. (на кит. яз.)
- Чэн Сяоцзюань.** «Цзяоу цзачжи» чжун гуаньюй «Protestant Church» чжунвэнь минчэн дэ таолунь [《教務雜誌》中關於“Protestant Church”中文名稱的討論]. Обсуждение китайского названия «Протестантская церковь» в «Цзяоу цзачжи» // Цзунцзяо сюэ яньцзю [宗教學研究]. Исследования по религиоведению. 2023. № 6 (114). С. 185–193. (на кит. яз.)
- Heřmanová-Novotná Z.** Contributions to the Study of Loan-Words and Hybrid Words in Modern Chinese // Archiv Orientální. 1967. No. 5. P. 613–648.
- Mahoney J.** Path Dependence in Historical Sociology // Theory and Society. 2000. No. 29 (4). P. 507–548.
- Mahoney J., Thelen K.** A Theory of Gradual Institutional Change // Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power. Cambridge, 2010. P. 1–37.
- Sayer D.** The Violence of Abstraction: The Analytic Foundations of Historical Materialism. Oxford: Basil Blackwell, 1987. 173 p.
- Streeck W., Thelen K.** Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies // Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies. Oxford, 2005. P. 1–39.
- Sukidi.** The Traveling Idea of Islamic Protestantism: A Study of Iranian Lutherans // Islam and Christian-Muslim Relations. 2005. No. 16 (4). P. 401–412. DOI 10.1080/09596410500252343
- Wickeri P. L.** Introduction // Christian Encounters with Chinese Culture: Essays on Anglican and Episcopal History in China. Hong Kong, 2015. P. 1–22.
- Zhou Weichi.** The Origin of “A New Treatise on Aids to Administration (資政 新篇) // Yearbook of Chinese Theology. 2016. P. 77–110.

Список источников

- Бао Цзя Ле Бо.** Жу Есу цзяо сяо инь [入耶穌教小引] Небольшое руководство для присоединяющихся к религии Иисуса. Фучжоу, 1854. 192 с. (на кит. яз.)
- Вэй Юань.** Хайго тучжи [海國圖志] Иллюстрированное описание заморских стран. Средний том. Чанша, 1998. 2241 с. (на кит. яз.)
- Линь Цзысюй.** Сы чжоу чжи [四洲志] Сведения о четырех материках. Пекин, 2002. 198 с. (на кит. яз.)
- Лу Гунмин.** Есу цзяо сяо инь [耶穌教小引] Краткое введение в религию Иисуса. Фучжоу, 1856. 167 с. (на кит. яз.)
- Май Дуси.** Ин-Хуа цзыдянь [英華字典] Англо-китайский словарь. Шанхай, 1848. Т. 2. 872 с. (на кит. яз.)
- Се Хунлай.** Чжунго Есу цзяохуэй сяо ши [中國耶穌教會小史] Краткая история китайской церкви Иисуса. Тайбэй, 2020. 477 с. (на кит. яз.)

- Morrison R.** A Dictionary of the Chinese Language: In 3 parts. Macao: Thoms, 1822. Pt. 3. 480 p. Treaty between Her Majesty and the Emperor of China. Signed, in the English and Chinese Languages, at Tien-tsin, June 26, 1858 // Accounts and Papers of the House of Commons. 1859. Vol. XXXIII: State Papers: China and Japan. P. 347–355.
- Treaty of Peace, Amity, and Commerce, between the United States of America and China. Concluded at Tientsin, June 18, 1858 // The Statutes at Large, Treaties, and Proclamations, of the United States of America. Boston, 1863. Vol. XII. P. 1023–1030.

References

- Cheng Xiaojuan.** “Jiàowù Zázhi” zhōng guānyú “Protestant Church” zhōngwén míngchēng de tāolùn [《教務雜誌》中關於“Protestant Church”中文名稱的討論. 宗討研究]. The Discussion on the Chinese Name for ‘Protestant Church’ in The Chinese Recorder. *Zongjiao xue yanjiu* [宗教學研究] *Religious Studies*, 2023, no. 6 (114), pp. 185–193. (in Chin.)
- Davydov I. P., Fadeyev I. A.** “Nulevaya stepen’ ” religiovedcheskogo termina v istorii ponyatii [The “Zero Degree” of a Term in the Study of Religion within the Framework of Begriffsgeschichte]. In: MAGNUM IGNOTUM. St. Petersburg, 2021, vol. 3: Istoriya ponyatii (K 15-letiyu so dnya konchiny R. Kozelleka) [Begriffsgeschichte (On the 15th Anniversary of the Death of R. Koselleck)], pp. 28–69. (in Russ.)
- Davydov I. P., Fadeyev I. A.** Pervonachal’nyi smysl termina “protestantizm”: istoriko-filosofskoe issledovanie [Initial Sense of the Term “Protestantism”: A Historical and Philosophical Study]. *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History], 2019, no. 5, pp. 5–25. (in Russ.) DOI 10.31857/s013038640006341-3
- Dvoretzky I. Kh.** Latinsko-russkii slovar' [A Latin-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk, 1976, 1096 p. (in Russ.)
- Fadeyev I. A.** Liturgiya, konfessional’naya identichnost’ i institutsional’nye izmeneniya: lyuteran-skie i reformatskie liturgicheskie proekty v epokhu Reformatsii [Liturgy, Confessional Identity, and Institutional Change: Lutheran and Reformed Liturgical Projects in the Reformation Era]. *Novaya i Novejshaya Istoriya* [Modern and Contemporary History], 2025, no. 4, pp. 28–29. (in Russ.) DOI 10.31857/S0130386425040031
- Fadeyev I. A.** Tserkov’ Anglii: problema konfessional’noi samoidentifikatsii v istoricheskoi perspective [The Church of England: The Problem of Confessional Self-Identification in Historical Perspective]. Moscow, Maska Publ., 2015, 416 p. (in Russ.)
- Heřmanová-Novotná Z.** Contributions to the Study of Loan-Words and Hybrid Words in Modern Chinese. *Archiv Orientální*, 1967, no. 5, pp. 613–648.
- Lebedev V. Yu., Prilutsky A. M.** “Protestantizm”: problemy terminologicheskoi validnosti [“Protestantism”: Problems of Terminological Validity]. In: MAGNUM IGNOTUM. St. Petersburg, 2021, vol. 3: Istoriya ponyatii (K 15-letiyu so dnya konchiny R. Kozelleka) [Begriffsgeschichte (On the 15th Anniversary of the Death of R. Koselleck)], pp. 70–90. (in Russ.)
- Lebedev V. Yu., Prilutsky A. M.** Semiozis i semiodynamika teologicheskikh i mifologicheskikh znakovykh sistem [Semiosis and Semiodynamics of Theological and Mythological Systems]. Tver, GERS Publ., 2010, 400 p. (in Russ.)
- Mahoney J.** Path Dependence in Historical Sociology. *Theory and Society*, 2000, no. 29 (4), pp. 507–548.
- Mahoney J., Thelen K.** A Theory of Gradual Institutional Change. In: Explaining Institutional Change: Ambiguity, Agency, and Power. Cambridge, 2010, pp. 1–37.
- Sayer D.** The Violence of Abstraction: The Analytic Foundations of Historical Materialism. Oxford, Basil Blackwell, 1987, 183 p.
- Streeck W., Thelen K.** Introduction: Institutional Change in Advanced Political Economies. In: Beyond Continuity: Institutional Change in Advanced Political Economies. Oxford, 2005, pp. 1–39.

- Sukidi.** The Traveling Idea of Islamic Protestantism: A Study of Iranian Lutherans. *Islam and Christian – Muslim Relations*, 2005, no. 16 (4), pp. 401–412. DOI 10.1080/09596410500252343
- Wickeri P. L.** Introduction. In: *Christian Encounters with Chinese Culture: Essays on Anglican and Episcopal History in China*. Hong Kong, 2015, pp. 1–22.
- Zhang Ke.** Gainiàn shǐ shìyě zhōng de wǎnqīng tiānzhǔjiào yǔ xīnjiào [概念史視野中的晚清天主教與新教]. Late Qing Catholicism and Protestantism from the Perspective of Conceptual History. *Shijie lishi pinglun* [世界歷史評論]. *World History Review*, 2011, no. 4, pp. 73–87. (in Chin.)
- Zhao Zihao.** Yāpiàn Zhànzhēng qiánhòu zài Huá chuánjiàoshì de Jīdū zōngjiào rèntóng yǔ jiàomíng fānyì [鴉片戰爭前後在華教士的基督宗教與認同與教名翻譯]. Christian Identity and the Translation of Religious Terms by Missionaries in China around the Time of the Opium War. *Qingshi Yanjiu* [清史研究]. *The Qing History Journal*, 2013, no. 5 (114), pp. 115–119. (in Chin.)
- Zhou Weichi.** The Origin of “A New Treatise on Aids to Administration” (資政 新篇). *Yearbook of Chinese Theology*, 2016, pp. 77–110.

List of Sources

- Bao Jialiebo.** Rù Yēsūjiào Xiǎoyǐn [入耶穌教小引]. A Short Introduction to Those Who Join the Religion of Jesus. Fuzhou, 1859, 192 p. (in Chin.)
- Lin Zexu.** Sīzhōu Zhì [四洲志]. Record of the Four Continents. Beijing, Huaxia Chubanshe, 2002, 198 p. (in Chin.)
- Lu Gongming.** Yēsūjiào Xiǎoyǐn [耶穌教小引]. A Short Introduction to the Religion of Jesus. Fuzhou, 1855, 167 p. (in Chin.)
- Mai Dusi.** Yīng-Huá Zìdiǎn [英華字典]. Chinese and English Dictionary. Shanghai, [London Missionary Society Press], 1848, vol. 2, 872 p. (in Chin.)
- Morrison R.** A Dictionary of the Chinese Language: In 3 parts. Macao, Thoms, 1822, pt. 3, 480 p.
- Treaty between Her Majesty and the Emperor of China. Signed, in the English and Chinese Languages, at Tien-tsin, June 26, 1858. In: *Accounts and Papers of the House of Commons*, 1859, vol. XXXIII. State Papers: China and Japan, pp. 347–355.
- Treaty of Peace, Amity, and Commerce, between the United States of America and China. Concluded at Tientsin, June 18, 1858. In: *The Statutes at Large, Treaties, and Proclamations, of the United States of America*. Boston, 1863, vol. XII, pp. 1023–1030.
- Wei Yuan.** Hǎiguó Túzhì [海國圖志]. Illustrated Treatise on the Maritime Kingdoms. Middle volume. 1843, 2241 p. (in Chin.)
- Xie Honglai.** Zhōngguó Yēsū Jiàohuì Xiǎo Shǐ [中國耶穌教會小史]. A Short History of the Jesus Church in China. Taipei, 2020, 477 p. (in Chin.)

Информация об авторах

- Армаис Мартуниевич Ананян**, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57226281287
WoS Researcher ID KLE-2928-2024
- Иван Андреевич Фадеев**, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 57195421011
WoS Researcher ID AAO-9571-2020

Information about the Authors

Armais M. Ananyan, Doctor of Sciences (History)

Scopus Author ID 57226281287

WoS Researcher ID KLE-2928-2024

Ivan A. Fadeyev, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57195421011

WoS Researcher ID AAO-9571-2020

*Статья поступила в редакцию 02.10.2025;
одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 12.11.2025
The article was submitted on 02.10.2025;
approved after reviewing on 22.10.2025; accepted for publication on 12.11.2025*

Научная статья

УДК 94(47).03

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-42-59

Бактерия или человек? Мнимая загадка смерти великого князя Ярослава Всеволодовича

Федор Никитович Веселов

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия

f.veselov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2445-6497>

Аннотация

Критически анализируется вопрос, вновь ставший предметом обсуждения в последнее время: обстоятельства смерти великого князя Ярослава Всеволодовича, произошедшей недалеко от столицы Монгольской империи осенью 1246 г. Недавняя публикация, в которой утверждается, что источники, повествующие об отравлении князя, недостоверны, что предать вассала смерти в Монгольской империи без суда было невозможно, а великий князь на самом деле погиб от отравления продуктами питания, подвергается критике. В противовес новейшим аргументам на основе анализа независимых источников, естественнонаучных данных приводятся дополнительные доводы в пользу того, что Ярослав Всеволодович был убит с помощью яда в ставке матери великого хана Гуюка.

Ключевые слова

яды, Ярослав Всеволодович, Монгольская империя, Гуюк, Туракина-хатун, Иоанн де Плано Карпини, ростовское летописание

Благодарности

Статья выполнена при поддержке гранта РФФ № 24-18-00407.

Автор выражает искреннюю благодарность за консультирование и ценные советы д-ру ист. наук, проф. А. В. Майорову, д-ру мед. наук К. Д. Ермоленко, канд. ист. наук А. А. Порсину, PhD (история) С. Поу.

Для цитирования

Веселов Ф. Н. Бактерия или человек? Мнимая загадка смерти великого князя Ярослава Всеволодовича // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 42–59. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-42-59

Microbe or Man? Alleged Mystery of the Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich's Death

Fedor N. Veselov

St. Petersburg State University
St. Petersburg, Russian Federation

f.veselov@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2445-6497>

Abstract

Accounts of the same event appearing in multiple sources are a relatively rare phenomenon for the Classical Middle Ages. Fortunately, the death of the Grand Prince of Rus' Yaroslav Vsevolodovich at the Ordu of the Great Khan Güyük's mother in September 1246 is recorded in the report of the envoy of the Apostolic See to the Mongols, John de Plano Carpini, and Russian medieval chronicles. This has led many historians to generally accept that he died from

© Веселов Ф. Н., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 42–59

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 42–59

poison. However, some scholars challenge this interpretation, proposing that he may have succumbed to a food-borne illness and asserting that Russian sources are solely dependent on the news by the papal diplomat. They argue that a vassal in the Mongol Empire could only face punishment through a legitimate court. However, the study of independent sources on the history of the Mongol Empire demonstrates that the Chinggisids, using the scientific resources of the conquered peoples, had access to poisons and used them widely. Furthermore, reports of Yaroslav's violent death surfaced in Northern Rus' independently of Friar John's narrative. Overall, a careful analysis of Friar John's firsthand account reinforces the conclusion that the prince most likely died from poisoning.

Keywords

poisons, Yaroslav Vsevolodovich, the Mongol Empire, Güyük, Töregene Qatun, John de Plano Carpini, Rostov chronicle

Acknowledgements

This study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project no. 24-18-00407.

The author would like to thank Professor Alexander V. Mayorov, Doctor of Sciences (Medicine) Konstantin D. Ermolenko, Candidate of Sciences (History) Artem A. Porsin and PhD (History) Stephen Pow for consultations and valuable advices.

For citation

Veselov F. N. Microbe or Man? Alleged Mystery of the Grand Prince Yaroslav Vsevolodovich's Death. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 42–59. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-42-59

Развитие истории, как и любого научного знания, немыслимо без выдвижения новых гипотез – обязательного элемента исторического исследования. Гипотеза выдвигается для решения конкретной проблемы: устранения противоречий в сомнительных теориях, объяснения новых фактических данных или более удовлетворительной интерпретации хорошо известных. Последнее требует особенно тщательной проработки аргументов, знания трудов предшественников и источников, тем более, когда речь идет о хорошо засвидетельствованном в них факте, что для классического Средневековья явление редкое.

Одним из таких фактов является смерть великого князя Ярослава Всеволодовича 30 сентября 1246 г. недалеко от Каракорума. Событие нашло отражение в нескольких ранних источниках: сочинении посланника Апостольского Престола к монголам францисканца Иоанна де Плано Карпини (1247 г.), Ипатьевской летописи, точнее, ее третьей, Галицко-Волынской, части (кон. XIII в.), и Лаврентьевской летописи, воспроизводящей великокняжеский свод 1305 г. Подробнее всего смерть Ярослава Всеволодовича описал брат Иоанн, одновременно с ним находившийся в великоханской ставке: «Его [Ярослава] недавно пригласила мать императора, которая дала ему еду и питье своей рукой, как бы оказывая честь; и он вернулся туда, где он жил, немедленно заболел и умер через двенадцать¹ дней, а всё его тело удивительным образом посинело. Поэтому все полагали, что он был там и отравлен, чтобы они смогли беспрепятственно и полностью владеть его страной» [Плано Карпини, 2022, с. 185]. Версия об отравлении приведена и в Галицко-Волынской летописи: «[Татары] Ярослава великого князя Суждальского зелиемь умориша» [ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 808]. В Лаврентьевской летописи зафиксирован только факт смерти, но указана полная календарная дата события: «Тое же осени Ярославъ князь сынъ Всеволожь преставися во иноплеменницехъ ида от Кановичъ месяца семтебря въ 30 на память святого Григорья» [ПСРЛ, 1997, т. 1, стб. 471].

Исследователи обращаются и к более позднему, но и более пространному описанию кончины князя Ярослава, которая обнаруживается в летописной версии Жития Александра Невского (пер. пол. XV в.). Здесь сюжет дополняется тем обстоятельством, что перед нужной, т. е. насильственной, смертью князь был оклеветан: «[Ярослав Всеволодович] обажен же бысть Феодором Яруновичем царю и многи дни претерпев. Тое же осени месяца сентября в 30 день преставися великий князь Ярослав Всеволодович в орде нужною смертию» [ПСРЛ, 2000, т. 6, вып. 1, стб. 325–326].

¹ За основу перевода в русском издании 2022 г. взят текст Вольфенбюттельского списка сочинения Иоанна. В Кембриджском списке: «семь дней» [Плано Карпини, 2022, с. 185].

Как видно, разница в показаниях источников только в том, что событие описывается с большими или меньшими подробностями, но сама информация передана без явных противоречий. Поэтому неудивительно, что в большинстве работ историков гибель князя от «зелия», т. е. яда [Словарь..., 1990, т. 3, с. 368], не подвергалась сомнению: дискуссия велась о причинах и последствиях его смерти².

На этом фоне выделяется мнение Н. М. Карамзина, который считал, что Ярослава не должны были отравить, поскольку «Монголы, сильные мечем, не имели нужды действовать ядом, оружием слабых» [Карамзин, 1819, с. 34]. Долгое время карамзинская идея, не имеющая оснований в источниках, всерьез не воспринималась³, но недавно она обрела своих последователей. В статье Л. В. Воротынцева и Т. Р. Галимова, специально посвященной обстоятельствам смерти Ярослава Всеволодовича, утверждается, что ситуация, в которой зависимый правитель был бы отравлен, в Монгольской империи была невозможна, а описывающие ее источники – недостоверны. Впрочем, на основании сведений из тех же источников предлагается альтернативная версия гибели великого князя – от «тяжелого токсикологического (так!) отравления продуктами питания» [Воротынцев, Галимов, 2023, с. 567].

В опубликованной в прошлом году работе, посвященной интересующей нас теме, В. Н. Рудаков предлагает обратить внимание не на причину смерти, а на то, каким образом формировалась память о последних днях жизни князя Ярослава. В итоге автор приходит к выводу, что уже на самом раннем этапе история кончины героя обросла вымышленными подробностями из-за ее предвзятого описания Иоанном де Плано Карпини [Рудаков, 2025].

Существует ли в действительности загадка смерти Ярослава Всеволодовича и насколько убедительно предлагаемое новейшими авторами решение этой загадки?

Доказывая ненадежность информации о насильственной смерти Ярослава Всеволодовича в древнерусских источниках, Воротынцев и Галимов приводят следующие аргументы: сведения, читающиеся в Галицко-Волынской летописи, о том, что князь был уморен «зелиемъ», получены от «членов папского посольства». Прочие летописные сообщения, в которых указывается на «нужную» смерть, основаны на поздней «дидактической новелле о “неверном” боярине» Федоре Яруновиче, а само слово «нужная» не следует трактовать как «насильственная» [Воротынцев, Галимов, 2023, с. 564–566].

Начнем с аргумента лингвистического: что означает древнерусское слово «нужная»? Обвиняя своих предшественников в «излишней категоричности», новейшие критики предлагают заменить употребленное в источнике прилагательное «нужный» однокоренным существительным «нужа», которое, в самом деле, может трактоваться по-разному. Но манипуляции такого рода неприемлемы. Достаточно обратиться к словарю древнерусского языка XI–XIV вв., чтобы убедиться, что первое значение прилагательного «нужный» – «связанный с принуждением, насилем», а под словосочетанием «нужная смерть» понималась жестокая насильственная гибель, что наглядно демонстрируется славянским переводом Хроники Георгия Амартола (ср.: «βίαιον θάνατον» [Georgii Monachi Chronicon, 1904, s. 50]) и тем, как оно употреблялось в иных летописных сообщениях: жители разоренной монголами Рязани погибли «нужною и горькою смертию», в похвале Борису и Глебу русские князья-мученики не противились «нужной смерти» и пр. (см.: [Словарь..., 2002, т. 5, с. 444]).

Весьма вероятно, что, используя слово «нужная», древнерусские книжники тем самым прославляли мученическую кончину князя-страстотерпца «за христиане» [Рудаков, 2025, с. 25–26]. Такая формулировка содержится в Пространной редакции «Повести о Михаиле Тверском», датируемой 1319–1320 гг., где коротко упоминается насильственный характер смерти деда героя (см.: [Кучкин, 1974, с. 226, 234]). Но это сообщение вовсе не единственное в древнерусских источниках, предшествовавших составлению Новгородско-Софийского свода.

² Последний обзор мнений см.: [Özcan, 2023, p. 5–6, notes].

³ В некоторых работах сомнения Н. М. Карамзина повторялись, но с долей скепсиса. Ср.: [Vernadsky, 1953, p. 143].

В сокращенном Ростовском владычном своде, опубликованном А. Н. Насоновым по двум спискам (XV и нач. XVI в.) [Насонов, 1955], о смерти Ярослава Всеволодовича сообщается следующим образом: «Того же лѣта преставися Ярославъ в Татарех *нужною смертью* (здесь и далее курсив наш. – Ф. В.) сентября 30» [Летописецъ Русский, 1955, с. 294]. Летописание при ростовском владычном дворе велось с середины XII в. и характеризовалось вниманием к общерусским известиям [Лурье, 1970, с. 97–99]. Таким известием, разумеется, была гибель «в Татарех» Ярослава, незадолго до этого пожалованного великим княжением. Определить, когда именно это известие попало в текст летописи, сложно, однако это произошло во всяком случае до начала XV в. Дело в том, что рассматриваемый свод включен в третью часть (известия с 1238 по 1419 г.) Московско-академической летописи (рубеж XV–XVI вв.), ростовские известия в которой обрываются на 1415 г., что позволяет сделать вывод о ранней датировке ростовского источника [Клосс, 1997].

По какой-то причине в своде 1305 г., который воспроизведен в Лаврентьевской летописи, подробность о том, какой именно была смерть князя, оказалась выпущена. Нет ее и в русских статьях «Летописца вскоре» патриарха Никифора, датируемого 1280-ми гг. Однако вряд ли это является достаточным основанием для вывода о существовании двух версий кончины Ярослава в разных княжествах [Рудаков, 2025, с. 24]. В созданной в то же время во Владимире Первой редакции «Жития Александра Невского», главный герой «прииде въ Володимерь *по умертвию* отца своего» [Бегунов, 1965, с. 174]. И если глагол «преставиться», употребленный в Лаврентьевской летописи, действительно обозначал смерть вообще, то менее распространенное существительное «умертвие» соотносилось и с понятием насильственной смерти [Михайловская, 1980, с. 73–74].

Известие о смерти Ярослава Всеволодовича в Галицко-Волынской летописи вполне может быть зависимо от сообщения Иоанна де Плано Карпини, посещавшего западнорусские княжества на обратном пути из Монголии. Современные авторы делают из этого вывод, что Иоанн – единственный источник информации о событии. При этом в доверии папскому посланнику отказывается. Рудаков осторожно предлагает считать, что францисканец ошибся, «некритично восприняв» или «предвзято подав» какие-то слухи [Рудаков, 2025, с. 19–22], но Воротынцев и Галимов идут дальше и настаивают на том, что папский посланник – ангажированный политикан, который «целенаправленно искажает историческую действительность» [Воротынцев, Галимов, 2023, с. 570–572]. Каковы основания для таких обвинений?

Критике подвергают следующий пассаж из сочинения брата Иоанна: «Для иных они подыскивают предлоги для их убийства; иным же они позволяют уйти и отпускают, чтобы те приманили других; иных они губят отравленными напитками. Ибо замышляют они, чтобы в мире властвовали только они. Поэтому они и ищут повода, чтобы убить знатных людей. У тех же, кому они позволяют возвратиться, они требуют их сыновей или братьев, которых они больше никогда не отпускают, как было проделано с сыном Ярослава и с каким-то князем алан и со многими другими. А если отец или сын умирают без наследника, то сына или брата они никогда не отпускают, мало того, забирают себе всё его княжество, что, как мы видели, произошло с каким-то вождем солангов». Заявляется, что процитированный текст «не соответствует исторической действительности»: утверждения о «пожизненном плене» и практике, направленной на истребление правящих элит зависимых государств, являются «ложными и ангажированными» [Там же, с. 570–571].

Когда папский нунций пишет о сыновьях или братьях, «которых больше никогда не отпускают», скорее всего, речь идет о мобилизации в имперскую гвардию, кешиг. Такое объяснение предлагают Воротынцев и Галимов, однако не указывают, что мобилизованные в имперскую гвардию родственники правителей покоренных стран фактически становились заложниками и проводили так большую часть жизни [Hsiao, 1978, p. 37, 150; Atwood, 2006, p. 150–151]. Между тем сведения брата Иоанна подтверждаются независимыми китайскими и корейскими источниками. Францисканец мог встретить в великоханской ставке в качестве «князя алан» Атачи, сына Ханхусы, «правителя страны А-су», который сдался Угедю

во время завоевания Северного Кавказа. Атачи впоследствии служил тысячником в гвардии, и его служба оказалась пожизненной [Moule, 1917, p. 22–23]. Одновременно с папским нунцием при дворе находился «сын или брат вождя солангов (т. е. корейцев. – Ф. В.)», которого «никогда не отпускают»: в 1241 г. в ставку великого хана был доставлен наследный принц Корё, который провел при ставке четырнадцать лет и даже женился на дочери Мунке [Henthorn, 1963, p. 104–105, 211–213].

Современные авторы акцентируют внимание на том, что, повествуя о «сыне Ярослава», которого «больше никогда не отпускают», брат Иоанн должен был знать, что княжич Константин Ярославич благополучно вернулся из ставки Великого хана еще накануне путешествия в орду францисканской миссии, значит, папский дипломат лжет [Воротынцев, Галимов, 2023, с. 571; Рудаков, 2025, с. 19–20]. Однако Иоанн никак не указывает на то, что этим злощастным сыном был именно Константин, и что он содержался именно при великоханском дворе. Вполне вероятно, что имелся в виду неименованный «сын Ярослава», который пребывал в ставке Бату и перечислен среди свидетелей путешествия францисканцев [Плано Карпини, 2022, с. 191]. Высказывалось предположение, что встреченный Иоанном князь Ярослав, направлявшийся к великому хану, – тоже сын Ярослава Всеволодовича, Ярослав Ярославич [Горский, 2014а, с. 118].

Брат Иоанн, по его собственному признанию, не владел ни монгольским, ни каким-либо из тюркских языков: «Мы не владеем ни русской, ни татарской, ни сарацинской грамотой» [Плано Карпини, 2022, с. 186]. Хотя францисканцы встретили в ставке каких-то венгров, «знающих латинский и французский языки» [Там же], основную информацию, благодаря владевшему русским языком Бенедикту Поляку, они получали от «многочисленных русских» [Горский, 2014б, с. 183–185; Майоров, 2021, с. 168–169]. Поэтому неудивительно, что в тексте папского нунция монголы «ищут повода, чтобы убить знатных людей», а «иных они губят отравленными напитками»: Иоанн делал свои выводы, обобщая конкретные факты об убийстве князей, полученные преимущественно от русских.

Судьбы русских князей были для брата Иоанна особо интересны, и этому есть объяснение. Одной из параллельных, если не главных, задач миссии на востоке Европы были переговоры о заключении унии: перспектива воссоединения церковью после падения Константинополя была куда более реалистичной, чем крещение Монгольской империи [Maioinov, 2023, p. 508–512]. Вместе с буллами правителю и народу татар минориты везли письмо понтифика, адресованное христианам Востока и призывающее их вернуться к церковному единству, признать примат римского епископа [Acta Innocentii, p. 43–48]. Очевидно, что при подготовке миссии выбор ее главы был сделан не случайно: Иоанн с 1220-х гг. находился с различными поручениями своего ордена в Саксонии, граничившей со славянскими землями. С той же целью был подобран и его компаньон Бенедикт «по происхождению поляк» [MGH. SS, vol. XXII, p. 542], владевший русским. Как только миссионеры оказались в первом на их пути русском княжестве, Галицко-Волынском, князем Васильком были созваны епископы, которых францисканцы «увещевали и склоняли к тому же самому [единству со Святой Матерью Церковью], насколько могли, как князей, так и епископов и всех прочих» [Плано Карпини, 2022, с. 172–173]. В литературе неоднократно высказывались предположения о том, что русский архиепископ Петр, присутствовавший на Лионском соборе 1245 г., был лично связан с Ярославом Всеволодовичем и отправился на Запад по его поручению (см.: [Майоров, 2019, с. 139]). В таком случае контакты этого князя с Апостольским Престолом были установлены еще до путешествия брата Иоанна, и особый интерес последнего к судьбе нашего героя легко объясним (см. также: [Майоров, Веселов, 2025]).

Таким образом, брат Иоанн отнюдь не обманщик. Независимые источники подтверждают его слова. «Политическую ангажированность» нунция нужно искать не в намеренном искажении фактов, а в том, какие именно факты он посчитал особенно важными для передачи понтифику. Сюжеты о судьбе зависимых народов вообще и гибели Ярослава Всеволодовича в частности отвечали на два интересовавших курию вопроса: о том, как монголы соблюдают

договоры с подвластными правителями и каковы их намерения в отношении христианского Запада [Jackson, 2005, p. 90–91].

Развивая карамзинскую идею, Воротынцев и Галимов считают, что Ярослава Всеволодовича не могли отравить, поскольку отравления по политическим мотивам были не характерны для Монгольской империи, а дела об изменах подвластных правителей рассматривались исключительно на судах яргу [Воротынцев, Галимов, 2023, с. 568]. Мы не отрицаем того очевидного факта, что в Монгольской империи существовали правовые уложения и судебная система, установленные ее основателем. Однако, даже обращаясь к одному из примеров, которым авторы подкрепляют свое утверждение, мы обнаруживаем, что вслед за казнью амир-спасалара Закарэ анонимный грузинский хронист фиксирует убийство монголами «без суда и следствия» вдовы князя Авага. При этом был ли перед казнью какой-то суд над самим Закарэ, в источнике не уточняется [Анонимный грузинский «Хронограф»..., 2005, с. 94].

Джувейни (1226–1283) и Рашид-ад-Дин (ум. 1318) в повествовании о регентстве Туракины-хатун в один голос признают, что «стезей закона» ходили только Соркуктани-беги и ее сыновья. Остальные Чингизиды преследовали и казнили неугодных подданных самого высокого ранга, исходя из собственных политических интересов: так был отравлен везир наместника Хорасана, Азиль, неминуемая смерть грозила бежавшим к Кутену и Бату Чинкаю, Махмуду Ялавачу и Масуд-беку. Протеже Чинкая, наместник Хорасана Куркуз, был подвергнут испытанию на яргу, но, когда суд, разбирая его вину, зашел в тупик, Куркуза все равно посадили в тюрьму по личному приказу Туракины «из-за старой вражды» [Juvaini, 1958, p. 243–244, 504–505; Рашид-ад-Дин, 1952, т. 2, с. 115–116].

Расправы без совета всех «младших и старших братьев [Чингизидов]», т. е. в нарушение Ясы, производились над представителями «Золотого рода». Такой «суд» был проведен после интронизации Гуюка над его собственной теткой, дочерью Чингисхана, «которая с помощью яда убила его отца», в итоге подсудимая «и многие другие <...> были убиты» [Плано Карпини, 2022, с. 184–185]⁴. Эти сведения были, по-видимому, нежелательны для распространения, и в монгольских имперских источниках мы находим только косвенные упоминания об этом грубейшем преступлении законов основателя империи [Рашид-ад-Дин, 1952, т. 2, с. 80; Rashiduddin, 1998, p. 39, note 4]. Информация сохранилась исключительно благодаря «внешнему наблюдателю», брату Иоанну (см.: [Порсин, 2023]). Он же прямо пишет, что монголы были вынуждены отступить из Европы, поскольку «их император был тогда отравлен» [Плано Карпини, 2022, с. 166]. Потому и в данном случае оснований обвинять францисканца в «некритичном восприятии информации» нет (ср.: [Рудаков, 2025, с. 20–21]).

Слухи и прямые обвинения в отравлениях оказываются нередкими при обращении к источникам. Составители «Сокровенного сказания» были уверены в том, что отец Чингисхана, Есугей, был отравлен татарами [Сокровенное сказание..., 1941, с. 87]. Джузджани (ум. не раньше 1266) рассказывает, что Джучи был отравлен по приказу своего отца, вследствие наговора Чагатая [Jūzjānī, 1970, p. 1101, 1146]. Информацию о насильственной смерти Джучи «при жизни отца» приводят также аль-Умари (1301–1349) [Золотая орда в источниках, 2003, с. 110] и, в более поэтической манере, ибн Вассаф (1265–1329) [Там же, с. 268].

Гийом де Рубрук приводит в своем отчете о путешествии в Монгольскую империю (1255–1256) сведения доминиканца Андре де Лонжюмо, посольство которого прибыло к великоханскому двору спустя недолгое время после смерти Гуюка, будто «Кен (Гуюк. – Ф. В.) умер от одного врачебного средства, данному ему, и (Андре. – Ф. В.) подозревал, что это средство приказал приготовить Бату» [Рубрук, 1957, с. 135]. На отравление намекал Джамаль ал-Карши (1230–1315): «Через восемь месяцев после своего воцарения [на престол] он [Гуюк] стал мишенью для смертоносных стрел и погиб, так как он замышлял недоброе и желал зла исламу. Говорят, что несколько дней у него сильно болел живот, который распух, а потом лопнул» [ал-Карши, 2005, с. 119].

⁴ В латинском языке тетка по матери и тетка по отцу обозначаются разными словами. В тексте брата Иоанна указана именно «amita» – тетка по отцу [Плано Карпини, 2022, с. 115].

Каковы бы ни были обстоятельства кончины Гуюка, после этого началась настоящая кровавая облава на потомков его и Чагатая, организованная Джучидами и Тулуидами [ал-Карши, 2005, с. 121–122]. Смерть самого Чагатая вызывала подозрения: его ближайший советник и врач был обвинен в отравлении своего господина и казнен [Рашид-ад-Дин, 1952, т. 2, с. 102].

Информация о политических убийствах с помощью ядов среди Чингизидов проникала в источники и позднее. Сразу несколько авторов приводят сведения о тайном отравлении Сартака (1256). Отличаются только заказчики: Джузджани считал, что Сартака «отправили в ад» по приказу Мунке [Jūzjānī, 1970, p. 1292], Киракос Гандзакечи (1203–1271) – что «напоили смертоносным зельем и лишили жизни» дядя, Берке и Беркай [Киракос Гандзакечи, 1976, с. 226], Вардан Великий (1198–1271) – что «Сардах был отравлен своими братьями, возбужденными завистью» [Вардан Великий, 1861, с. 183]. Вардан передал слух и о смерти Хулагу (1265): «Сначала распустили молву, что Хулаву отравлен или убит каким-нибудь иным способом, но потом замяли все эти толки» [Там же, с. 197]. Ибн Вассаф сообщал о том, что чагатаид Борак был отравлен по приказу Кайду [Waṣṣāf, 1856, S. 145–146].

Опасность убийства с помощью яда среди монголов была хорошо известна. Киракос Гандзакечи писал, что, «если кто-нибудь приносит им еду и питье, сперва дают пить и есть принесшему, а лишь после этого сами едят и пьют, чтобы избежать отравления» [Киракос Гандзакечи, 1976, с. 172]. Пэн Да-я в «Кратких сведениях о чёрных татарах» (1237) описывает обязательный «обмен чашами» на пирах, который «изначально был мерой предосторожности против отравления, позднее стал постоянным обычаем» [Хей да ши люэ..., 2016, с. 25]. Брат Иоанн объясняет необходимость прохождения между двух горящих костров перед приемом у Бату тем, что таким образом был бы уничтожен припасенный посетителями яд [Плано Карпини, 2022, с. 177].

Нам следует либо отказать в доверии значительному количеству независимых друг от друга источников, либо признать, что политические судебные процессы с predetermined исходом и убийства с помощью ядов были обычным явлением при передаче власти в самой большой из когда-либо существовавших сухопутных империй мира.

Серию совместных публикаций, предлагающих новый взгляд на старые факты, Воротынцев и Галимов продолжили статьей, в которой обсуждаются «внезапные смерти правителей в ментальном восприятии средневековых монголов» [Воротынцев, Галимов, 2024]. В ней подвергается сомнению достоверность не только латинских, но и монгольских источников. В известии об отравлении отца Чингисхана авторам «представляется весьма сомнительным факт наличия у татар пищевого яда» [Там же, с. 311]⁵. Но сомнений в том, что пищевые яды были хорошо известны центральноазиатским кочевникам, быть не может.

Махмуд ал-Кашгари (XI – нач. XII в.) упоминает чемерицу, из которой средневековые тюркоговорящие кочевники готовили средство от опухолей [ал-Кашгари, 2005, с. 383]. В то же время в стеблях и листьях чемерицы присутствует 14 видов алкалоидов, смертельная доза которых содержится всего в 1 г свежего растения [Медицинская токсикология, 2012, с. 365–369, 703–704]: по известным словам Парацельса, только доза делает лекарство ядом, а яд лекарством. Тюркская медицина была знакома монголам издревле. Рашид-ад-Дин описывает лесные народы, которые «подобны монголам; известно, что они хорошо знают монгольские лекарства и хорошо лечат монгольскими способами» [Рашид-ад-Дин, 1960, т. 1, кн. 1, с. 122–123]. По мнению И. де Рахевильца эти «лесные народы» были намного ближе к тюркам, чем сами монголы [de Rachewiltz, 2004, p. 787], вполне вероятно, что они были тюркоязычными [Allsen, 2023, p. 735]. Надо заметить, что в среднемонгольском слово *em*, обозначающее снадобье, происходит от тюркского *äm*, равно как и слово *otachi* ‘лекарь’ – от тюркского *otochi* [Allsen, 2001, p. 141].

⁵ Авторская орфография при цитировании сохранена.

С завоеванием Северного Китая монгольская элита получила доступ к еще более углубленным медицинским знаниям. При чингизидских принцах очень быстро появились собственные лекари: китайцы и уйгуры [Allsen, 2001, p. 141–160]. Со времен Чингисхана китайские врачи особенно ценились при великоханском дворе: Лю Вэнь, пришедший на службу к Чингисхану в качестве лекаря, позднее занял высокую чиновничью должность при Угедее [Waley, 1931, p. 38–39], а Чжень Гун стал личным врачом Угедее [Ch'ang Ch'un, 1931, p. 110]. Китайские доктора состояли и при Чагатае. Приближенный Чагатая, Везир, был учеником китайского лекаря, вместе с которым он прибыл на Запад, но его фармакологические познания сыграли на руку врагам: «Когда Чагатай скончался, его [Везира. – Ф. В.] убили по обвинению в том, что он [якобы] дал Чагатаю зелья» [Рашид-ад-Дин, 1952, т. 2, с. 102]. Злая ирония состоит в том, что записавший эту историю Рашид-ад-Дин повторил трагическую судьбу героя. Самый знаменитый историограф Монгольской империи был сыном еврейского аптекаря и начал свою службу при дворе Ильханов как лекарь, а не историк или чиновник [al-Ahḡī, 1954, p. 48], но в круговороте придворных интриг был обвинен в отравлении ильхана Олджейту и казнен [Chirman, 2007, p. 273].

В историях Везира и Рашид-ад-Дина нет ничего парадоксального: придворный лекарь и алхимик легко мог стать отравителем. При наличии таких специалистов при монгольском дворе неудивительно, что история империи пестрит обвинениями в отравлениях.

Брат Иоанн сообщает только те подробности трагедии, случившейся с Ярославом, которые, по мнению «всех», свидетельствовали об отравлении. Критикуя доводы францисканца, Рудаков сосредотачивается на второстепенных деталях, упуская из виду самый первый, а значит, самый важный аргумент, с точки зрения самого Иоанна, – симптомы отравления [Рудаков, 2025, с. 19–22]. Более того, есть все основания полагать, что диагноз брат Иоанн поставил исходя не из слухов, а из собственных наблюдений, будучи очевидцем последних дней и самой кончины князя (см.: [Майоров, Веселов, 2025]). Зато этот «диагноз» анализируют Воротынцев и Галимов, настаивая на том, что «симптомы развития болезни русского князя, описанные в записках Плано Карпини, соответствуют симптоматике последствий тяжелого пищевого отравления, развивающегося после употребления пищи, содержащей ядовитые продукты жизнедеятельности (токсины) болезнетворных микроорганизмов *Staphylococcus aureus* (Стафилококк золотистый), либо бактерии *Salmonella* (Сальмонелла)» [Воротынцев, Галимов, 2023, с. 575].

В наши дни диагноз такой точности ставится только после обнаружения возбудителя лабораторными методами в фекалиях, рвотных массах или остатках употребленной больным пищи [БМЭ, 1985, т. 25, с. 107, 108], поскольку клиническая картина пищевых токсикоинфекций, вызванных разными возбудителями, имеет сходную симптоматику [Шувалова и др., 2015, с. 159, 161]. Воротынцева и Галимова это несколько не смущает, и они продолжают: «Учитывая тот факт, что наиболее опасными с точки зрения инфицирования стафилококковыми токсинами и Сальмонеллой являются молочные и мясные продукты (основа рациона монгольских кочевников), вариант пищевого отравления Ярослава Всеволодовича во время приема у Туракины выглядит более чем вероятным» [Воротынцев, Галимов, 2023, с. 575].

Действительно, факторами передачи стафилококка чаще всего бывают продукты, приготовленные на молоке, и молоко [БМЭ, 1985, т. 25, с. 108], а «...половина всех заболеваний человека сальмонеллезом связана с употреблением мяса крупного рогатого скота, а также свиней и лошадей» [Там же, 1984, т. 22, с. 452]. Но нужно учитывать, что восприимчивость к токсикоинфекциям очень высока, нередко заболевает до 100 % людей, употребивших инфицированный продукт [Шувалова и др., 2015, с. 158], между тем, по описаниям путешественников XIII в., во время монгольских застолий «один из них нарежет мясо, а другой насаживает кусочки мяса на кончик ножа и протягивает каждому» [Плано Карпини, 2022, с. 141; Рубрук, 1957, с. 9]⁶. Таким образом, если бы Воротынцев и Галимов оказались правы,

⁶ Похожая информация содержится и в «Кратких заметках о чёрных татарах» сунского дипломата Пен Да-я: «Они разрезают мясо ножом и сперва едят сами, а затем дают есть другим» [Хэй да ши люэ, 2015, с. 25].

отравиться на приеме у Туракины должен был не один великий князь, но стоит ли говорить, что об отравлениях других участников пира источники молчат⁷. Если же настаивать на том, что Туракина, оказывая русскому князю особую честь, дала исключительно для него приготовленную еду, зараженную стафилококками или сальмонеллой, то придется поверить в альтернативную реальность, в которой монголы XIII в. имели доступ к современным бактериологическим лабораториям.

Более того, летальный исход при гастроэнтерической форме сальмонеллеза, а именно на таком диагнозе, судя по цитируемой клинической картине, настаивают Воротынцев и Галимов, возможен только в исключительных случаях⁸ и связан с инфекционно-токсическим шоком, который наиболее характерен для первых дней или даже часов заболевания, но его проявление крайне маловероятно через 7 или 14 дней [БМЭ, 1985, т. 25, с. 108]. В целом же риск летального исхода при сальмонеллезе очень невысок. Даже без лечения диарея, рвота и лихорадка продолжают у большинства больных не дольше полутора недель, после чего те выздоравливают [Там же, 1984, т. 22, с. 453–454].

До XIX в. не существовало надежных способов определить, был ли погибший отравлен перорально: ориентироваться приходилось на косвенные признаки. Согласно Гаю Светонию Транквиллу (I–II вв. н. э.), «синие пятна по всему телу» были одним из оснований для того, чтобы подозревать, что римский военачальник Германик был убит с помощью яда (19 г. н. э.) [Гай Светоний Транквилл, 1964, с. 104]. Дион Кассий (II–III вв. н. э.) упоминает, что тело Германика даже публично демонстрировалось в качестве доказательства отравления [Dio, 1925, vol. 7, p. 162–165]. На трупе отравленного Нероном Британника (55 г. н. э.) «кожа посинела из-за действия отравы», поэтому «преступление стало ведомо людям не только по слухам, но и воочию» [Ibid., vol. 8, p. 48–49]. Судя по всему, в Европе такие симптомы, как посинение или быстрое разложение тела, традиционно рассматривались в качестве признака отравления еще со времен античности [Thompson, 1931, p. 29]. «Жизнь двенадцати цезарей» Светония сохраняла популярность и в Средние века [Kaster, 2014], поэтому наш образованный францисканец вполне мог быть знаком с описанными приметам убийства с помощью отравы.

Воротынцев и Галимов, впрочем, приписывают цианоз, т. е. посинение кожных покровов, сальмонеллезу: удивительно, но в источнике, на который они приводят ссылку, ничего подобного не утверждается [Воротынцев, Галимов, 2023, с. 576]⁹. Объясняя посинение тела князя, авторы наивно апеллируют к тому, что на трупах вообще изменяется цвет кожных покровов, и подтверждают этот очевидный факт ссылкой на учебник судебной медицины. Однако надо полагать, что брат Иоанн был куда более искушенным человеком в вопросах, связанных со смертью, чем наши современные коллеги-историки. Будучи опытным священником в реалиях XIII в., он, разумеется, наблюдал смерть не единожды, исповедуя отходящих и отпевая уже преставившихся христиан, и прекрасно знал, как выглядят обычные трупные пятна. Но, по его словам, посинение тела Ярослава Всеволодовича было удивительным.

В действительности существуют яды, действие которых вызывает характерное цианотичное изменение цвета кожи. К таким ядам относятся соединения тяжелых металлов и мышьяка [Бова, Горохов, 2005, с. 232]. Клиническая картина отравления весьма неприятна, а возможность избежать смерти очень невелика [Медицинская токсикология, 2012, с. 658–663]. При тяжелом желудочно-кишечном отравлении действие яда может продолжаться в течение двух недель и в поздней стадии проявляться острой почечно-печеночной недостаточностью.

В этом отношении показательна история гибели Дмитрия Шемяки (1453 г.). В случае с его убийством мы располагаем не только описанием в источнике, но и данными, полученными при проведении судебно-медицинской экспертизы останков князя. Наиболее подробное сообщение об этом щекотливом эпизоде из истории правления Василия II сохранилось

⁷ При этом смерть спутников Ярослава на пути в Каракорум Карпини отмечает [Плано Карпини, 2022, с. 179].

⁸ Прогноз смертности составляет 0,2–0,3 %. [Шувалова и др., 2015, с. 135].

⁹ Ср.: [БМЭ, 1978, т. 9, с. 350; 1984, т. 22, с. 453–454].

в Львовской летописи, восходящей к Кирилло-Белозерскому своду 1472 г. [Бобров, 2014, с. 536–538]: «Бысть же князю Дмитрею по обычю въсхотѣ ясти о полудни и повелѣ себѣ едино куря доспѣти. Они же оканнии смертнымъ зелиемъ доспѣша его и принесоша его предъ князь; и яде не вѣдый мысли ихъ; не случи же ся никому дати его. Ту же разболѣся, и лежа 12 дней преставися» [ПСРЛ, 2005, т. 20, с. 262]. Лабораторное исследование, проведенное в 1980-х гг. специалистами Бюро судебно-медицинской экспертизы Главного управления здравоохранения г. Москвы, показало наличие следов мышьяка в печени, почках, брюшной полости и грудной клетке погибшего, желудочно-кишечная форма отравления которым, согласно выводам экспертов, и могла стать причиной смерти [Янин, 1988, с. 210–217].

Таким образом, кроме отмеченного братом Иоанном внешнего симптома с особенностями гибели от отравления соединениями мышьяка совпадает и длительность наступления смерти: в течение 7 или 12 дней.

Ядовитые свойства триоксида мышьяка (арсенолита, *юйши*) и способ его получения были известны китайским алхимикам издревле. В написанной чиновником юстиции Сун Чжу книге «Си юань лю», название которой можно было бы перевести как «Инструкция для дознавателей» (1247 г.)¹⁰, указывается, в частности, что трупные пятна на теле умершего от яда отличаются от обычных трупных пятен [Giles, 1924, p. 80]. Кроме того, довольно подробно описаны симптомы отравления мышьяком, и на первом месте указана гиперпигментация: «все тело <...> приобретет синевато-серый или черный цвет» [Ibid, p. 96]. Трактат был закончен в 1247 г. в Южной Сун, однако Сун Чжу опирался на более ранние труды Северной Сун и Цзинь [Needham, Lu, 1988, p. 363–364], а, как говорилось выше, монголы с начала эпохи завоеваний широко пользовались услугами китайских специалистов-лекарей, и знания, зафиксированные в «Си юань лю», были им доступны.

Анализ истории медицины Воротынцев и Галимов заменяют довольно общими соображениями: «Мировоззрение людей древних эпох базировалось на антинаучном и в значительной степени иррациональном восприятии и трактовке происходивших в их жизни событий», в частности, «внезапные болезни и смерти [воспринимались] как воздействие на организм пострадавшего человека отравляющих веществ» [Воротынцев, Галимов, 2023, с. 572; 2024, с. 310]. Указывается, что на вывод об ограниченности людей древних эпох авторов вдохновили труды представителей французской школы «Анналов» [Воротынцев, Галимов, 2024, с. 307]. При этом в своем тексте наши коллеги настойчиво коверкают название этого знаменитого журнала («Аналы»)!

Несмотря на то, что «мировоззрение людей древних эпох» действительно отличалось от нашего, служившие монгольским ханам китайские врачи прекрасно понимали разницу между пищевыми отравлениями и убийствами с помощью ядов. В медицинской поваренной книге эпохи Юань, работа над которой была начата еще в правление хана Хубилая (1271–1294), целый параграф посвящен пищевым отравлениям, в частности, телятиной, бараниной и свиной [Buell, Anderson, 2010, p. 420–421], т. е. главным факторам передачи сальмонеллеза. Китайцы в этом не одиноки, врачи древности и на Востоке, и на Западе, знали и описывали симптомы и заворота кишок [Ballantyne, 1982], и острых кишечных инфекций [Lim, Wallace, 2004], и почечной недостаточности [Pal, Kaskel, 2016].

Об убийстве великого князя Ярослава Всеволодовича сообщают несколько известных и изученных источников, чья подлинность и высокий уровень достоверности надежно подтверждены. Самый подробный рассказ об отравлении князя сохранился в «Истории монголов» Иоанна де Плано Карпини. Об убийстве с помощью «зелия» сообщается и в Галицко-Волынской летописи. В большинстве поздних общерусских летописей XV–XVI вв. тоже отмечается «нужная», т. е. насильственная, смерть Ярослава.

¹⁰ Г. Джайлз предлагает перевод: «Инструкция для коронеров» [Giles, 1924, p. 59].

Помимо названных существует еще несколько источников, в которых упоминается «нужная» смерть князя, и которые были созданы до или одновременно с составлением Новгородско-Софийского свода – «Повесть о житии Михаила Тверского» первой четверти XIV в. и Ростовский владычный свод, известия из которого доведены в Московско-академической летописи до 1415 г. Разумеется, сам характер выбранного книжниками слова в описании смерти мог быть продиктован средневековым литературным этикетом, однако оснований сомневаться в том, что это слово обозначало насильственную смерть, нет. По крайней мере, оно не применяется в памятниках древнерусской литературы при описании кончины тех русских князей, которые заведомо представились своей смертью.

Сведения в источниках не противоречат реалиям Монгольской империи середины XIII в. Еще во времена, предшествовавшие монгольским завоеваниям, центральноазиатским кочевникам были известны пищевые яды, а начиная с эпохи Чингисхана монгольская элита получает возможность пользоваться услугами опытных лекарей и алхимиков, происходивших из покоренных народов. Эти врачи обладали многовековым опытом извлечения токсических веществ и обращения с ними, тайным оружием политической борьбы, устранения неугодных родственников и их слуг, стоявших на пути к власти в огромной империи. Многочисленные источники персидского, китайского, армянского, латинского происхождения позволяют заключить, что этим оружием не гнушались, а прием пищи в ставках чингизидов мог оказаться смертельным.

В «Истории монголов» брат Иоанн не только фиксирует гибель Ярослава Всеволодовича, он поясняет, почему все посчитали, что князь был отравлен: его тело необычайно посинело. Такой симптом считался верной приметой отравления еще с эпохи античности, и папский нунций, будучи образованным и опытным человеком, мог сам сделать соответствующий вывод, тем более что он мог присутствовать при обсуждаемой смерти. Вместе с тем аналогичные признаки интоксикации мышьяком или его соединениями описываются в китайских медицинских трактатах и судебных руководствах. Вероятнее всего, знакомые с китайской медициной личные лекари представителей «Золотого рода» присутствовали вместе со своими патронами, собравшимися на курултай в великоханской ставке летом 1246 г. Мы не знаем, осматривал ли накануне или после кончины тело князя кто-нибудь из врачей-китайцев, но слова брата Иоанна («все полагали, что он был там и отравлен») дают основания полагать, что вывод о насильственной смерти был сделан не только им.

На курултай, на котором должны были возвести на престол нового великого хана, Гуюка, князь Ярослав Всеволодович прибыл в качестве вассала Бату. Однако самый могущественный из чингизидских принцев имел давнюю вражду с новоизбранным императором. Вполне вероятно, что старая распря, случившаяся после взятия соединенным монгольским войском Киева, стала причиной тайного убийства «великого князя Руси», самовольно назначенного Бату править матерью городов русских. Никаких формальных оснований для открытого суда над Ярославом не было, и он был отравлен, а смерть в ставке матери отвела подозрения от самого великого хана. Предположения о том, что отношения между матерью и сыном к этому времени стали «весьма напряженные», остаются только на уровне догадок: Гуюк получил трон исключительно благодаря Туракине, а череда смещений и казней высших придворных лиц была связана не с личной неприязнью между царственными родственниками, а с конкуренцией между политическими группировками, отстаивавшими разные модели администрирования империи [De Nicola, 2017, p. 66–72].

Как мы могли убедиться, нет причин считать смерть Ярослава Всеволодовича загадкой. Проверка аргументов из области не только истории, но и лингвистики, медицины, культурной антропологии, которые приводятся Воротынцевым и Галимовым, демонстрирует, что основания для сенсационных гипотез не столь очевидны, а неоправданное усердие в критике средневековых текстов – основного источника знаний историка-медиевиста – грозит обернуться модным, но бесперспективным для науки постмодернистским релятивизмом.

Список литературы

- БМЭ – Большая медицинская энциклопедия. М.: Изд-во АМН СССР, 1978. Т. 9: Ибн-Рошд – Йордан. 483 с.; 1984. Т. 22: Растворители – Сахаров. 544 с.; 1985. Т. 25: Теннис – углекислота. 544 с.
- Бегунов Ю. К.** Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли»: исследования и тексты. Л.: Наука, 1964. 231 с.
- Бобров А. Г.** Великий князь Дмитрий Юрьевич Шемяка в древнерусской литературе и книжности // ТОДРЛ. СПб., 2014. Т. 63. С. 516–540.
- Бова А. А., Горохов С. С.** Военная токсикология и токсикология экстремальных ситуаций: Учебник. Минск: БГМУ, 2005. 662 с.
- Воротынцев Л. В., Галимов Т. Р.** «Нужная смерть» великого князя: к вопросу о причинах и обстоятельствах кончины Ярослава Всеволодовича осенью 1246 г. // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 3. С. 562–581. DOI 10.22378/2313-6197.2024-12-2.307-319
- Воротынцев Л. В., Галимов Т. Р.** «Отравленные» ханы: феномен внезапной смерти правителей в ментальном восприятии средневековых монгол // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 2. С. 307–319. DOI 10.22378/2313-6197.2024-12-2.307-319
- Горский А. А.** Свидетели путешествия Плано Карпини: уникальная информация и ошибки прочтения // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014а. № 3 (57). С. 115–121.
- Горский А. А.** Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодовича // «По любви, в правде, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В. А. Кучкина. М., 2014б. С. 179–190.
- Карамзин Н. М.** История государства российского. 2-е изд. СПб.: Тип. Н. Греча, 1819. Т. 4. 255 с.
- Клосс Б. М.** Предисловие к изданию 1997 г. // Полное собрание русских летописей. М., 1997. Т. 1. С. G–N.
- Кучкин В. А.** Повести о Михаиле Тверском. Историко-текстологическое исследование. М.: Наука, 1974. 291 с.
- Лурье Я. С.** Общерусские летописи XIV–XV вв. Л.: Наука, 1970. 283 с.
- Майоров А. В.** Апостольский Престол, Никейская империя и Русь в экуменических процессах середины XIII в. // Византийский временник. 2019. Т. 103. С. 128–152.
- Майоров А. В.** Женщина, дипломатия и война: русские князья в переговорах с Бату накануне монгольского нашествия // Шаги / Steps. 2021. Т. 7, № 3. С. 124–199. DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199
- Майоров А. В., Веселов Ф. Н.** «Благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви»: латинские источники о последних днях великого князя Ярослава Всеволодовича // Российская история. 2025. № 1. С. 3–14. DOI 10.31857/S2949124X25010015
- Медицинская токсикология: национальное руководство. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2012. 928 с.
- Михайловская Н. Г.** Системные связи в лексике древнерусского книжно-письменного языка XI–XIV вв. М.: Наука, 1980. 253 с.
- Насонов А. Н.** Летописный свод XV в. (по двум спискам) // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2: Документы по истории XV–XVII вв. С. 277–321.
- Порсин А. А.** Процесс по делу об отравлении каана Угедея в контексте противоречий разных групп источников // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 1. С. 24–36. DOI 10.22378/2313-6197.2023-11-1.24-36
- Рудаков В. Н.** «Все полагали, что он был отравлен»: формирование памяти о кончине великого князя Ярослава Всеволодовича (середина XIII – XVI в.) // Российская история. 2025. № 1. С. 15–33. DOI 10.31857/S2949124X25010025
- Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М.: Русский язык, 1990. Т. 3 (добродетельно – изжечеся). 511 с.; М.: ИРЯ РАН, 2002. Т. 5 (молим – обятьнь). 647 с.

- Шувалова Е. П., Белозеров Е. С., Беляева Т. В., Змушко Е. И.** Инфекционные болезни: Учебник для студентов медицинских вузов. 7-е изд., испр. и доп. СПб.: СпецЛит, 2015. 727 с.
- Янин В. Л.** Некрополь Новгородского Софийского собора. М.: Наука, 1988. 239 с.
- Allsen T.** Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 2001. 245 p.
- Allsen T.** The Mongols and Siberia // The Cambridge History of the Mongol Empire. Cambridge, 2023. Vol. 1: History. P. 734–752.
- Atwood C.** Ulus Emirs, Keshig Elders, Signatures, and Marriage Partners: The Evolution of a Classic Mongol Institution // Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth – Twentieth Centuries. Bellingham, 2006. P. 141–174.
- Ballantyne G. H.** Review of Sigmoid Volvulus: History and Results of Treatment // Dis Colon Rectum. 1982. Jul-Aug. No. 25 (5). P. 494–501.
- Buell P. D., Anderson E. N.** A Soup for the Qan. Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era, As Seen in Hu Sihui's Yinshan Zhengyao. Leiden; Boston: Brill, 2010. 661 p.
- Chipman L.** Islamic Pharmacy in the Mamluk and Mongol Realms: Theory and Practice // Asian Medicine. 2007. No. 3. P. 265–278.
- Giles H.** The “Hsi Yuan Lu” or “Instructions to Coroners” // Proceedings of the Royal Society of Medicine. 1924. No. 17. P. 59–107.
- Henthorn W. E.** Korea. The Mongol Invasions. Leiden: Brill, 1963. 252 p.
- Hsiao C.** The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Cambridge: Harvard Uni. Press, 1978. 314 p. (Harvard East Asian monographs; 77)
- Jackson P.** The Mongols and the West: 1221–1410. London: Routledge, 2005. 414 p.
- Kaster R. A.** The Transmission of Suetonius's “Caesars” in the Middle Ages // Transactions of the American Philological Association (1974–2014). 2014. Vol. 144, no. 1. P. 133–186.
- Lim M. L., Wallace M. R.** Infectious Diarrhea in History // Infectious Disease Clinics of North America. 2004. Jun. No. 18 (2). P. 261–274.
- Maiorov A. V.** A Medieval Effort toward Unity: Latins, Greeks, Russians and the Mongol Khan // Journal of Medieval History. 2023. No. 49 (4). P. 495–515.
- Moule A. C.** The Minor Friars in China // The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland. 1917, Jan. P. 22–23.
- Nicola B. de.** Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335. Edinburgh: Edinburgh Uni. Press, 2017. 288 p.
- Needham J., Lu G.-D.** A History of Forensic Medicine in China // Medical History. 1988. No. 32. P. 357–400.
- Özcan A. T.** Batu-Güyük Rekabetinin Dinamikleri ve Altın Orda Hanlığı'nın Egemenliği Üzerindeki Yansımaları // Tarih Tetkikleri Dergisi. 2023. Vol. 1, iss. 2. P. 1–11.
- Pal A., Kaskel F.** History of Nephrotic Syndrome and Evolution of its Treatment // Frontiers in Pediatrics. 2016. May. No. 30. P. 4–56.
- Rachewiltz I. de.** Commentary // The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden; Boston, 2004. Vol. I–II. P. 221–1044.
- Thompson C. J. S.** Poisons and Poisoners. London: Harold Shaylor, 1931. 392 p.
- Vernadsky G.** The Mongols and Russia. New Heaven: Yale Uni. Press, 1953. 462 p.
- Waley A.** Introduction // Ch'ang Ch'un. Travels of an Alchemist. London: Routledge, 1931. P. 1–46.

Список источников

- ал-Карши Джамал.** ал-Мулхакат би-с-сурах. Алматы: Дайк-пресс, 2005. Т. 1. 416 с.
- ал-Кашгари Махмуд.** Диван Лугат ат-Турк. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 1288 с.
- Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. М.: ИЭА РАН, 2005. 152 с.

- Вардан Великий.** Всеобщая история Вардана Великого. М.: Тип. Лазаревск. ин-та вост. яз., 1861. 218 с.
- Гай Светоний Транквилл.** Жизнь двенадцати цезарей. М.: Наука, 1964. 375 с.
- Золотая орда в источниках. М.: Наука, 2003. Т. 1: Арабские и персидские сочинения. 448 с.
- Киракос Гандзакечи.** История Армении. М.: Наука, 1976. 359 с.
- Летописец Русский // Материалы по истории СССР. М., 1955. Т. 2: Документы по истории XV–XVII вв. С. 284–321.
- Плано Карпини, Иоанн де.** История монголов: Текст, перевод, комментарии. М.: ИДВ РАН, Вост. лит., 2022. 383 с.
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 733 с.; 1998. Т. 2: Ипатьевская летопись. 1105 с.; 2000. Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. 581 с.; М.: Кошелев, 2005. Т. 20: Львовская летопись. 686 с.
- Рашид-ад-Дин.** Сборник летописей. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1, кн. 1. 197 с.; 1952. Т. 2. 214 с.
- Рубрук Вильгельм де.** Путешествие в восточные страны // Путешествия на Восток Плано Карпини и Гильома Рубрука. М., 1957. С. 87–194.
- Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. Юань чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 619 с.
- «Хэй да ши люэ»: источник по истории монголов XIII в. М.: Наука, 2016. 254 с.
- Acta Innocentii – Acta Innocentii PP. IV (1243–1254). Romae: Typis Pontificiae, 1962 (= Pontificiae commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Series III. Vol. 4/1). 226 p.
- Al-Ahri Abu Bakr.** Ta'rikh-i Shaikh Uwais: an Important Source for the History of Adharbaijan. Gravenhage: Excelsior, 1954. 184 p.
- Ch'ang Ch'un.** Travels of an Alchemist. London: Routledge, 1931. 166 p.
- Dio – Dio's Roman History. London: William Heinemann Ltd, 1925. Vol. 7. 449 p.; Vol. 8. 482 p.
- Georgii Monachi Chronicon. Lipsiae: B. G. Teubner, 1904. Т. 1. 804 s.
- Juvaini, 'Ala-ad-Din 'Ata-Malik, Qazvini Muhammad.** The History of the World Conqueror. Manchester: Manchester Uni. Press, 1958. 763 p.
- Jūzjānī Minhāj Sirāj.** Ṭabakāt-i-Nāsirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A. H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. New Delhi: Oriental Books Reprint Corp, 1970. Vol. 1. 1360 p.
- MGH – Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae: Impensis Bibliopolii Aulici Hahniani, 1872. Т. XXII. 564 p.
- Rashiduddin – Rashiduddin Fazlullah's Jami'u't-tawarikh: Compendium of Chronicles. History of the Mongols. Cambridge: Harvard Uni. Press, 1998. Pt. 1. 819 p.
- Waṣṣāf al-Ḥaḍrat, Abdallāh Ibn-Faḍlallāh.** Geschichte Wassaf's. Wien: Hof- und Staatsdruckerei, 1856. 520 S.

References

- Allsen T.** Culture and Conquest in Mongol Eurasia. Cambridge, Cambridge Uni. Press, 2001, 245 p.
- Allsen T.** The Mongols and Siberia. In: The Cambridge History of the Mongol Empire. Cambridge, 2023, vol. 1: History, pp. 734–752.
- Atwood C.** Ulus Emirs, Keshig Elders, Signatures, and Marriage Partners: The Evolution of a Classic Mongol Institution. In: Imperial Statecraft: Political Forms and Techniques of Governance in Inner Asia, Sixth – Twentieth Centuries. Bellingham, 2006, pp. 141–174.
- Ballantyne G. H.** Review of Sigmoid Volvulus: History and Results of Treatment. *Dis Colon Rectum*, 1982, Jul-Aug, no. 25 (5), pp. 494–501.

- Begunov Yu. K.** Pamyatnik russkoi literatury XIII veka “Slovo o pogibelu Russkoi zemli”: issledovaniya i teksty [Monument of the Russian Literature of the 13th Century “Sermo on the Perdition of the Rus' Land”: Analyses and Texts]. Leningrad, Nauka, 1964, 231 p. (in Russ.)
- Bol'shaya meditsinskaya entsiklopediya [Complete Medical Encyclopedia]. Moscow, Izdatel'stvo AMN SSSR, 1978, vol. 9, 483 p.; 1984, vol. 22, 544 p.; 1985, vol. 25, 544 p. (in Russ.)
- Bobrov A. G.** Velikii knyaz' Dmitrii Yur'evich Shemyaka v drevnerusskoi literature i knizhnosti [Grand Duke Dmitry Yurievich Shemyaka in Old Russian Literature and Book Culture]. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. St. Petersburg, 2014, vol. 63, pp. 516–540. (in Russ.)
- Bova A. A., Gorokhov S. S.** Voennaya toksikologiya i toksikologiya ekstremal'nykh situatsii: uchebnik [Military Toxicology and Toxicology of The Extreme Situations]. Minsk, BSMU Press, 2005. 662 p. (in Russ.)
- Buell P. D., Anderson E. N.** A Soup for the Qan. Chinese Dietary Medicine of the Mongol Era, As Seen in Hu Sihui's Yinshan Zhengyao. Leiden, Brill, 2010, 661 p.
- Chipman L.** Islamic Pharmacy in the Mamluk and Mongol Realms: Theory and Practice. *Asian Medicine*, 2007, no. 3, pp. 265–278.
- Giles H.** The “Hsi Yuan Lu” or “Instructions to Coroners”. *Proceedings of the Royal Society of Medicine*, 1924, no. 17, pp. 59–107.
- Gorsky A. A.** Svideteli puteshestviya Plano Karpini: unikal'naya informatsiya i oshibki prochteniya [Witnesses of Piano del Carpini Travel: Unique Information and Mistakes in Readings]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2014, no. 3 (57), pp. 115–121. (in Russ.)
- Gorsky A. A.** Ob obstoyatel'stvakh gibeli velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodicha [Concerning the Circumstances of Death of Grand Prince Yaroslav Vsevolodich]. In: “Po lyubvi, v pravde, bezo vsyakiye khitrosti”: Druz'ya i kollegi k 80-letiyu V. A. Kuchkina [“For love, truly, without any tricks”: Friends and Colleagues in Honor of 80th Anniversary of V. A. Kuchkin]. Moscow, 2014, pp. 179–190. (in Russ.)
- Henthorn W. E.** Korea. The Mongol Invasions. Leiden, Brill, 1963, 252 p.
- Hsiao C.** The Military Establishment of the Yuan Dynasty. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1978, 314 p. (Harvard East Asian monographs; 77)
- Jackson P.** The Mongols and the West: 1221–1410. London, Routledge, 2005, 414 p.
- Karamzin N. M.** Istoriya gosudarstva rossiiskogo [History of the Russian State]. 2nd ed. St. Petersburg, Tipografiya N. Grecha, 1819, vol. 4, 255 p. (in Russ.)
- Kaster R. A.** The Transmission of Suetonius's “Caesars” in the Middle Ages. *Transactions of the American Philological Association (1974–2014)*, 2014, vol. 144, no. 1, pp. 133–186.
- Kloss B. M.** Predislovie k izdaniyu 1997 g. [1997 Edition Preface]. In: Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, 1997, vol. 1: Lavrent'evskaya letopis' [Laurentian Chronicle], pp. G–N. (in Russ.)
- Kuchkin V. A.** Povesti o Mikhaile Tverskom. Istoriko-tekstologicheskoe issledovanie [Tales of the Mikhail of Tver. Historical-textological Study]. Moscow, Nauka, 1974, 291 p. (in Russ.)
- Lim M. L., Wallace M. R.** Infectious Diarrhea in History. *Infectious Disease Clinics of North America*, 2004, no. 18 (2), Jun., pp. 261–274.
- Lurye Ya. S.** Obscherusskie letopisi XIV–XV vv. [All-Russian Chronicles of the 14th – 15th centuries]. Leningrad, Nauka, 1970, 283 p. (in Russ.)
- Maiorov A. V.** A Medieval Effort toward Unity: Latins, Greeks, Russians and the Mongol Khan. *Journal of Medieval History*, 2023, no. 49 (4), pp. 495–515.
- Maiorov A. V.** Apostol'skii Prestol, Nikeiskaya imperiya i Rus' v ekumenicheskikh protsessakh serediny XIII v. [Apostolic See, Empire of Nicaea and Rus' in the Ecumenical Processes of the mid-13th Century]. *Vizantiiskii vremennik* [Bizantina Chronicle], 2019, vol. 103, pp. 128–152. (in Russ.)

- Maiorov A. V.** Zhenshchina, diplomatiya i voina: russkie knyaz'ya v peregovorakh s Batu nakunne mongol'skogo nashestiya [Woman, Diplomacy and War: Rus Princes in Negotiations with Batu on the Eve of the Mongol Invasion]. *Shagi [Steps]*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 124–199. (in Russ.) DOI 10.22394/2412-9410-2021-7-3-124-199
- Maiorov A. V., Veselov F. N.** “Blagochestivo otdal sebya poslushaniyu Rimskoi tserkvi”: latinskie istochniki o poslednikh dnyakh velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodovicha [“Piously gave himself up to the obedience of the Roman Church”: Latin Sources on the Last Days of Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich]. *Rossiiskaya istoriya [Russian History]*, 2025, no. 1, pp. 3–14. (in Russ.) DOI 10.31857/S2949124X25010015
- Meditsinskaya toksikologiya: natsional'noe rukovodstvo [Medical Toxicology: National Manual]. Moscow, GEOTAR-Media Publ., 2012, 928 p. (in Russ.)
- Mikhailovskaya N. G.** Sistemnye svyazi v leksike drevnerusskogo knizhno-pis'mennogo yazyka XI–XIV vv. [System Connections in the Vocabulary of the Old Russian Book-written Language of the 11th – 14th Centuries]. Moscow, Nauka, 1980, 253 p. (in Russ.)
- Moule A. C.** The Minor Friars in China. *The Journal of the Royal Asiatic Society of Great Britain and Ireland*, 1917, Jan., pp. 22–23.
- Nasonov A. N.** Letopisnyi svod XV v. (po dvum spiskam) [Chronicle of the 15th Century (By Two Copies)]. In: Materialy po istorii SSSR [Materials on the History of USSR]. Moscow, 1955, vol. 2: Dokumenty po istorii XV–XVII vv. [Documents on the History of 15th – 17th Centuries], pp. 277–321. (in Russ.)
- Needham J., Lu G.-D.** A History of Forensic Medicine in China. *Medical History*, 1988, no. 32, pp. 357–400.
- Nicola B. de.** Women in Mongol Iran: The Khatuns, 1206–1335. Edinburgh, Edinburgh Uni. Press, 2017, 288 p.
- Özcan A. T.** Batu-Güyük Rekabetinin Dinamikleri ve Altın Orda Hanlığı'nın Egemenliği Üzerindeki Yansımaları. *Tarih Tetkikleri Dergisi*, 2023, vol. 1, iss. 2, pp. 1–11.
- Pal A., Kaskel F.** History of Nephrotic Syndrome and Evolution of its Treatment. *Frontiers in Pediatrics*, 2016, May, no. 30, pp. 4–56.
- Porsin A. A.** Protsess po delu ob otravlenii kaana Ugedeya v kontekste protivorechii raznykh grupp istochnikov [Trial in the Case of the Poisoning of Ögedei Khan in the Context of Contradictions between Different Groups of Sources]. *Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review]*, 2023, vol. 11, no. 1, pp. 24–36. (in Russ.) DOI 10.22378/2313-6197.2023-11-1.24-36
- Rachewiltz I. de.** Commentary. In: The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Leiden, Boston, 2004, vol. I–II, pp. 221–1044.
- Rudakov V. N.** “Vse polagali, chto on byl otravlen”: formirovanie pamyati o konchine velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodovicha (seredina XIII – XVI v.) [“Everyone believed that he had been poisoned”: Formation of the Memory of the Death of Grand Duke Yaroslav Vsevolodovich (mid-13th – 16th Century)]. *Rossiiskaya istoriya [Russian History]*, 2025, no. 1, pp. 15–33. (in Russ.) DOI 10.31857/S2949124X25010025
- Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.) [Vocabulary of the Old Russian Language (11th – 15th Centuries)]. Moscow, Russkii yazyk, 1990, vol. 3 (dobrodetel'no – izzhechesya), 511 p.; Moscow, IRYa RAN, 2002, vol. 5 (molim – obyat'n'), 647 p. (in Russ.)
- Shuvalova E. P., Belozarov E. S., Belyaeva T. V., Zmushko E. I.** Infektsionnye bolezni: uchebnik dlya studentov meditsinskikh vuzov [Infectious Diseases: Textbook for Higher Education Institutions]. 7th ed. St. Petersburg, SpetsLit Publ., 2015, 727 p. (in Russ.)
- Thompson C. J. S.** Poisons and Poisoners. London, Harold Shaylor, 1931, 392 p.
- Vernadsky G.** The Mongols and Russia. New Haven, Yale Uni. Press, 1953, 462 p.
- Vorotyntsev L. V., Galimov T. R.** “Nuzhnaya smert'” velikogo knyazya: k voprosu o prichinakh i obstoyatel'stvakh konchiny Yaroslava Vsevolodovicha osen'yu 1246 g. [The “Necessary Death” of the Grand Duke: On the Question of the Causes and Circumstances of the Death of Yaroslav Vsevolodovich in the Autumn of 1246]. *Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde*

Review], 2023, vol. 11, no. 3, pp. 562–581. (in Russ.) DOI 10.22378/2313-6197.2023-11-3.562-581

Vorotyntsev L. V., Galimov T. R. “Otravlennye” khany: fenomen vnezapnoi smerti pravitelei v mental’nom vospriyatii srednevekovykh mongol [“Poisoned” Khans: The Phenomenon of the Sudden Death of Rulers in the Mental Perception of Medieval Mongols]. *Zolotoordynskoe obozrenie* [*Golden Horde Review*], 2024, vol. 12, no. 2, pp. 307–319. (in Russ.) DOI 10.22378/2313-6197.2024-12-2.307-319

Waley A. Introduction. In: Ch’ang Ch’un. *Travels of an Alchemist*. London, 1931, pp. 1–46.

Yanin V. L. Nekropol’ Novgorodskogo Sofiiskogo sobora [Burials at the Novgorod St. Sophia Cathedral]. Moscow, Nauka, 1988, 239 p. (in Russ.)

List of Sources

Abu Bakr Al-Ahri. Ta’rikh-i Shaikh Uwais: an Important Source for the History of Adharbaijan. Gravenhage, Excelsior, 1954, 184 p.

Acta Innocentii – Acta Innocentii PP. IV (1243–1254). Romae: Typis Pontificiae, 1962 (= Pontificiae commissio ad redigendum codicem iuris canonici orientalis. Fontes. Series III. Vol. 4/1), 226 p.

al-Karshi Dzhamal. al-Mulkhakat bi-s-surakh. Almaty, Daik-press, 2005, vol. 1, 416 p. (in Russ.)

al-Kashgari Makhmud. Divan Lugat at-Turk. Almaty, Daik-press, 2005, 1288 p. (in Russ.)

Anonimnyi gruzinskii “Khronograf” XIV veka [Anonymous Georgian Chronicle of the 14th Century]. Moscow, IEA RAN Publ., 2005, 152 p. (in Russ.)

Ch’ang Ch’un. *Travels of an Alchemist*. London, Routledge, 1931, 166 p.

Dio’s Roman History. London, William Heinemann Ltd, 1925, vol. 7, 449 p.; vol. 8, 482 p.

Gai Svetonii Trankvill. Zhizn’ dvenadtsati tsezarei [Suetonius. The Lives of Twelve Emperors]. Moscow, Nauka, 1964, 375 p. (in Russ.)

Georgii Monachi Chronicon. Lipsiae, B. G. Teubnery, 1904, t. 1, 804 s.

Juvaini ’Ala-ad-Din ’Ata-Malik, Qazvini Muhammad. The History of the World Conqueror. Manchester, Manchester Uni. Press, 1958, 763 p.

“Khei da shi lyue”: istochnik po istorii mongolov XIII v. [“Hei-ta Shih-lüeh”: Source on the History of the Mongols of the 13th Century]. Moscow, Nauka, 2016, 254 p. (in Russ.)

Kirakos Gandzaketsi. Istoriya Armenii [History of Armenia]. Moscow, Nauka, 1976, 359 p. (in Russ.)

Letopisets Russkii [The Russian Chronicler]. In: Materialy po istorii SSSR [Materials on the History of USSR]. Moscow, 1955, vol. 2: Dokumenty po istorii XV–XVII vv. [Documents on the History of 15th – 17th Centuries], pp. 284–321. (in Russ.)

Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum. Hannoverae, Impensis Bibliopolii Aulici Hahniani, 1872, t. XXII, 564 p.

Minhāj Sirāj Jūzjānī. Ṭabakāt-i-Nāṣirī: A General History of the Muhammadan Dynasties of Asia, Including Hindustan; from A.H. 194 (810 A.D.) to A.H. 658 (1260 A.D.) and the Irruption of the Infidel Mughals into Islam. New Delhi, Oriental Books Reprint Corp, 1970, vol. I, 1360 p.

Piano del Carpini Ioann de. Istoriya mongolov: Tekst, perevod, komentarii [History of the Mongols: Text, Translation, Commentaries]. Moscow, IDV RAN, Vostochnaya literatura, 2022, 383 p. (in Russ.)

Polnoe sobranie russkikh letopisei [Complete Collection of Russian Chronicles]. Moscow, Yazyki russkoi kul’tury, 1997, vol. 1: Lavrent’evskaya letopis’ [Laurentian Chronicle], 733 p.; 1998, vol. 2: Ipat’evskaya letopis’ [Hypatian Chronicle], 1105 p.; 2000, vol. 6, iss. 1: Sofiiskaya pervaya letopis’ starshego izvoda [Early Redaction of the Sofia First Chronicle], 581 p.; Moscow, Koshelev, 2005, vol. 20: L’vovskaya letopis’ [Lvov Chronicle], 686 p. (in Russ.)

Rashid-ad-Din. Sbornik letopisei [Collection of Chronicles]. Moscow, Leningrad, Izdatel’stvo AN SSSR, 1960, vol. 1, book 1, 197 p.; 1952, vol. 2, 214 p. (in Russ.)

- Rashiduddin Fazlullah's Jami' u't-tawarikh: Compendium of Chronicles. A History of the Mongols. Cambridge, Harvard Uni. Press, 1998, pt. 1, 819 p.
- Rubruk Vilgelm de.** Puteshestvie v vostochnye strany [The Journey to the Eastern Regions]. In: Puteshestviya na Vostok Plano Karpini i Gil'oma Rubruka [Travels to the East by Piano del Carpini and William of Rubruck]. Moscow, 1957, pp. 87–194. (in Russ.)
- Sokrovennoe skazanie: mongol'skaya khronika 1240 g. Yuan' chao bi shi. [The Secret History: The Mongolian Chronicle of 1240. Yuan chao bi shi]. Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1941, 619 p. (in Russ.)
- Vardan Velikii.** Vseobshchaya istoriya Vardana Velikogo [The General History of Vardan the Great]. Moscow, Tipografiya Lazarevskogo Instituta vostochnykh yazykov, 1861, 218 p. (in Russ.)
- Waṣṣāf al-Ḥadīrat, Abdallāh Ibn-Faḍlallāh.** Geschichte Wassaf's. Wien, Hof- und Staatsdruckerei, 1856, 245 S.
- Zolotaya orda v istochnikakh [Golden Horde in Sources]. Moscow, Nauka, 2003, vol. 1: Arabskie i persidskie sochineniya [Arabic and Persian Writings], 448 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Федор Никитович Веселов, кандидат исторических наук
Scopus Author ID 56641623800
WoS Researcher ID B-8730-2015

Information about the Author

Fedor N. Veselov, Candidate of Sciences (History)
Scopus Author ID 56641623800
WoS Researcher ID B-8730-2015

*Статья поступила в редакцию 28.09.2024;
одобрена после рецензирования 18.11.2024; принята к публикации 06.06.2025
The article was submitted on 28.09.2024;
approved after reviewing on 18.11.2024; accepted for publication on 06.06.2025*

Научная статья

УДК 94(571)«17/18» + 327 + 341.241.13
DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-60-71

«Договоры» в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII века

Дмитрий Константинович Попов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
dmitriy_popov_1997@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1524-2857>

Аннотация

На основе делопроизводственной документации анализируются «договоры», которые заключали или обсуждали русские дипломаты, направленные в ставки тюрко- и монголоязычных кочевников севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. Предметом «договоров» в основном выступали политические (шерть, ясак, аманаты; возврат пленных; прекращение набегов), а иногда и экономические (торговля) вопросы. В случае конфронтации «договоры» устанавливали параметры мирных отношений между сторонами. «Договоры» не оформлялись в виде самостоятельного акта, не ратифицировались. Дипломаты, уполномоченные проводить переговоры, в большинстве случаев не обладали дипломатическим рангом. Политические цели Российского государства, низкий статус кочевников как контрагентов предопределили упрощение процедурных требований.

Ключевые слова

Российское государство, Центральная Азия, кочевники, «договоры», служилые люди, полномочия

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки в сфере научной деятельности по проекту № FSUS-2025-0009 «Особенности формирования межкультурных коммуникаций в Сибири – от эпохи камня до раннего Нового времени (по данным археологических и письменных источников)»

Для цитирования

Попов Д. К. «Договоры» в дипломатических отношениях Российского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 60–71. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-60-71

“Treaties” in the Diplomatic Relations of the Russian State with the Nomads of the North of Central Asia in the 17th – Early 18th Century

Dmitriy K. Popov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation
dmitriy_popov_1997@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1524-2857>

Abstract

This article examines the “treaties” that were either concluded or discussed by Russian diplomats who were sent to the headquarters of Turkic and Mongol-speaking nomads in northern Central Asia during the 17th and early 18th centuries, drawing on official documentation. The aim is to identify the individuals authorized to negotiate these “treaties” and

© Попов Д. К., 2026

to analyze their content. The findings contribute to a deeper understanding of the diplomatic culture of the Russian state during this period. The study specifically focuses on agreements that are expressly referred to as “treaties” (“dogovor”) in the source materials. It reveals that these “treaties” between the Russian state and northern Central Asian nomads were typically negotiated by Siberian servicemen. These diplomats, dispatched by Russian authorities on diplomatic missions, often lacked formal diplomatic rank. The “treaties” primarily addressed political issues, such as *shert*, *yasak*, *amanat*, the return of prisoners, and the cessation of raids, with some economic matters, particularly trade, occasionally included. In instances of confrontation, the “treaties” established a framework for peaceful relations between the parties involved. Importantly, these treaties were not formalized as independent acts and lacked ratification, reflecting the political goals of the Russian state and the comparatively low status of the nomads as negotiating counterparts, which led to simplified procedural requirements.

Keywords

Russian state, Central Asia, nomads, “treaties”, service people, powers

Acknowledgements

The article was prepared as part of the implementation of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education in the field of scientific activity under the project no. FSUS-2025-0009 “Features of the formation of intercultural communications in Siberia – from the Stone Age to the early modern period (according to archaeological and written sources)”

For citation

Popov D. K. “Treaties” in the Diplomatic Relations of the Russian State with the Nomads of the North of Central Asia in the 17th – Early 18th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 60–71. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-60-71

Российское государство в конце XV – XVII в. установило коммуникацию с большим количеством государств и политических образований Европы и Азии. Со многими из них обсуждались, заключались и пролонгировались договоры, определявшие основные параметры межгосударственных отношений в разных сферах – политической, дипломатической, экономической. Активное развитие посольской службы привело к тому, что в течение XVI–XVII вв. в дипломатической практике Российского государства были выработаны и апробированы процедуры оформления, подписания и ратификации договоров, сформировались определенные традиции и требования к лицам, подписывавшим эти акты, и т. д. [Грабарь, 1958, с. 20–21; Юзефович, 1988, с. 158–180].

В XVII в. в ходе экспансии в Сибирь Российское государство установило дипломатические отношения с кочевыми народами, обитавшими на севере Центральной Азии. Среди контрагентов российского монарха оказались правители разноформатных тюрко- и монголоязычных военно-политических объединений алтайских телеутов, енисейских киргизов, калмыков (джунгар, хошоутов, торгоутов, дербетов), хотогойтов и халхасцев. Кроме того, в дипломатические контакты вступали и представители буддийского духовенства, занимавшие различные таксономические позиции в иерархии служителей культа.

Отношения России с кочевыми народами севера Центральной Азии в XVII – начале XVIII в. выстраивались русской стороной на неравных условиях. Российская власть неоднократно стремилась добиться от кочевников шерти (присяги) на условиях подданства («вечного холопства») российскому монарху. Эти обстоятельства, казалось бы, не предполагали выстраивания между сторонами договорных отношений и заключения соглашений. Однако в реальной практике договоры все же имели место. Правда, они значительно отличались от тех, которые заключались с европейскими и некоторыми азиатскими монархами, как по внешней форме, так и содержательно.

Многие исследователи уже обращали внимание на договорной характер отношений России с конкретными тюрко- или монголоязычными кочевыми народами, а также отмечали факт заключения «договоров» между сторонами (см., например: [Бахрушин, 1955, с. 190–191, 197, 213–214, 218–219; Шастина, 1958, с. 36, 102, 123, 156, 158; Арзыматов, 1966, с. 23, 43; Абдыкальков, 1968, с. 93–95; Чимитдоржиев, 1978, с. 35; Уманский, 1980, с. 18, 22, 23, 36–37, 38, 40, 42, 57, 81; Боронин, 2002, с. 86, 88, 111–113; Бутанаев, 2007, с. 70, 80–82, 87–89; Чимитдоржиева, 2006, с. 61; Чертыков, 2007, с. 70, 75, 137, 170, 171, 172, 183–184, 186, 190, 201, 208, 210–214]).

На договорные практики в российско-кочевнических отношениях также обратили внимание А. С. Зуев и В. А. Слугина, анализировавшие технологии и инструменты приведения народов Сибири и севера Центральной Азии в подданство царю [Зуев и др., 2017, с. 270–271, 273–275, 278–279; Слугина, 2022, с. 97–98; Зуев, Слугина, 2023, с. 169, 172–173, 175]. На материале коммуникации с кочевыми народами, обитавшими на других приграничных территориях, договорные отношения рассматривались как в российской (см., например: [Трепавлов, 2017, с. 161–165, 182–183; Курапов, 2018]), так и в зарубежной историографии (см., например: [Ходарковский, 2019, с. 80–88; Вульпиус, 2023, с. 87–90]).

В контексте теории международного права развитие российско-кочевнических взаимоотношений рассматривал М. О. Акишин. По его мнению, между Россией и центральноазиатскими кочевниками отношения выстраивались на договорной основе, а «ханы Джунгарского ханства и князья енисейских киргизов сумели добиться соблюдения принципа суверенного равенства при заключении шертных договоров с представителями московского самодержжца, т. е. шерты в данных случаях являлись равноправными договорами» [Акишин, 2013, с. 19].

Анализ научно-исследовательской литературы позволяет констатировать, что историки, признавая наличие «договоров» в российско-кочевнических отношениях XVII – начала XVIII в., не ставили перед собой цели проанализировать их в контексте дипломатической культуры Российского государства. Однако исследование этих «договоров» в коммуникации России с кочевым миром севера Центральной Азии позволит, во-первых, установить круг лиц, уполномоченных заключать «договоры», во-вторых, понять содержание этих «договоров», в-третьих, расширить представления о дипломатической культуре рассматриваемого периода.

В центре внимания в данной статье «договоры», которые обсуждались и / или заключались русскими дипломатами в ходе переговоров, проходивших в ставках кочевников в течение XVII – начала XVIII в. Сразу отметим, что в статье будут проанализированы только те соглашения, которые в источниках номинируются «договорами».

В качестве источников для анализа «договоров» использовалась нормативно-распорядительная и отчетная документация, опубликованная в сборниках «Памятники Сибирской истории» [1882], «Русско-монгольские отношения» (далее – РМО) [1959; 1974; 1996; 2000], «Русско-китайские отношения» (далее – РКО) [1972; 1978], «Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в.» [1995], «Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века» [2014], а также в приложениях к «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера [2000; 2005]. Кроме того, привлекались и документы, выявленные в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА).

С российской стороны в ставки кочевников ездили дипломаты из числа сибирских служилых людей по отечеству (дети боярские) или по прибору («начальные люди», рядовые казаки), а иногда и те, кто не был зачислен на государеву службу (см. подробнее: [Зуев, Попов, 2022]). Перед отправкой в степь дипломаты получали наказ или наказную память, в которых определялись полномочия посланников, круг вопросов, требовавших урегулирования, аргументация для склонения кочевников к «службе» и подданству царю, а также порядок ритуальных (церемониальных) действий во время аудиенций [Зуев, Попов, 2021; 2024]. В ходе переговоров могли достигаться какие-то договоренности, которые в источниках рассматриваемого времени номинировались лексемой «договор».

Слово «договор» в дискурсе XVII в. означало следующее: «договор», «договоренность, уговор», «документ, оформлявший договор», «наказ», «официальные переговоры (на уровне послов)», «переговоры», «обоюдное согласие», «международное соглашение», «акт, завершающий переговоры» [Сергеев, 1972, с. 124–127, 193; Словарь..., 1977, с. 281]. Ф. П. Сергеев, проанализировавший дипломатическую лексику XVI–XVII вв., пришел к выводу, что в XVII в. понятие «договор» зачастую применялось в процессуальном понимании, т. е. в значении переговорного процесса. При этом уже в середине XVI в. слово «договор» использовалось

в значении юридического акта, которым завершались переговоры. Это же значение окончательно утвердилось в XVIII в. [Сергеев, 1972, с. 127, 193].

Тематика «договоров» в российско-кочевнической коммуникации определялась реалиями отношений между сторонами, политическими целями, которые ставили перед собой российская власть и кочевники, попытками выстраивания перспектив взаимодействия России и номадов. В качестве предмета «договора» с российской стороны часто выступали политические вопросы: принесение контрагентом шерти (присяги) на условиях подданства и «службы», выдача ясака самим контрагентом или южносибирскими народами, на которые претендовали несколько сторон (монголы и русские), посылки контрагентом в сибирские города аманатов (заложников) [РМО, 1959, с. 243; 1974, с. 58; 1996, с. 181]¹. Например, отправленный в 1627 г. к киргизским князям тобольский сын боярский Д. Черкасов был уполномочен на решение следующих «государевых дел»: «для подлинново договору, чтоб им, всем кыргызским людем, быть под государевою высокою рукою не отступным в прямом холопстве и ясак с себя государю и закладчиков (заложников. – Д. П.) в Томской город по-прежнему давать безпереводно» [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 71]. Хотогойтский алтын-хан Омбо Эрдени в 1636 г. предлагал сыну боярскому С. Гречинину «о шерти и про киргиз договор учинить» [РМО, 1974, с. 41].

Кроме того, «договоры» урегулировали такие аспекты российско-кочевнических взаимоотношений, как возврат пленных, прекращение набегов на русские и ясачные территории, а также задавали основные параметры будущего диалога между сторонами. В 1614 г. тарскому воеводе была направлена грамота из Казанского приказа, содержащая предписание послать к калмыцким тайшам Тюргеню и Богатырю служилых татар Едигера «с товарищи», обозначив следующим образом цель их поездки: «для договору и, чтоб русской и юртовской полон, весь сыскав, прислали в Тарской город». Далее по тексту грамоты читаем: «а с колмацкими бы естя людьми сверх шерти уговорились и во всем укрепились накрепко, и чтоб они полон, которой у них пойман в наших в тарских в ясачных волостях, весь отдали, и соль возити давали, и аманаты у них, у колмацких людей, в город на Тару взяли для утверженья добрых людей, чтоб мочно верить». В заключительной части документа воеводе предписано оповестить Москву «на чем у вас с колмацкими людьми ныне договор будет» [РМО, 1959, с. 41].

В тех случаях, когда коммуникация между сторонами – русской и кочевой – находилась в стадии конфронтации, «договоры», которые заключали русские дипломаты, устанавливали мирные отношения. Обратим внимание на то, что лексема «мирный» не всегда употребляется при номинации таких «договоров». Однако по смыслу событий, предшествовавших заключению соглашения, становится понятно, что оно является «мирным договором», который завершал конфликт между сторонами. Особо актуально заключение подобных договоров было в русско-киргизских и русско-телеутских отношениях, которые в течение XVII – начала XVIII в. нередко переходили в открытые боевые действия.

В русско-киргизских отношениях подобные «договоры» могли заключаться как в результате военных походов служилых людей (см., например: [Памятники..., 1882, с. 13, 71]), так и в ходе дипломатических миссий, направленных из Сибири в улусы кочевников (см., например: [Там же, с. 183, 244]). Эскалация военно-политической обстановки в конце XVII в., выражавшаяся в набегах енисейских киргизов на русские и ясачные территории и ответных действиях русских служилых людей, активизировала дипломатические переговоры, в которых принимали участие русские, киргизы, а также джунгары, установившие контроль над Киргизской землицей. В этот период была актуализирована идея «мирного постановления / договора» и даже «вечного мира» [Там же, с. 140, 175, 176, 177, 178, 180, 182, 183, 183].

Следует заметить, что в русско-киргизских отношениях практиковалось составление киргизами «писем», в которых в общих чертах содержались условия предполагаемого или ре-

¹ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 32. Л. 5–6.

ально заключенного «договора». Правда, эти письма в основном содержали обязанности киргизской стороны. В 1630 г. томский атаман Д. Копылов заключил какой-то «договор» с киргизами. Договоренности, достигнутые русским дипломатом, были записаны в письме, которое киргизы передали с посланником в Томск. В нем, судя по отписке воеводы П. Пронского в Казанский приказ, киргизы выражали согласие быть «под государевой рукой» и давать ясак [Миллер, 2000, с. 435].

В 1678 г. по результатам поездки красноярского атамана Р. Кольцова для переговоров с киргизским князем Ереняком был заключен «договор». Сам киргизский правитель составил «договорное письмо», являвшееся подобием реального договора². В своем «доезде» (отчете) Р. Кольцов констатирует, что Ереняк с ним о «договоре договорился», обязавшись отдать угнанный в ходе военных действий скот. Обе стороны, согласно «договору», должны были вернуть перебежчиков, укрывавшихся в Красноярске и в улусах Ереняка. Кроме того, как писал Р. Кольцов в своем «доезде», была достигнута договоренность о строительстве острога на правых притоках Енисея – р. Кое или Ое³. «Договор» предполагал, что в случае получения информации от кого-либо о предстоящем «приходе» «воинских людей» под сибирские города киргизам, алтысарам, езерцам, моторцам и тубинцам следовало оповестить об этом воевод. Самим же киргизам запрещалось ходить «войной» под сибирские города. Предполагались также совместные военные походы с русскими служилыми людьми в случае необходимости. Практически все названные условия, за исключением информации о строительстве острога, содержались и в «договорном письме», составленном князем Ереняком [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 138–141].

«Договор», изложенный в «доезде» атамана Р. Кольцова, а также «договорное письмо» содержали санкции, которые должны следовать при нарушении условий. «А буде вы на своих правдах не устоите, – написано в письме киргизского князя, – и буди грех на воеводе и на Родионе (Кольцове. – Д. П.), а буде я, Ереняк, на своей правде не устою и буде тот грех на мне, Ереняке, и на всех улусных людех» [Там же, с. 141]. Аналогичную информацию можно прочитать и в «доезде» Р. Кольцова [Там же, с. 140]⁴.

В российско-кочевнических отношениях практиковались «договоры», предмет и содержание которых не были связаны с подданством и «службой» великому государю и прочими политическими аспектами. Решение вопросов, содержащихся в таких «договорах», должно было способствовать активизации дипломатических и торговых отношений между сторонами. Сразу несколько условий содержал «договор», заключенный русским дипломатом В. Калашниковым с калмыцким тайшей Иркилдеем в 1631 г., по которому калмыки обязались не приходить в ясачные волости и не чинить «утеснения ни в чем», не принимать в улусах государевых изменников, обмениваться посольствами, а также торговать по-прежнему [Миллер, 2000, с. 443]. Отписка тобольского воеводы В. И. Хилкова 1653 г. в Сибирский приказ содержит пересказ указа, полученного воеводой, о посылке к Гундже – жене тайджи Чокуру – государевых послов «о договоре». Предметом договоренности должен был стать проезд русского посольства Ф. И. Байкова в Китай [РМО, 1974, с. 394].

«Договор» экономического характера должен был заключить сын боярский М. Ржицкий, посланный в 1667 г. к алтын-хану Лубсану Саин Эринчину. Наказная память предписывала ему проведать, «на какия товары серебро купят, и в какову цену пуд купят, и говорить про то ближним людям Лоджана-царя: мочно ли им в Китайском на великих государей серебра купить?». В случае если будет возможность закупать серебро в Китае, предписывалось «договор чинить»: «на сколько пуд серебра товару поставить, и на которая место, и на которой срок поставить» [РМО, 1996, с. 171].

В источниках упоминаются случаи, когда кочевники сами просили прислать к ним послов для достижения каких-то договоренностей без конкретизации условий. В 1649 г. в Покров-

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 702. Л. 11, 17, 31, 32 и т. д.

³ Там же. Л. 36.

⁴ Там же. Л. 36, 39.

ский городок к ротмистру С. Коловскому прибыли посланники из Монголии и просили прислать к Мерген-тайше служилых людей, «чтоб договоритца о *мирном договоре*» [РМО, 1974, с. 342, 359].

Заметим, что «договоры», которые обсуждались и заключались в российско-кочевнических отношениях, не оформлялись в письменном виде. При этом русские дипломаты, ездившие в ставки кочевников для приведения их к шерти (присяге), могли иметь при себе шертные (шертовальные) записи, содержавшие условия подданства великому государю. На этот факт уже обращали внимание исследователи [Зуев, Слугина, 2023, с. 66–69, 71–72]. В таком случае условия подданства, которые обсуждались в ходе переговоров и становились предметом «договора», были письменно зафиксированы.

Обратим внимание на то, что документ, содержащий условия подданства хотогойтских и халхаских тайшей, который имел при себе посланный к ним в 1689 г. жилец И. Р. Качанов, назывался «договорными статьями» [РКО, 1972, с. 411]. Это дало основание некоторым историкам определить его как полноценный договор о вступлении в подданство русскому царю (см., например: [Шастина, 1958, с. 155–156]). Действительно, в дипломатическом дискурсе «договорными статьями» называли договоры / договоренности, заключенные / достигнутые между сторонами-контрагентами. Например, Нерчинский договор 1689 г., заключенный Ф. А. Головиным, в источниках конца XVII – первой четверти XVIII в. иногда называется «договорными статьями» [Памятники, 1882, с. 122; РКО, 1978, с. 45, 363]. Более детальный анализ документа позволил, однако, исследователям прийти к убедительному выводу, что «статьи» халхаских и хотогойтских тайшей 1689 г. являются специфическим вариантом шертовальной записи [Зуев, 2022, с. 178–180; Зуев, Слугина, 2023, с. 69, 118, 173]. Использование формулировки «договорные статьи» применительно к документу, оформлявшему подданство монгольских тайшей, обусловлено «творчеством» полномочного посла Ф. А. Головина, при участии которого этот документ и был составлен. «Договорными» они названы лишь постольку, поскольку были достигнуты в ходе реальных дипломатических переговоров.

В течение XVII – начала XVIII в. «договоры» обсуждались и / или заключались русскими дипломатами в отношениях Российского государства с енисейскими киргизами [Миллер, 2000, с. 435; Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 166; РМО, 1996, с. 237]⁵, алтайскими телеутами [Уманский, 1980, с. 57, 132, 133]⁶, орчаками (тувинцами) [РМО, 1996, с. 181], хотогойтами [РМО, 1959, с. 243; РМО, 1996, с. 64, 65; Памятники, 1882, с. 173]⁷, халхасцами [Исторический выбор..., 2014, с. 163–164], представителями буддийского духовенства [РМО, 1974, с. 58]⁸. Практиковались «договоры» и в отношениях российской власти с Кучумовичами – потомками сибирского хана Кучума, кочевавшими вблизи сибирских территорий (см., например: [Миллер, 2000, с. 196]).

После достижения договоренностей кочевники обычно давали шерть: «договор учинился и великому государю по своей бусурманской вере шертовали» (посольство Д. Черкасова к киргизам, 1627 г.) [Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 84]; «на то на все договор... шертовал» (посольство В. Калашникова к калмыкам, 1631 г.) [Миллер, 2000, с. 443]⁹.

«Договоры», которые заключались с кочевыми народами, значительно отличались от тех, что практиковались в отношениях Российского государства с европейскими и некоторыми азиатскими правителями. Это выражалось в следующем. Во-первых, договоры с кочевниками фиксировались только русской стороной и только в отчетной посольской документации в составе статейных списков, «доездов» и расспросных речей – в тех случаях, когда было со-

⁵ РГАДА. Ф. 199. Оп. 2. № 478. Ч. 3. Д. 12. Л. 8.

⁶ Там же. Д. 32. Л. 5–6.

⁷ Там же. Ф. 126. Оп. 1. 1701 г. Д. 1. Л. 8. См. также: [Памятники..., 1882, с. 173].

⁸ РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. 1692 г. Д. 1. Л. 1.

⁹ См. также: [РМО, 1996, с. 181; Бутанаев, Абдыкалыков, 1995, с. 139–140, 166; Памятники..., 1882, с. 183, 184].

вершено русское посольство в ставки кочевников. «Договоры» никогда не оформлялись в виде самостоятельного юридического акта. Соответственно, не обсуждались проекты соглашений, которые затем отдавались на согласование с представителями российской власти. А ведь именно такой порядок применялся при заключении договоров с европейскими монархами [Белокуров, 1906, с. 67; Грабарь, 1958, с. 20–21]. «Договорные письма», которые присылали киргизы, были прежде всего письмами, составленными контрагентами, излагавшими результаты переговоров. Упомянутые ранее «договорные статьи» монгольских тайш лишь внешне схожи с договором, но по своему содержанию являются вариантом шертовальной записи.

Во-вторых, рассмотренные выше «договоры» не подлежали двухсторонней ратификации¹⁰. При этом в качестве подтверждения договоренностей со стороны кочевников выступала шерть-присяга (в тех случаях, когда она производилась). Российская сторона не совершала никаких ритуальных действий для подтверждения «договора». Исключением является лишь посольство дворянина Я. Е. Тухачевского, посланное в 1634 г. к алтын-хану Омбо Эрдени. Тогда русские дипломаты «по своему изволу, а не по государеву наказу... дали свою шерть» [РМО, 1959, с. 222–223]¹¹.

В российской дипломатической практике XVI–XVII вв. заключать договоры были уполномочены лица, наделенные рангом посла (реже – посланника) [Белокуров, 1906, с. 67; Юзефович, 1988, с. 29; Рогожин, 2019, с. 37]. «Договоры», которые «заключались» / достигались в ставках кочевников, упоминаются при описании деятельности русских дипломатов, отправленных к контрагентам без наделения каким-либо рангом. Исключениями служат дипломаты, ездившие к хотогойтским алтын-ханам и ламе: Я. Е. Тухачевский, С. Гречинин, Б. Карташев в источниках (статейных списках, отписках воевод, грамотах центральных органов власти, переводах писем от кочевников) упоминаются как «государевы послы» [РМО, 1959, с. 239, 240, 276; 1974, с. 32, 33, 51, 52, 56, 59, 60, 61, 76, 77, 78–81, 89, 93, 96, 98–100]. Такой «высокий» для Сибири ранг возвышает их среди всех русских дипломатов, ездивших к центральноазиатским кочевникам. Однако по своим социальным параметрам и дипломатическому статусу они все равно не были равными тем дипломатам, которых Посольский приказ направлял в некоторые европейские и азиатские государства [Котошихин, 1884, с. 45–46]. Жилец И. Р. Качанов, «заключивший» «договор» в 1689 г., ездил с поручениями в «должности» «посланного» и «нарочно посланного» [РКО, 1972, с. 217, 377], что в принципе сближало его с гонцом, а не с послом. Наличие или отсутствие дипломатического ранга у дипломата не являлось препятствием для ведения переговоров с кочевниками.

Отметим, что заключение «договоров» в источниках иногда фиксируется *post factum*, т. е. после совершившейся дипломатической миссии. Это наводит на мысль, что русские дипломаты, ездившие в центральноазиатские степи, были уполномочены проводить переговоры и, как следствие этих переговоров, заключать с кочевниками «договоры». Другими словами, правомочность заключать «договоры» могла заранее не оговариваться, но и не ограничиваться. Упоминания в документации «договоров», которые заключали дипломаты, не вызывало со стороны российских властей каких-либо возражений.

Российское государство, нацеленное на подчинение кочевников и установление подданных или хотя бы протекторатно-вассальных отношений, не видело необходимости прибегать к заключению реальных письменных договоров, практиковавшихся в отношениях с европейскими монархами. Кочевые правители-контрагенты и служители буддийской церк-

¹⁰ Процедура ратификации договора варьировалась в зависимости от вероисповедания контрагента. В отношениях с христианскими правителями практиковалось целование креста и / или Евангелия [Грабарь, 1958, с. 20; Юзефович, 1988, с. 172–180], а при утверждении договоров с мусульманами применялась шерть на Коране [Юзефович, 1988, с. 178].

¹¹ Обратим внимание, что действия русской стороны трактовались как «договор»: «по ево ж Яковлеву и Лукину (Я. Тухачевского и Л. Васильева. – Д. П.) *договору*, алтына-царя табуном Яков и Лука шерть свою давали» [РМО, 1959, с. 223]. Однако это была личная договоренность, достигнутая во время переговоров между русскими дипломатами и представителями кочевой элиты.

ви различных таксономических уровней никогда не являлись и не воспринимались равными великому государю.

Для урегулирования отношений между кочевой и российской сторонами достаточно было достигнуть устной договоренности, а затем подтвердить это присягой «по своей вере». Точно так же нет оснований и говорить об установлении равноправных отношений между отдельными кочевыми объединениями и российской властью. Даже если результат переговоров оформлялся в формате «договора» и даже если он имел выгодные условия не только для российской стороны, но и для кочевников, отношение Российского государства к последним не менялось. Место номадов во властной иерархии правителей, их статус, а также дипломатические практики, которые в символической форме отражали характер отношений сторон, оставались прежними.

Основными уполномоченными лицами, которые заключали «договоры» в российско-кочевнических отношениях, были служилые люди, посланные в ставки кочевников в качестве дипломатов. Они были правомочны проводить реальные переговоры и, в тех случаях, когда это требовала ситуация, заключать «договоры». Реалии отношений российского монарха с кочевыми правителями не требовали наличия у дипломатов специальных рангов, определявших их статус и полномочия. Это было обусловлено тематикой «договоров», направленных на установление подданнических отношений, а также статусом самих контрагентов.

Список литературы

- Абдыкалыков А.** Енисейские киргизы в XVII веке (исторический очерк). Фрунзе: Илим, 1968. 140 с.
- Акишин М. О.** Правовые формы становления отношений России с народами Центральной Азии и Китаем в XVII веке // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 2 (19). С. 13–20.
- Арзыматов А. А.** Из истории политических отношений енисейских киргизов с Россией в XVII – первой половине XVIII века. [Фрунзе]: Кыргызстан, 1966. 92 с.
- Бахрушин С. В.** Енисейские киргизы в XVII в. // Бахрушин С. В. Научные труды. М., 1955. Т. 3, ч. 2. С. 176–224.
- Белокуров С. А.** О посольском приказе. М.: Имп. Об-во истории и древностей российских при Московском ун-те, 1906. 170 с.
- Боронин О. В.** Двоеданничество в Сибири XVII – 60-е гг. XIX в. Барнаул: Азбука, 2002. 217 с.
- Бутанаев В. Я.** История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. Абакан: ХаКГУ, 2007. 295 с.
- Вульпиус Р.** Рождение Российской империи: концепции и практики политического господства в XVIII веке. Москва: НЛЮ, 2023. 711 с.
- Грабарь В. Э.** Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Изд-во АН СССР, 1958. 491 с.
- Зуев А. С.** Шерти-присяги монгольских тайшей и табунгутских сайтов российским монархам в 1689 г. // Мир Центральной Азии – V: Сб. науч. ст. Новосибирск, 2022. С. 178–180.
- Зуев А. С., Игнаткин П. С., Слугина В. А.** Под сень двуглавого орла: инкорпорация народов Сибири в Российское государство в конце XVI – начале XVIII в. Новосибирск: НГУ, 2017. 444 с.
- Зуев А. С., Попов Д. К.** Попытки подчинения Русским государством центральноазиатских кочевников в XVII в.: аргументы русской дипломатии // Российская история. 2021. № 6. С. 79–89.
- Зуев А. С., Попов Д. К.** Чиновный статус русских дипломатов в посольских отношениях Русского государства с кочевниками севера Центральной Азии в XVII в. // *Oriental Studies*. 2022. Т. 15 (4). С. 649–662.

- Зуев А. С., Попов Д. К.** Церемониал приема русских посланников в ставках монголоязычных кочевников Центральной Азии в XVII в. // «Феномен верховной власти и процесс формирования имперского государства неисчерпаемы для исследования». Сб. памяти В. В. Трепавлова. М., 2024. С. 400–418.
- Зуев А. С., Слугина В. А.** Шерти-присяги народов Сибири и севера Центральной Азии российскому монарху в конце XVI – начале XVIII в.: исследование и материалы. Новосибирск: НГУ, 2023. 560 с.
- [**Котошихин Г. К.**] О России, в царствование Алексея Михайловича. СПб.: Археогр. комис., 1884. 256 с.
- Курапов А. А.** Буддийская обрядность в русско-калмыцких шертях-присягах и договорах XVII – начала XVIII века // Вестник Оренбург. гос. пед. ун-та. Электронный научный журнал. 2018. № 2 (26). С. 176–182.
- Рогожин Н. М.** У государевых дел быть указано... История Посольского приказа. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2019. 304 с.
- Сергеев Ф. П.** Русская терминология международного права XI–XVII вв. Кишинев: Карта Молдовеняске, 1972. 260 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1977. Вып. 4 (Г–Д). 403 с.
- Слугина В. А.** Практики установления присяжных обязательств народов Сибири в XVII в. // Уральский исторический вестник. 2022. № 1 (74). С. 92–100.
- Трепавлов В. В.** «Белый царь». Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2017. 317 с.
- Уманский А. П.** Телеуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск: Наука, 1980. 296 с.
- Ходарковский М.** Степные рубежи России: как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: НЛЮ, 2019. 349 с.
- Чертыков В. К.** Хакасия в XVII – начале XVIII века и ее взаимоотношения с Россией и государствами Центральной Азии. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007. 334 с.
- Чимитдоржиев Ш. Б.** Взаимоотношения Монголии и России. XVII–XVIII вв. М.: Наука, 1978. 216 с.
- Чимитдоржиева Л. Ш.** Русские посольства к монгольским Алтан-ханам XVII в. Улан-Удэ: БурНЦ СО РАН, 2006. 154 с.
- Шастина Н. П.** Русско-монгольские посольские отношения XVII века. М.: Изд-во вост. лит., 1958. 182 с.
- Юзефович Л. А.** «Как в посольских обычаях ведется...» Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Междунар. отношения, 1988. 216 с.

Список источников

- Бутанаев В. Я., Абдыкалыков А.** Материалы по истории Хакасии XVII – начала XVIII в. Абакан: ХакГУ, 1995. 250 с.
- Исторический выбор: Россия – Бурятия в XVII – первой трети XVIII века: документы и материалы. Иркутск: Отгиск, 2014. 784 с.
- Миллер Г. Ф.** История Сибири. 2-е изд. М.: Вост. лит., 2000. Т. 2. 796 с.; 2005. Т. 3. 598 с. Памятники Сибирской истории XVIII века. СПб., 1882. Кн. 1: 1700–1713. 551 с.
- Русско-китайские отношения в XVII веке: Материалы и документы. М.: Наука, 1972. Т. 2: 1686–1691. 835 с.
- Русско-китайские отношения в XVIII в. Материалы и документы. Т. 1: 1700–1725. М.: Наука, 1978. 703 с.
- Русско-монгольские отношения. 1607–1636. Сб. док. М.: Изд-во вост. лит., 1959. 353 с.
- Русско-монгольские отношения. 1636–1654. Сб. док. М.: Наука, 1974. 469 с.
- Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сб. док. М.: Вост. лит., 1996. 559 с.
- Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сб. док. М.: Вост. лит., 2000. 488 с.

References

- Abdykalykov A.** Eniseiskie kirgizy v XVII veke (istoricheskii ocherk) [Yenisei Kirghiz in the 17th Century (Historical Essay)]. Frunze, Ilim Publ., 1968, 140 p. (in Russ.)
- Akishin M. O.** Pravovye formy stanovleniya otnoshenii Rossii s narodami Tsentral'noi Azii i Ki-taem v XVII veke [Legal Forms of the Formation of Relations between Russia and the Peoples of Central Asia and China in the 17th Century]. *Vestnik Sankt-Peterburgskoi yuridicheskoi akademii* [Bulletin of the St. Petersburg Law Academy], 2013, vol. 2 (19), pp. 13–20. (in Russ.)
- Arzymbatov A. A.** Iz istorii politicheskikh otnoshenii eniseiskikh kirgizov s Rossiei v XVII – pervoi polovine XVIII veka [From the History of Political Relations between the Yenisei Kyrgyz and Russia in the 17th – 1st Half of the 18th Centuries]. [Frunze], Kyrgyzstan, 1966, 92 p. (in Russ.)
- Bakhrushin S. V.** Eniseiskie kirgizy v XVII v. [Yenisei Kirghiz in the 17th Century]. In: Bakhrushin S. V. Nauchnye trudy [Scientific Works]. Moscow, 1995, vol. 3, pt. 2, pp. 176–224. (in Russ.)
- Belokurov S. A.** O posol'skom prikaze [About the Ambassadorial Order]. Moscow, Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete, 1906, 170 p. (in Russ.)
- Boronin O. V.** Dvoedannichestvo v Sibiri XVII – 60-e gg. XIX v. [Double Tribute in Siberia in the 17th – 60s of the 19th Century]. Barnaul, Azbuka Publ., 2002, 217 p. (in Russ.)
- Butanaev V. Ya.** Istoriya vkhozhdeniya Khakasii (Khongoraya) v sostav Rossii [History of the Incorporation of Khakassia (Khongorai) into Russia]. Abakan, KhakSU Press, 2007, 295 p. (in Russ.)
- Chertykov V. K.** Khakasiya v XVII – nachale XVIII veka i ee vzaimootnosheniya s Rossiei i gosudarstvami Tsentral'noi Azii [Khakassia in the 17th – Early 18th Centuries and Its Relationship with Russia and the Central Asia's States]. Abakan, Khakasskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2007, 334 p. (in Russ.)
- Chimitdorzhiev Sh. B.** Vzaimootnosheniya Mongolii i Rossii. XVII–XVIII vv. [Relations between Mongolia and Russia. 17th – 18th Centuries]. Moscow, Nauka, 1978, 216 p. (in Russ.)
- Chimitdorzhieva L. Sh.** Russkie posol'stva k mongol'skim Altan-khanam XVII v. [Russian Embassies to the Mongolian Altan Khans of the 17th Century]. Ulan-Ude, BurNTs SO RAN, 2006, 154 p. (in Russ.)
- Grabar V. E.** Materialy k istorii literatury mezhdunarodnogo prava v Rossii (1647–1917) [Materials on the History of Literature of International Law in Russia (1647–1917)]. Moscow, Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, 491 p. (in Russ.)
- Khodarkovsky M.** Stepnye rubezhi Rossii: kak sozdavalas' kolonial'naya imperiya. 1500–1800 [Steppe Borders of Russia: How the Colonial Empire Was Created. 1500–1800]. Moscow, NLO Publ., 2019, 349 p. (in Russ.)
- [Kotshikhin G. K.]** O Rossii, v tsarstvovanie Alekseye Mikhailovicha [About Russia, during the Reign of Alexei Mikhailovich]. St. Petersburg, Arkheograficheskaya komissiya, 1884, 256 p. (in Russ.)
- Kurapov A. A.** Buddiiskaya obryadnost' v rusko-kalmytskikh shertyakh-prisyagakh i dogovorakh XVII – nachala XVIII veka [Buddhist Rituals in Russian-Kalmyk Shert-Oaths and Treaties of the 17th – Early 18th Century]. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University*, 2018, vol. 2 (26), pp. 176–182. (in Russ.)
- Rogozhin N. M.** U gosudarevykh del byt' ukazano... Istoriya Posol'skogo prikaza [The Sovereign's Affairs Should be Indicated... History of the Ambassadorial Prikaz]. Moscow, Berlin, Direkt-Media Publ., 2019, 304 p. (in Russ.)
- Sergeev F. P.** Russkaya terminologiya mezhdunarodnogo prava XI–XVII vv. [Russian Terminology of International Law of the 11th – 17th Centuries]. Kishinev, Kartya Moldovenyaski, 1972, 260 p. (in Russ.)

- Shastina N. P.** Russko-mongol'skie posol'skie otnosheniya XVII veka [Russian-Mongolian Ambassadorial Relations of the 17th Century]. Moscow, Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1958, 182 p. (in Russ.)
- Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [Dictionary of the Russian Language 11th – 17th Centuries]. Moscow, Nauka, 1977, vol. 4 (G–D), 403 p. (in Russ.)
- Slugina V. A.** Praktiki ustanovleniya prisyazhnykh obyazatel'stv narodov Sibiri v XVII v. [Practices of Obligating the Peoples of Siberia by the Oath of Allegiance in the 17th Century]. *Ural'skii istoricheskii vestnik [Ural Historical Journal]*, 2022, no. 1 (74), pp. 92–100. (in Russ.)
- Trepavlov V. V.** “Belyi tsar”. Obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. [“White Tsar”. The Image of the Monarch and Ideas about Citizenship among the Peoples of Russia in the 15th – 18th Centuries]. St. Petersburg, Oleg Abyshko Publ., 2017, 317 p. (in Russ.)
- Umansky A. P.** Teleuty i russkie v XVII–XVIII vv. [Teleuts and Russians in the 17th – 18th Centuries]. Novosibirsk, Nauka, 1980, 296 p. (in Russ.)
- Vulpius R.** Rozhdenie Rossiiskoi imperii: kontseptsii i praktiki politicheskogo gospodstva v XVIII veke [The Birth of the Russian Empire: Concepts and Practices of Political Domination in the 18th Century]. Moscow, NLO, 2023, 711 p. (in Russ.)
- Yuzefovich L. A.** “Kak v posol'skikh obychnykh vedetsya...” Russkii posol'skii obychai kontsa XV – nachala XVII v. [“As it was in ambassadorial customs...” Russian Ambassadorial Custom of the Late 15th – Early 17th Century]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya, 1988, 216 p. (in Russ.)
- Zuev A. S.** Sherti-prisyagi mongol'skikh taishei i tabungutskikh saitov rossiiskim monarkham v 1689 g. [Oaths of Allegiance (Shert) of Mongolian Taishi and Tabungut Sayids to the Russian Monarchs in 1689]. In: *Mir Tsentral'noi Azii – V [World of Central Asia – V]*. Novosibirsk, 2022, pp. 178–180. (in Russ.)
- Zuev A. S., Ignatkin P. S., Slugina V. A.** Pod sen' dvuglavogo orla: inkorporatsiya narodov Sibiri v Rossiiskoe gosudarstvo v kontse XVI – nachale XVIII v. [Under the Canopy of the Double-headed Eagle: the Incorporation of the Peoples of Siberia into the Russian State at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2017, 444 p. (in Russ.)
- Zuev A. S., Popov D. K.** Chinovnyi status russkikh diplomatov v posol'skikh otnosheniyakh Russkogo gosudarstva s kochevnikami severa Tsentral'noi Azii v XVII v. [17th Century Ambassadorial Relations between Russia and Central Asian Nomads: The Official Status of Russian Diplomats Analyzed]. *Oriental Studies*, 2022, vol. 15 (4), pp. 649–662. (in Russ.)
- Zuev A. S., Popov D. K.** Popytki podchineniya Russkim gosudarstvom tsentral'noaziatskikh kochevnikov v XVII v.: argumenty russkoi diplomatii [Attempts to Subjugate the Central Asian Nomads by the Russian State in the 17th Century: Arguments of Russian Diplomacy]. *Rossiiskaya istoriya [Russian History]*, 2021, vol. 6, pp. 79–89. (in Russ.)
- Zuev A. S., Popov D. K.** Tseremonial priema russkikh poslannikov v stavkakh mongoloyazychnykh kochevnikov Tsentral'noi Azii v XVII v. [The Ceremony of Receiving Russian Envoys at the Headquarters of the Mongol-speaking Nomads of Central Asia in the 17th Century]. In: “Fenomen verkhovnoi vlasti i protsess formirovaniya imperskogo gosudarstva neischerpaemy dlya issledovaniya”. Sbornik pamyati V. V. Trepavlova [“The Phenomenon of Supreme Power and the Process of Formation of the Imperial State are Inexhaustible for Research”. Collection in memory of V. V. Trepavlov]. Moscow, 2024, pp. 400–418. (in Russ.)
- Zuev A. S., Slugina V. A.** Sherti-prisyagi narodov Sibiri i severa Tsentral'noi Azii rossiiskomu monarkhu v kontse XVI – nachale XVIII v.: issledovanie i materialy [Shert-oaths of the Peoples of Siberia and the North of Central Asia to the Russian Monarch at the End of the 16th – Beginning of the 18th Century]. Novosibirsk, NSU Press, 2023, 560 p. (in Russ.)

List of Sources

- Butanaev V. Ya., Abdykalykov A.** Materialy po istorii Khakasii XVII – nachala XVIII v. [Materials on the History of Khakassia in the 17th – early 18th Century]. Abakan, KhakSU Press, 1995, 250 p. (in Russ.)
- Istoricheskii vybor: Rossiya – Buryatiya v XVII – pervoi treti XVIII veka: dokumenty i materialy [Historical Choice: Russia – Buryatia in the 17th – 1st Third of the 18th Century: Documents and Materials]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2014, 784 p. (in Russ.)
- Miller G. F.** Istoriya Sibiri [History of Siberia]. 2nd ed. Moscow, Vostochnaya literatura, 2000, vol. 2, 796 p.; 2005, vol. 3, 598 p. (in Russ.)
- Pamyatniki Sibirskoi istorii XVIII veka [Monuments of Siberian History of the 18th Century]. St. Petersburg, 1882, vol. 1: 1700–1713, 551 p. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVII v.: Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 17th Century: Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1972, vol. 2, 835 p. (in Russ.)
- Russko-kitaiskie otnosheniya v XVIII v. Materialy i dokumenty [Russo-Chinese Relations in the 18th Century. Materials and Documents]. Moscow, Nauka, 1978, vol. 1: 1700–1725, 703 p. (in Russ.)
- Russko-mongol'skie otnosheniya. 1607–1636. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian Relations. 1607–1636. Collection of Documents]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1959, 353 p. (in Russ.)
- Russko-mongol'skie otnosheniya. 1636–1654. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian Relations. 1636–1654. Collection of Documents]. Moscow, Nauka, 1974, 469 p. (in Russ.)
- Russko-mongol'skie otnosheniya. 1654–1685. Sbornik dokumentov [Russian-Mongolian Relations. 1654–1685. Collection of Documents]. Moscow, Vostochnaya literatura, 1996, 559 p. (in Russ.)
- Russko-mongol'skie otnosheniya. 1685–1691. Sbornik dokumentov. [Russian-Mongolian Relations. 1685–1691. Collection of Documents]. Moscow, Vostochnaya literatura, 2000, 488 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Дмитрий Константинович Попов
Scopus Author ID 57414324000

Information about the Author

Dmitriy K. Popov
Scopus Author ID 57414324000

*Статья поступила в редакцию 17.08.2025;
одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 13.10.2025
The article was submitted on 17.08.2025;
approved after reviewing on 15.09.2025; accepted for publication on 13.10.2025*

Научная статья

УДК 94(47).04+05+06

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-72-86

«Службы весьма снести не могут...»: призрение отставных военных в монастырях Белозерья в XVII–XVIII веках

Татьяна Викторовна Сазонова

Санкт-Петербургский институт истории Российской Академии наук
Санкт-Петербург, Россия

tvsaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>

Аннотация

Статья посвящена организации призрения неспособных к службе воинов в белозерских монастырях в середине XVII в. – первой половине XVIII в. В XVII в. формы призрения включали в себя безкладной постриг в монахи, размещение в монастыре на монастырских кормах, финансирование монастырем отставных вне монастыря. Петр I использовал сложившуюся практику, сделав призрение основной функцией монастырей. При Анне Иоанновне «пропитание» отставных было заменено на фиксированные выплаты деньгами и хлебом, что не отменяло возможности безкладного пострига. Документы белозерских монастырей позволяют показать, как нормативные акты реализовывались на практике.

Ключевые слова

Россия, Белозерье, монастыри, отставные военные, призрение

Для цитирования

Сазонова Т. В. «Службы весьма снести не могут...»: призрение отставных военных в монастырях Белозерья в XVII–XVIII веках // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 72–86. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-72-86

“They Are Quite Unable to Bear the Service...”: The Maintenance of Retired Military Personnel in the Monasteries of Belozerye in the 17th – 18th Centuries

Tatyana V. Sazonova

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russian Federation

tvsaz@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0521-8717>

Abstract

The article explores the organization of charitable support for soldiers who were unfit for service in the monasteries of Belozerye during the 17th – the 1st half of the 18th century. In the 17th century, forms of assistance included non-contributory tonsure into monastic life, accommodations within the monastery funded by the monastery itself, and financial support for retired personnel residing outside the monastic community. Peter I, in a course of both military and religious reforms, leveraged this established practice, designating the charitable support of veterans as a primary function of the monasteries. He issued several laws regulating the stay of retired warriors in monasteries. Under Empress

© Сазонова Т. В., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 72–86

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 72–86

Anna Ioannovna, the provision for retired personnel shifted to fixed cash and grain payments; however, this transition did not eliminate the possibility of non-contributory tonsure. Documents from the Belozerye monasteries shed light on how these regulatory changes were implemented in practice. The care for the retired lay a heavy burden on the monasteries, but they tried to cope with this task. Additionally, the documents considered reveal a unique type of retired soldiers – those who reside in a monastery yet can still manage their affairs, particularly by delivering food to other retired soldiers.

Keywords

Russia, Belozerye, monasteries, retired military personnel, social security service

For citation

Sazonova T. V. "They Are Quite Unable to Bear the Service...": The Maintenance of Retired Military Personnel in the Monasteries of Belozerye in the 17th – 18th Centuries. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 72–86. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-72-86

Изучение социального положения отставных военнослужащих и, в частности, организации их призрения в православных монастырях в XVII–XVIII вв. стало предметом научного интереса во второй половине XIX в. и возобновилось в XXI в. Рассматривались как юридические основания [Исторический очерк..., 1863; Россов, 1863; Лебедев, 1881; Каверзнев, 1909; Дуров, 2010], так и практическая реализация [Малицкий, 1904; Козлова, 2009; 2010; Кустова, 2012; 2014]. Настоящая статья призвана ввести в научный оборот материалы монастырей Белозерского края.

В середине XVII в. монастыри являлись важной частью социально-экономической жизни Российского государства. К этому времени относится ряд документов из архивов белозерских монастырей и вологодского архиерейского дома, связанных с организацией призрения в монастырях военных инвалидов – указные грамоты и документы монастырского делопроизводства, в частности книга «О выдаче хлеба присылаемым по высочайшему повелению для прокормления в монастыре отставных офицеров и нижних чинов в роде богаделенных».

Первоначально речь шла о постриге отставных воинов «безвкладно», т. е. без внесения в монастыри вклада деньгами или имуществом. Об этом свидетельствуют две грамоты царя Алексея Михайловича в Кирилло-Белозерский монастырь. В первой из них, от августа 1649 г., государь распорядился Оську Терентьева, астраханского стрельца приказа Никиты Юдина, освобожденного из крымского плена, «за ево к нам службу и за полонское терпенье постричь в Кирилове монастыре безо вклада и пищею и одеждою велели ево покоить, как и прочую братью»¹. Во второй, 1652 г., государь приказал постричь без вклада десятника Петрушку Остафьева из стрелецкого приказа Алексеева Полтева, который служил 36 лет и от «служеб и от можайского осадного терпенья он устарел и скорбен», и впредь ему «за старостью и за болезнью <...> службы служить немочно», и он «в болезни обещался <...> постричься в Кирилове манастыре»².

В 1650-е гг. складывается практика помещения отставных военнослужащих в монастыри без пострижения в монахи, но с обязательством довольствоваться их на монастырский счет. О ней как об устоявшемся явлении писал в 1666 г. Г. К. Котошихин: если «русские всяких чинов люди будут ранены тяжелыми ранами и служеб им служити будет им немочно, а прокормитися им будет нечем, – и таких людей отдают и велят поить и кормить и одевать в монастырях, где кто сам быть похочет, до веку живота их, безденежно» [Котошихин, 2000, с. 121]. К сожалению, неизвестны указы, которыми устанавливалась и регулировалась подобная практика.

В царствование Федора Алексеевича существовала норма, по которой довольствовались отставные. На нее ссылается его грамота в Успенский Тихвинский монастырь 20 марта 1680 г. Отправляя туда четырех отставных стрельцов приказа Федора Мещеринова «за их службы и за старость и за увечье», царь упоминает как нормативную практику ежегодную выдачу стрельцам, которые «в розные монастыри для прокормления посланы», денежного жалованья

¹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. № 107.

² РГАДА. Ф. 192. Оп. 2. № 44.

в размере 1 руб. 30 алтын «да хлебного запаса по четверику толокна, по полчетверику гороху, по четверику круп овсяных, по десяти гривенок соли на человека, да им же дают недельные хлебы братские по хлебу на человека, и кормят их по воскресным дням братскою пищею» [АИ, 1842, с. 86–87].

Документ 1681 г. свидетельствует о другом варианте организации призрения: Федор Алексеевич пожаловал девять отставных стрельцов «за их многие службы, и за кровь, и за раны, и за старость, и за увечье» довольствием из вологодских монастырей, при этом сами стрельцы находились в Москве. Архиепископ вологодский Симон обязывался предоставлять им деньги «на одежду» по 1 руб. 30 алтын на человека, хлеба по четверику толокна, по четверику крупы, по полчетверику гороха, по 10 гривенок соли, по три чети ржи и столько же овса. Эти деньги и хлеб следовало выдавать стрельцам в Москве ежегодно в один и тот же день. Отставные стрельцы могли жить в Москве, при этом давали в Стрелецкий приказ поручные записи, чтобы своих сыновей, «вскормя, приверстать в стрельцы»³.

Этот же документ указывает на возможность размещения отставных при монастырях: «По указу великого государя отставных стрельцов велено посылать в монастыри на пятьдесят дворов по человеку по новым переписным книгам». Если бы отставные выразили бы желание жить в каком-либо монастыре, их полагалось там «кормить и поить братцкою пищею и за житье деньги давать против брата»⁴.

Примером может служить отставной стрелец полка Степана Стрекалова Алешка Леонтьев с женой и детьми, который в 1689 г. был направлен в Кирилло-Новозерский монастырь на «убылое» место умершего Ивана Потапова, стрельца того же полка. От монастыря ему с семьей полагалось хлебное жалованье и запасы⁵. В 1698 г. произошла задержка с выдачей «и оттого, – жаловался Алешка в челобитной на государево имя, – он з женою и з детми помирает голодною смертью»⁶. В грамоте, написанной в ответ на эту челобитную, наряду с отставными стрельцами упоминаются также «салдаты»: «В нынешнем в 207-м году октября в 5 день по нашему великого государя указу и по докладной выписке за пометою думного нашего дьяка Гаврила Федоровича Деревнина велено отставным стрельцам и салдатом всем, которые посланы для прокормления, изо всех монастырей денежное и хлебное жалованье и запасы на нынешней 207-й год выдать, да и впредь по вся годы давать на указные сроки сполна без челобитья и безволокино. А ис которых монастырей им не дано, из тех монастырей доправить настряпчих и отдать им, отставным стрельцам. И для ведома о том во все монастыри послать грамоты и указы»⁷. Солдаты упоминаются в хлебной книге Кирилло-Новозерского монастыря 1699/1700 г.: «По приказу отца игумена Иоасафа з братьею выдано салдатам четверть солоду на квас на мельнице»⁸. Возможно, в этом документе речь идет об отставных, работавших на монастырской мельнице.

В этот период сохранялась и практика безвкладного пострига отставных. Так, в январе 1690 г. по своему челобитью в Кирилло-Белозерский монастырь был направлен ранее служивший «в московских стрельцах лет сорок и болши», который был «за старость и за раны и за увечье... отставлен», после пострига известный как старец Сысой Слепой. Государи Петр I и Иван V потребовали от игумена приказать «ему быть в больнице, и пищу и одежду давати ему против ево братье»⁹.

Известна также практика безвкладно помещать в женские монастыри родственниц павших воинов. Так, «безмесная старица Ираида Руднева», родители которой были «побиты на нашего великого государя службах», била челом царю Федору Алексеевичу, чтобы

³ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 5643.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Д. 8008.

⁶ Там же. Д. 1068.

⁷ Там же.

⁸ ОПИ НГОМЗ. Кол. Кирилло-Новозерский монастырь. Инв. № 25986/10784. № 72. Л. 668 об.

⁹ НИА СПб ИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. № 563.

«за службы и за смерть родителей быть ей в Воскресенском девиче монастыре по ее обещанию». 28 января 1677 г. царь велел ее «в Воскресенской монастырь принять и быть безо вклада, а пищу и одежду и всякую удель давать ей монастырьскую против ее сестр с того числа, как она будет в монастыре»¹⁰.

В сентябре 1701 г. Петр I распорядился прекратить довольствовать отставных стрельцов под предлогом, что у них есть заработки: «Московским отставным стрельцам, которым наперед сего давано по окладом из монастырей денежное и хлебное жалованье <...>, того денежного и хлебного жалованья ныне и впредь никому не давать для того, что они в монастыре не живут и никакой работы в тех монастырях не работают, а живут з женами и з детьми домами своими и, взяв денежное и хлебное жалованье, всякие промыслы промышленяют»¹¹.

С одной стороны, эта мера могла быть вызвана негативным отношением Петра I к московским стрельцам, который по опыту событий 1682 и 1698 гг. видел в них закоренелых бунтовщиков. С другой стороны, это одна из первых мер, связанных с изменением места монастырей в России. Петр I решительно порвал со многими традициями, пытаясь строить государство на началах рационализма. Монастыри в роли «государевых богомольцев» не вписывались в модель регулярного государства. По мнению Петра, монахи «тунеядцы суть», а в особых богомольцах нет необходимости: «А что, говорят, молятся, то и все молятся. <...> Что же прибыли обществу от сего? Воистину, токмо старая пословица “ни Богу, ни людям”» [ПСЗРИ, 1830, т. 7, № 4450, с. 230].

В регулярном государстве монахам предстояло служить государству, как и прочим сословиям, отвечая за содержание больных, старых и увечных, главным образом отставных военнослужащих. Эта идея была реализована в ряде указов. В частности, в 1701 г. был создан Монастырский приказ, призванный контролировать доходы монастырей от их вотчин, в число функций которого входило призрение нищих, больных и престарелых в патриарших богадельнях [Там же, т. 4, № 1829, с. 133]. В 1710 г. к числу отправлявшихся в богадельни были отнесены также военнослужащие, негодные для службы [Там же, № 2249, с. 476]. Сенатский указ от 29 июля 1719 г. фиксировал уже сложившуюся практику направлять солдат, «за ранами и за старостью» негодных к армейской и гарнизонной службе, в монастыри «для прокормления», для чего им полагалось денежное и хлебное жалование [Там же, т. 5, № 3409, с. 726]. В именном указе от 3 мая 1720 г. говорилось о праве неспособных к службе отставных военных, по их желанию, устраиваться в монастыри и богадельни с возможностью постригаться в монахи [Там же, т. 6, № 3576, с. 188–189].

Указ от 25 октября 1720 г. устанавливал процедуру признания военных негодными к службе. Это касалось военнослужащих гарнизонных полков, куда направляли неспособных к регулярной службе. Те, «которые за совершенною старостью, ранами, неисцельными болезнями <даже> гарнизонной службы весьма снести не могут», после осмотра доктором или полковым лекарем получали отставку. Если отставной не имел источников содержания, он мог выбрать монастырь «для пострижения или пропитания» [Там же, № 3665, с. 249–250].

В 1722 г. было определено, что живущие при монастырях отставные рядовые должны были довольствоваться «против чернцов», унтер-офицеры получать полторы порции, а обер- и штаб-офицеры – порции «против регламента». Тем, кто жил в своих домах, порции не полагались, а «которые могут еще управлять дела монастырские, и им быть у дел» [Там же, № 3962, с. 650].

Идее превращения монастырей в богадельни сопутствовала другая – снижения числа монахов и превращения их из «тунеядцев» в «полезный» элемент регулярного государства. В «Прибавлении к духовному регламенту», опубликованному в мае 1722 г., в разделе «О монахах» оговаривалось, что «воин» может стать монахом при условии, что «уволен будет к сему от высочайшей власти», причем после трех лет «искушения» [Там же, № 4022, с. 708]. В указе от 28 января 1723 г. Петр I предписывал в монахи «никого не постригать, а сколько

¹⁰ НИА СПбИИ РАН. Ф. 260. Оп. 1. № 395

¹¹ ГАВО. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 690.

из обретающегося ныне числа оных монахов и монахинь будет убывать, о том в Синод рапортовать повсемесечно, и на те убылые места определять отставных солдат» [ПСЗРИ, 1830, т. 7, № 4151, с. 18].

Через год, 31 января 1724 г., Петр I подписал документ «О звании монашеском, об определении в монастыри отставных солдат и об учреждении семинарий и госпиталей», в котором регламентировал устройство жизни в монастырях. В первую очередь предполагалось расписать отставных солдат «по монастырям по доходам», во вторую – определить для службы им пропорциональное число монахов: «К трети – к двум <отставным> одного <монаха>, к другим двум третям – к трем или четырем одного <монаха>, смотря которые труднее болезни имеют». Монахи «за числом служения» переводились на монастырскую пашню, «дабы сами хлеб себе промышляли». Из их числа следовало замещать открывающиеся вакансии среди служащих монахов, при этом постриг прекращался. Только когда «пашенных не будет», разрешалось «на упалые места в служение определенных принимать и постригать» [Там же, № 4450, с. 226–233].

При выходе в отставку военнослужащие имели возможность выбирать епархию, конкретные монастырь или богадельню. По ряду причин монастырь выглядел предпочтительнее, нежели богадельня. Во-первых, отставные могли жить при монастыре со своими семьями. Во-вторых, появлялась возможность безвкладного пострижения в монахи [Козлова, 2009, с. 245, 251, 262, 265].

Известны три случая пострижения в Кирилло-Новоезерский монастырь отставных военных, причем два из них – еще до указа 1723 г. Первый – капитан Степан Никитич Золотилов. Он происходил из смолян – дворян, которые после утраты Смоленска в Смутное время получили поместья в Белозерском уезде [Смутное время..., 1912, вып. 9, с. 122]. В одной из хлебных книг Новоезерского монастыря упоминается вклад, сделанный представителями этого рода: в 1674 г. «Григорей да Федор да Леонтей Золотиловы привезли пол-осмины ржи»¹². Золотилов, по его словам, находился на военной службе с 1678 г. «в начальных людях в выборных пехотных полках и был на военных службах», в 1695 или 1696 г. был ранен на приступе под Азовом¹³. В 1714 г. он служил в Москве в гарнизонном полку подполковника Семена Игнатьева и посылался «с Москвы из Военной канцелярии в Севск и в другие города для сыску беглых третних солдат» [Доклады и приговоры..., 1888, с. 97–99]. В сентябре 1717 г. Золотилов обратился в Военную канцелярию в Санкт-Петербурге с прошением об отставке в уважение «за раны и за старость», так как «поместье за ним – Малые Чюли – пусто, и прокормиться нельзя». 2 октября 1717 г. его прошение поступило в канцелярию Сената. 21 ноября 1717 г. из канцелярии Сената последовал указ Петра I за приписью сенатора и тайного советника Тихона Никитича Стрешнева в Монастырский приказ. 9 декабря 1717 г. игумену Новоезерского монастыря «с братьею» была направлена память с текстом указа Петра I¹⁴. Среди прочего там говорилось, что Золотилов желает стать монахом: «А ныне у него обещание есть постричься в монастырь безвкладно». Когда именно Золотилов был пострижен, неизвестно, возможно, он выдержал предписанное «Прибавлением к духовному регламенту» трехлетнее «искушение». В 1723 г. он уже под монашеским именем Симон упоминается наряду с другими новоезерскими монахами в «Зборной книге», где записывались пожертвования на отлитие благовестного колокола (он пожертвовал 16 алтын 4 денги) [Сазонова, 2018, с. 314].

Второй случай пострижения отставного относится к 1720 г. Это солдат Белозерского полка Игнатий Артемьев, который 27 февраля 1716 г. по государеву указу и по смотру в полковой канцелярии «за слепотою» был отставлен от службы. 19 августа 1720 г. он направил прошение в Военную коллегия, чтобы его за службу и «ради ево слепоты» безвкладно постригли в Новоезерский монастырь. Из Военной коллегии направили память в Штатс-кон-

¹² ОПИ НГОМЗ. Кол. Кирилло-Новоезерский монастырь. Инв. № 25986/10784. № 47. Л. 449 об.

¹³ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 131.

¹⁴ Там же.

тор-коллегию, где состоялся оформленный государевым указом приговор о его пострижении в монашеский чин. Оговаривалось, что его должны были постричь безвкладно и дать ему жалованье, как и другим монахам¹⁵.

Третий случай пострижения относится к 1742 г., это отставной каптенармус Федор Никифоров, о котором см. ниже.

Возможно, в начале 20-х гг. XVIII в. военнотружущие полков, расквартированных в Санкт-Петербурге, также предполагали возможность пострижения в Кирилло-Новоезерском монастыре. На это могут указывать факты пожертвований «в колокол», зафиксированных в вышеупомянутой «Зборной книге». Наряду с нижними чинами, по крайней мере один из которых происходил из Белозерья, на колокол жертвовали и офицеры. В основном их пожертвования составляли один рубль [Сазонова, 2018, с. 296].

Начиная с 1728 г. в документации Новогозерского монастыря фиксируются отставные военные, получавшие довольствие. Записи об этом велись в тетрадях, заведенных на каждого человека, одним почерком. Затем эти тетради сшили в отдельную книгу без переплета, в начале XIX в. озаглавленную «О выдаче хлеба присылаемым по высочайшему повелению для прокормления в монастыре отставных офицеров и нижних чинов в роде богаделенных». Книга велась в течение 22 лет, до 1750 г.¹⁶ Она показывает, как на практике реализовывались царские указы (табл. 1).

Как видно из таблицы, Новогозерский монастырь выбрали для жительства (или были туда направлены) восемь отставных. Это либо обер-офицеры, либо нижние чины, служившие по разным ведомствам: по гвардии, по армии (в том числе в ландмилиции), по адмиралтейству. Причины, по которым они оказались в Новогозерском монастыре, неизвестны.

Согласно петровскому законодательству, отставные могли размещаться как в самих монастырях, так и в монастырских слободах. Их насущные нужды обеспечивали значительная хлебная дача и денежное жалование в размере «противу» гарнизонных войск. Рядовому полагалось хлебное жалование наравне с чернецом (пять четвертей хлеба в год), унтер-офицеру – полторы порции чернеца, а штаб- и обер-офицеры получали порции, предписанные регламентом [Россов, 1863, с. 378, 379].

Из восьми отставных трое прибыли в монастырь до 1731 г. и довольствовались в соответствии с петровскими установлениями. Первые два, отставные капрал Григорий Соколов и солдат Федор Беляев, «в монастырь прибыли при указе сентября 4 дня» 1728 г. 13 сентября и 20 октября в монастыре были получены письма о высылке Соколова. 16 ноября, вероятно по прибытии, оба получили по рублю денег. В январе 1729 г. Соколов получил осьмину ржаной муки, четверик ячневой крупы, полпуда соли и десять фунтов коровьего масла, а Беляев – то же самое, только масла вдвое меньше – пять фунтов. В марте 1729 г. выдача записана на двоих – каждому выдано по рублю денег и по одной чети ржи. В апреле им обоим выдано по рублю денег. После этой выдачи сведения о Беляеве из документации пропадают. Нет сведений ни о его смерти, ни об отъезде, ни о постриге (табл. 2).

Выдачи Григорию Соколову продолжались до 20 октября 1730 г., когда он получил последнюю четверть ржи. Он получал рожь, крупу, коровье масло, соль, деньги, а в мае 1629 г. – корову стоимостью 1,5 рубля. Иногда в зачет денег шли продукты с указанием стоимости: в январе 1629 г. он получил «масла коровья в зачет, десять фунтов»¹⁷, в феврале 1630 г. «в 2 день ему же, капралу, дано масла коровья 7 фунтов за 5 алтын»¹⁸ (табл. 3). 8 ноября 1730 г. по приказанию вологодского епископа Афанасия Г. Соколов был отправлен в Вологду для перевода в другой монастырь.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1606. Оп. 1. Д. 133.

¹⁶ ОПИ НГОМЗ. Кол. Кирилло-Новоезерский монастырь. Инв. № 25986/10784. № 15.

¹⁷ Там же. Л. 60.

¹⁸ Там же. Л. 62.

Таблица 1

Отставные военные в Кирилло-Новозерском монастыре по книге «О выдаче хлеба...»

Table 1

Retired military personnel in the Kirillo-Novozersky monastery according to the Register "On the Issuance of Grain..."

Имя	Звание или чин	Семейный статус	Время прибытия	Время убытия	Дальнейшая судьба	Листы
Григорий Соколов	капрал		ноябрь 1728 г.	ноябрь 1730 г.	выслан в Вологду «для перевода в другие монастыри»	60 – 62 об.
Федор Беляев	солдат		ноябрь 1728 г.	апрель 1729 г.		60 и об.
Яков Соколов	подпрапорщик		июнь 1729 г.	май 1734 г.	переведен в Кирилло-Белозерский монастырь	63 – 68 об.
Федор Никифоров	каптенармус	женат, жена умерла в сент. 1740 г.	сентябрь 1731 г.	май 1741 г.	постригся не позднее мая 1742 г. как монах Феодорит	69 – 78 об.
Илья Пахомов	подпрапорщик		апрель 1734 г.	июнь 1734 г.	умер	79
Алексей Федоров	капрал		апрель 1734 г.	май 1741 г.	неизвестно	80 – 88 об.
Иван Низовцов	конопатный подмастерье	овдовел	апрель 1734 г.	ноябрь 1747 г.	умер	89–106
Федор Трифанов сын Хвалимов	вахмистр конной гвардии лейб-регимента	женат	май 1736 г.	январь 1750 г.	уехал, май 1749 г.	107 – 125 об.
Михайло Васильев сын Лобов	прапорщик ландмилицкого Алексеевского полка	холост	февраль 1738 г.	сентябрь 1742 г.	неизвестно	127 – 133 об.

Сост. по: ОПИ НГОМЗ. Кол. Кирилло-Новозерский монастырь. Инв. № 25986/10784. № 15.

Таблица 2

Получение довольствия отставным капралом Григорием Соколовым в 1729 г.

Table 2

Receipt of allowances by retired corporal Grigory Sokolov in 1729

Довольствие	Месяц											
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII
Мука ржаная (в четвертях)	0,5						0,5					
Рожь (в четвертях)	1	2			0,5	0,5	0,5	0,25	1	1		0,5
Овес (в четвертях)									1			1
Крупа ячневая (в четвертях)	0,125											
Крупа (в четвертях)					0,125							
Масло коровье (в фунтах)	10											
Соль (в пудах)					0,5					0,25		
Корова					за 1,5 рубля							
Деньги (в рублях)		1	1	1				0,1				
Кто расписался в получении	монах Корнилий											

Сост. по: ОПИ НГОМЗ. Кол. Кирилло-Новозерский монастырь. Инв. № 25986/10784. № 15.

Таблица 3

Получение довольствия отставным капралом Григорием Соколовым в 1730 г.

Table 3

Receipt of allowances by retired corporal Grigory Sokolov in 1730

Довольствие	Месяц				
	II	IV	VI	IX	X
Рожь (в четвертях)		0,5	0,125	0,75	1
Овес (в четвертях)			0,25		
Масло коровье (в фунтах)	7 (за 5 алтын)				
Соль (в пудах)			1		
Деньги (в рублях)			1		

Сост. по: ОПИ НГОМЗ. Кол. Кирилло-Новоезерский монастырь. Инв. № 25986/10784. № 15.

Третий из отставных военных, живших в Кирилло-Новоезерском монастыре до 1731 г., – подпоручик Яков Соколов, возможно, родственник Григория Соколова. Он прибыл в монастырь 12 июня 1729 г. и по приезде получил «хлебы брацкие», крупу, деньги, рожь, также корову, оцененную в два руб. 30 алтын¹⁹. В течение первого года монастырь ссужал Я. Соколова деньгами, возвращая долг путем удержания хлеба на сумму долга. В последующем помимо денег и хлеба Я. Соколов получал соль и масло. С 1732 г. он получал только денежное содержание, а указом от 28 мая 1734 г. был переведен в Кирилло-Белозерский монастырь.

Соколовы, которые прибыли в монастырь в конце 1720-х гг., получали выдачи ежемесячно, хотя не каждый месяц. Вероятно, они обосновались в селах, так как получили по корове в счет денег. В первые месяцы они получали не только зерно и деньги, но также братские хлебы, масло, соль, хмель и т. д. В октябре Я. Соколов получил полпуда соли, вероятно, для заготовки припасов.

Запись, сделанная в феврале 1730 г., свидетельствует о существовании указной нормы: «Выдано подпорутчику Якову Соколову генваря от 1 числа впредь на полгода ржи 3 четверти 6 четвериков, овса 3 четверти 6 четвериков. А другая половина ржи, 3 четверти 6 четвериков овса, зачтено за долговые денги ценою рожь по 80 копеек четверть, овса по 40 копеек четверть. Итого за 4,5 рубля». Значит, норма составляла семь четвертей четыре четверика ржи и столько же овса в год.

Из этой же записи видно, что монастырь ранее ссудил отставным деньги, которые таким образом были возвращены. Вместо овса мог выдаваться ячмень или солод, например три четверика ячменя за 0,5 четверика овса или одна четь солода за полторы овса, один четверик толокна за два четверика овса.

В мае и июне Я. Соколов получил по два фунта масла. 3 марта ему выдали денежное жалование на 1731 г. по расчету в доплату к ранее выданному хлебу на тот год в размере восьми рублей семи алтын пяти денег, т. е. Якову Соколову не доплатили за первую половину года. Вместо одного вида хлеба могли выдаваться другие или даже сухие ерши, в связи с чем у него возникали претензии к монастырю, о чем свидетельствует запись: «И болши того ему,

¹⁹ ОПИ НГОМЗ. Кол. Кирилло-Новоезерский монастырь. Инв. № 25986/10784. Л. 63.

Якову, до будущего генваря месяца 732 году ничего наперед не требовать, в чем он и подписался»²⁰.

В 1731 г. система довольствия отставных была изменена. Теперь его основу составляло денежное жалование, а офицерские порции были отменены. Выдачи производились три раза в год, их размер зависел от чина или звания, от 100 руб. полковнику до 3 руб. 60 коп. рядовым. Нижние чины получали сверх денежного жалованья провиант – три чети муки и полтора четверика круп в год, женатые – вдвое больше. Якову Соколову как подпоручику полагалось 16 руб. 66 $\frac{1}{3}$ коп. [Россов, 1863, с. 379, 380].

Книга «О выдаче хлеба...» наглядно показывает, как реализовывалась новая практика. Первую треть денег Якову Соколову выдали в два приема: в октябре 1731 г. – 2 руб., в декабре – еще 3 руб. 18 алтын две деньги²¹. В мае 1732 г. он получил в счет второй трети 2 руб. 27 алтын четыре деньги, кроме того, часть он получил натурой: 2,5 чети ржи и одна четь овса на 2 руб. 16 алтын 2 деньги, а также неуказанное количество хмеля на 10 алтын четыре деньги. В сентябре по схожей схеме подпоручик получил в счет последней трети: помимо 4 руб. 28 алтын четырех денег ему выдали пять четвериков ржи и осьмину овса на 23 алтына две деньги. Таким образом, за 1732 г. Соколов получил, в пересчете на деньги, 16 руб. 31 коп., т. е. на 35 $\frac{1}{3}$ коп. меньше, чем полагалось²².

В сентябре 1731 г. в Новоезерский монастырь прибыл отставной каптенармус Федор Никифоров с указом, согласно которому он должен получать 5 руб. с полтиной деньгами, а также шесть четвертей ржи и три четверика круп в год. В 1735–1740 гг. Никифоров получал жалованье только деньгами. В 1740 г. в «Книге...» вновь стало фиксироваться хлебное довольствие, первоначально в двойном размере, так как он был женат. С сентября 1740 г. он стал получать хлеба и крупы вполтину меньше, так как его жена умерла. Вероятно, после ее смерти он принял решение стать монахом. Записи о выплатах Никифорову прекратились в мае 1741 г., однако росписи его почерком за других отставных не прекратились, только теперь вместо «каптенармус Никифоров» он подписывался «монах Феодорит»²³. Это третий случай пострижения в монашество отставного военного в Новоезерском монастыре.

7 апреля 1734 г. с указом императрицы Анны Иоанновны из Вологодской архиерейской канцелярии в Новоезерский монастырь прибыл отставной подпрапорщик Илья Пахомов «с товарищи», отставным капралом Алексеем Федоровым и конопатным подмастерьем Иваном Низовцовым. Каждому из них полагалось жалованья в год 5 руб. 49 коп., которое платил Новоезерский монастырь, шесть четей муки и три четверика круп, которые они получали из Кирилло-Белозерского монастыря. По прибытии все трое получили по 15 алтын. Пахомов умер в июне того же 1734 г. Федоров перестал упоминаться в 1741 г., возможно, постригся в монахи. Низовцев своего хозяйства не вел, болел и 17 ноября 1747 г. «судьбами Божиими» умер²⁴.

Такая же, как и Пахомову «с товарищи», норма жалованья причиталась прибывшему 27 марта 1736 г. «при указе ее императорского величества из Вологодской духовной консистории» отставному гвардейскому вахмистру Федору Трифанову сыну Хвалимову с женой. Важно отметить, что этот оклад полагался унтер-офицерам «остальных полков», а отставному унтер-офицеру гвардии следовало получать 13 руб. 33 коп.²⁵ Первую часть причитавшегося он получил уже 30 марта 1736 г. в счет первой трети «по расчислению» от 27 марта по 1 мая: 17 алтын 4,5 деньги, осьмину ржаной муки и $\frac{1}{4}$ четверика крупы²⁶.

²⁰ ОПИ НГОМЗ. Кол. Кирилло-Новоезерский монастырь. Инв. № 25986/10784. № 15. Л. 66 – 66 об.

²¹ Там же. Л. 67.

²² Там же.

²³ Там же. Л. 100а.

²⁴ Там же. Л. 106.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

15 февраля 1738 г. из Вологодской духовной консистории прибыл с императорским приказом отставной прапорщик Михайло Васильев сын Лобов, служивший в Алексеевском ландмилицком пехотном полку. По указу «велено ему дать жалованья производить из оногo Новоезерского монастыря денег по 16 рублей по 66 копеек с третью в год»²⁷.

Отставные, прибывшие в монастырь после 1730 г., должны были получать деньги и хлеб трижды в год: в январе, мае и сентябре. На каждую треть унтер-офицеры получали по 61 алтыну деньгами, две чети пшеницы и один четверик крупы. В ряде случаев вместо крупы и ржи выдавали другие виды зерна. Так, в январе 1733 г. каптенармусу Никифорову «вместо круп 1 четверика дано овса 2 четверика»²⁸.

Случалось, что отставным не выплачивали жалованье своевременно, выдавая его затем одновременно с деньгами в счет следующей трети. Так, в декабре 1736 г. каптенармусу Никифорову выдали одновременно за майскую и сентябрьскую трети по 61 алтыну на треть, всего три рубля 22 алтына²⁹. 1 августа 1740 г. вахмистру Хвалимову выдали в счет майской и сентябрьской третей 1739 г. три рубля 22 алтына денег, четыре четверти ржи и два четверика круп³⁰. Иногда могли своевременно выдать денежную часть жалованья, задержав хлебную: в августе 1739 г. Низовцеву выдали только деньги, «а хлеб до зимного пути удержался»³¹.

У отставных, по всей видимости, не всегда были средства для покупки чего-либо необходимого, поэтому за приобретение у монастыря вещей у них вычитали сумму деньгами или хлебом, на которую они оценивались. Так, в сентябре 1732 г. каптенармусу Никифорову на последнюю треть выдано только 41 алтын, а «за шубник зачтено 20 алтын в уплату»³²; в январе 1733 г. на первую треть он получил 44 алтына две деньги, «да за шубу зачтено полтина»³³. Подпоручику Я. Соколову было выдано две четверти полтора четверика овса, а остальные «зачтено за долговые за 2,5 рубли»³⁴.

В случае временного отъезда деньги и хлеб выдавались вперед. 3 января 1749 г. вахмистр Хвалимов получил положенные в счет первой трети 61 алтын, две четверти ржи и один четверик круп, а 26 января – хлебное и денежное жалованье в счет второй трети «наперед» ввиду «отъезду его восвосяси»³⁵. В сентябре же «в 3 день в небытность его, вахмистра, выдано жене его Мавре на последнюю сего года сентябрьскую треть по указу в жалованье денег 61 алтын, ржи две четверти и круп четверик», причем деньги и хлеб Мавра взяла сама. А в январе 1650 г. Мавра получила только половину жалованья: «В небытность его, вахмистра Хвалимова, выдано жене его Мавре на первую сего года генварскую треть половинного жалованья денег тридцать алтын да хлеба ржи четверть, круп полчетверика», из чего следует, что муж ее не вернулся³⁶.

Книга выдачи жалованья упоминает еще две категории отставных – тех, кто забирал жалованье, и тех, кто расписывался в получении. Отставные редко забирали денежное жалованье сами, поручая это монахам, монастырским служителям, крестьянам, а также другим отставным, причем забирал деньги один человек, а расписывался другой. Иногда отставной забирал деньги сам, но если он был неграмотным, за него расписывался кто-либо грамотный. Такая практика известна с 1729 г., причем касается исключительно получения денег.

Из восьмерых отставных, получавших денежное жалованье, только каптенармус Никифоров расписывался за себя сам. За остальных расписывались другие лица, в том числе гвардии

²⁷ ОПИ НГОМЗ. Кол. Кирилло-Новоезерский монастырь. Инв. № 25986/10784. № 15. Л. 106.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же. Л. 73 – 73 об.

³⁰ Там же. Л. 112 об.

³¹ Там же. Л. 95 об.

³² Там же. Л. 70.

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 65.

³⁵ Там же. Л. 125 об.

³⁶ Там же.

капрал Григорий Викулов и солдат Иван Молчанов. Оба они многократно упоминаются в 1734–1743 гг. Каптенармус Никифоров также часто расписывался при выдаче денег другим отставным. После того, как он принял постриг под именем Феодорита, он продолжил расписываться за неграмотных, заменив мирскую фамилию на монашеское имя.

Среди тех, кто получал и отвозил жалованье, четверо отставных: лейтенант Марко Воробьев, подпрапорщик Федор Антипьев сын Балувев, солдат Василий Кувалдин и гвардии капрал Петр Иванов сын Чекмарев. Они упоминаются реже, чем те, кто расписывался, и в основном в связи с доставкой жалованья капралу Алексею Федорову и конопатному подмастерью Ивану Низовцеву. Молчанов также доставлял жалованье Лобову. Гвардии капрал Чекмарев упоминается только один раз – в январе 1740 г., Воробьев – в 1735–1737 гг., Балувев – в 1736–1740 гг., Молчанов – в 1736–1743 гг., Кувалдин – в 1738–1739 гг.

Вероятно, и двое расписывавшихся, и четверо отвозивших жалованье относились к той категории отставных, которые в указе 1722 г. описывались как те, что «могут еще править дела монастырские» и которым поэтому порции не полагались. Так как «Книга записи...» фиксировала выдачу только тем, кто находился на иждивении монастыря, эти шестеро как «находящиеся у дел» в ней не фиксировались и попали на ее страницы только в связи с выдачей жалованья другим.

В отличие от ситуации в вятских и пермских монастырях, исследованных Е. В. Кустовой [2014, с. 58–65], в Белозерье неизвестны жалобы на нарушения. Наоборот, в 1734 г. в отписке в духовную консисторию новозерские монахи подчеркивали стабильный характер выплаты жалованья отставным: «Указное дневное жалованье ис того Новозерского монастыря производится неотменно»³⁷.

Практика призрения неспособных к службе воинов в белозерских монастырях прослеживается в документах с середины XVII в. Последовательно возникли такие варианты, как безвкладной постриг в монахи, размещение в монастыре на монастырских кормах, финансирование монастырем отставных вне монастыря. Считается, что частью реформ Петра I стало призрение отставных, однако источники показывают, что он использовал уже сложившуюся практику. Но теперь функция призрения стала для монастырей основной. Петр I, как и его предшественники, предполагал, что отставные сделают выбор – «для пострижения или пропитания», причем те, «которые могут еще управлять дела монастырские, и им быть у дел».

В 1731 г. Анна Иоанновна заменила «пропитание» отставных на фиксированные выплаты деньгами и хлебом, не отменяя возможности безвкладного пострига. Монастырские документы показывают, как это было на деле. Кто-то прибывал в монастырь, измученный болезнями, и умирал, не прожив и месяца. Кто-то, наоборот, жил десятилетиями, обзаводясь коровой и хозяйством и, овдовев, принимал постриг. Отставные переводились из одного монастыря в другой. Иногда выдачи перелagались на другой монастырь, но так или иначе отставной получал положенное. Монастырские документы раскрывают и механизмы выдачи: если задерживали выплату, при следующей платили за две; если не было положенной хлебной культуры, ее пропорционально заменяли другой; если отставной отсутствовал, его довольствие могла получать жена; при отъезде из монастыря положенное получали заранее. Кроме того, была организована доставка хлеба немощным отставным.

Список литературы

- Дуров И. Г. Пенсионное обеспечение отставных военных и морских чинов в монастырях Русской православной церкви в первой четверти XVIII в. // Меншиковские чтения. СПб., 2010. Вып. 1 (8). С. 20–54.
- Исторический очерк призрения отставных военных чинов в России с XIV по XVII в. // Военный сборник. 1863. № 12. С. 315–390.

³⁷ ОПИ НГОМЗ. Ф. 13. № 110.

- Каверзнев А. Н.** Краткое историческое обозрение правительственных мероприятий в России по обеспечению отставных служащих и их семейств. СПб.: [б. и.], 1909. 254 с.
- Козлова Н. В.** Люди дряхлые, больные, убогие в поисках приюта и пропитания в Москве в XVIII в. // Особенности российского исторического процесса: Сб. ст. памяти акад. Л. В. Милова (к 80-летию со дня рождения). М., 2009. С. 243–267.
- Козлова Н. В.** Люди дряхлые, больные, убогие в Москве XVIII века. М.: РОССПЭН, 2010. 360 с.
- Кустова Е. В.** История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Вятка [Киров]: Буквица, 2012. Т. 1: История монастыря от основания до наших дней. 752 с.
- Кустова Е. В.** Служба и служение: отставные военные в вятских и пермских монастырях в XVIII веке // Военно-исторический журнал. 2014. № 2. С. 58–65.
- Лебедев А. С.** Отставные военные на монастырских порциях в монастырях. М.: [б. и.], 1881. 28 с.
- Малицкий Н. В.** Инвалиды на содержании монастырей Владимирской епархии // Владимирские епархиальные ведомости. 1904. № 11. С. 356–360.
- Россов.** Исторический очерк призрения в России отставных военных чинов в прошлом веке и в начале нынешнего столетия // Военный сборник. 1863. № 4. С. 240–256.
- Сазонова Т. В.** «Зборная книга» Кирилло-Новоезерского монастыря первой четверти XVIII в. // Новгородская земля, Санкт-Петербург и Швеция в XVII–XVIII вв.: Сб. ст. к 100-летию со дня рождения И. П. Шаскольского. СПб., 2018. С. 288–333.

Список источников

- АИ – Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1842. Т. 5. 567 с.
- Доклады и приговоры, состоявшиеся в Правительствующем Сенате в царствование Петра Великого, изданные Императорскою академиею наук. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1888. Т. 4, кн. 1. 600 с.
- Котошихин Г.** О России в царствование царя Алексея Михайловича // Московия и Европа. М., 2000. С. 9–146.
- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 4. 891 с.; Т. 5. 783 с.; Т. 6. 820 с.; Т. 7. 941 с.
- Смутное время Московского государства (1604–1613). Материалы, изд. Императорским обществом истории и древностей российских при Московском университете. М.: ИОИДР, 1912. Вып. 9: Четвертчики Смутного времени (1604–1617). 397 с.

References

- Durov I. G.** Pensionное obespechenie otstavnykh voennykh i morskikh chinov v monastyryakh Russkoi pravoslavnoi tserkvi v pervoi chetverti XVIII v. [Pension Provision for Retired Military and Naval Ranks in the Monasteries of the Russian Orthodox Church in the 1st Quarter of the 18th Century]. In: Menshikovskie chteniya [Menshikov Readings]. St. Petersburg, 2010, iss. 1 (8), pp. 20–54. (in Russ.)
- Istoricheskii ocherk prizreniya otstavnykh voennykh chinov v Rossii s XIV po XVII v. [Historical Essay on the Maintenance of Retired Military Ranks in Russia from the 14th to the 17th Century]. *Voennyi sbornik* [Military Collection], 1863, no. 12, pp. 315–390. (in Russ.)
- Kaverznev A. N.** Kratkoe istoricheskoe obozrenie pravitel'stvennykh meropriyatii v Rossii po obespecheniyu otstavnykh sluzhashchikh i ikh semeystv [A Brief Historical Review of Government Measures in Russia for the Provision of Retired Servants and their Families]. St. Petersburg, 1909, 254 p. (in Russ.)

- Kozlova N. V.** Lyudi dryakhlye, bol'nye, ubogie v poiskakh priyuta i propitaniya v Moskve v XVIII v. [The Decrepit, Sick, and Poor in Search of Shelter and Sustenance in Moscow in the 18th Century]. In: *Osobennosti rossiiskogo istoricheskogo protsessa: Sbornik statei pamyati akademika L. V. Milova (k 80-letiyu so dnya rozhdeniya)* [Features of the Russian Historical Process: Collection of Articles in Memory of Academician L. V. Milov (on the 80th Anniversary of his Birth)]. Moscow, 2009, pp. 243–267. (in Russ.)
- Kozlova N. V.** Lyudi dryakhlye, bol'nye, ubogie v Moskve XVIII v. [The Decrepit, Sick, and Poor in Moscow of the 18th Century]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010, 360 p. (in Russ.)
- Kustova E. V.** Istoriya Vyatskogo Uspenskogo Trifonova monastyrya [The History of the Vyatka Dormition Trifonov Monastery]. Vyatka [Kirov], Bukvitsa Publ., 2012, vol. 1: Istoriya monastyrya ot osnovaniya do nashikh dnei [The History of Monastery from its Founding to the Present Day], 752 p. (in Russ.)
- Kustova E. V.** Sluzhba i sluzhenie: otstavnye voennye v vyatskikh i permskikh monastyryakh v XVIII veke [Service and Mission: Retired Military Personnel in the Vyatka and Perm Monasteries in the 18th Century]. *Voенно-istoricheskii zhurnal* [Military History Journal], 2014, no. 2, pp. 58–65. (in Russ.)
- Lebedev A. S.** Otstavnye voennye na monastyrskikh portsiyakh v monastyryakh [Retired Military Personnel on Monastic Portions in Monasteries]. Moscow, 1881, 28 p. (in Russ.)
- Malitsky N. V.** Invalidy na sodержanii monastyrei Vladimirskoi eparkhii [Invalids Maintained by Monasteries of the Vladimir Diocese]. *Vladimirskie eparkhial'nye vedomosti* [Vladimir Diocesan Reports], 1904, no. 11, pp. 356–360. (in Russ.)
- Rossov.** Istoricheskii ocherk prizreniya v Rossii otstavnykh voennykh chinov v proshlom veke i v nachale nyneshnego stoletiya [Historical Essay on the Maintenance of Retired Military Ranks in Russia in the Last Century and at the Beginning of this Century]. *Voенnyi sbornik* [Military Collection], 1863, no. 4, pp. 240–256. (in Russ.)
- Sazonova T. V.** “Zbornaya kniga” Kirillo-Novoezerskogo monastyrya pervoi chetverti XVIII v. [The Collection Book of the Kirillo-Novoezersky Monastery of the 1st Quarter of the 18th Century]. In: *Novgorodskaya zemlya, Sankt-Peterburg i Shvetsiya v XVII–XVIII vv.: Sbornik statei k 100-letiyu so dnya rozhdeniya I. P. Shaskol'skogo* [Novgorod Land, St. Petersburg and Sweden in the 17th – 18th Centuries: Collection of Articles on the 100th Anniversary of the birth of I. P. Shaskolsky]. St. Petersburg, 2018, pp. 288–333. (in Russ.)

List of Sources

- Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu [Historical Acts, Collected and Published by the Archeographic Commission]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi e. i. v. kantselyarii, 1842, vol. 5, 567 p. (in Russ.)
- Doklady i prigovory, sostoyavshiesya v Pravitel'stvuyushchem Senate v tsarstvovanie Petra Velikogo, izdannye Imperatorskoyu Akademieyu nauk [Reports and Sentences Held in the Governing Senate during the Reign of Peter the Great, Published by the Imperial Academy of Sciences]. St. Petersburg, Tipografiya Imperatorskoi akademii nauk, 1888, vol. 4, book 1, 600 p. (in Russ.)
- Kotoshikhin G.** O Rossii v tsarstvovanie tsarya Alekseya Mihailovicha [On Russia during the Reign of Tsar Alexei Mikhailovich]. In: *Moskoviya i Evropa* [Muscovy and Europe]. Moscow, 2000, pp. 9–146. (in Russ.)
- Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi e. i. v. kantselyarii, 1830, vol. 4, 891 p.; vol. 5, 783 p.; vol. 6, 820 p.; vol. 7, 941 p. (in Russ.)
- Smutnoe vremya Moskovskogo gosudarstva (1604–1613). Materialy, izdannye Imperatorskim obshchestvom istorii i drevnostei rossiiskikh pri Moskovskom universitete [The Time of Troubles of the Moscow State (1604–1613). Materials Published by The Imperial Society of Russian

History and Antiquities at Moscow University]. Moscow, IOIDR, 1912, iss. 9. Chetvertchiki Smutnogo vremeni (1604–1617) [The Chetvertchiki of the Time of Troubles (1604–1617), 397 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Викторовна Сазонова, кандидат исторических наук

Information about the Author

Tatyana V. Sazonova, Candidate of Sciences (History)

*Статья поступила в редакцию 02.08.2024;
одобрена после рецензирования 27.03.2025; принята к публикации 01.07.2025
The article was submitted on 02.08.2024;
approved after reviewing on 27.03.2025; accepted for publication on 01.07.2025*

Научная статья

УДК 94(47).05/06 + 339.1

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-87-99

Торговые связи Курска в первой половине XVIII века (по данным таможенных выписей)

Алексей Игоревич Раздорский

Российская национальная библиотека

Санкт-Петербург, Россия

Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

razdor@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2506-7714>

Аннотация

На основе данных, содержащихся в 136 выписях, выданных курской пограничной таможенной и присланных в нее из таможен других городов, проанализирована география торговых связей Курска – одного из крупнейших экономических центров на юге Европейской России в первой половине XVIII в. Рассмотрены географический состав торговцев, которым были выданы выписи, маршруты их поездок, ассортимент доставлявшихся товаров. Таможенные выписи свидетельствуют о существенном расширении к началу 1740-х гг. географии торговых связей Курска по сравнению с XVII в. и первыми двумя десятилетиями XVIII в., в частности о формировании восточного вектора в торговом движении, проходившем через этот город, в чем проявился поступательный процесс формирования единого всероссийского рынка.

Ключевые слова

история торговли, история таможенного дела, таможенные выписи, таможенные книги, история Курска

Для цитирования

Раздорский А. И. Торговые связи Курска в первой половине XVIII века (по данным таможенных выписей) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 87–99. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-87-99

Kursk's Trade Relations in the 1st Half of the 18th Century (According to Customs Records)

Alexey I. Razdorsky

National Library of Russia

St. Petersburg, Russian Federation

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russian Federation

razdor@nlr.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2506-7714>

Abstract

Customs books are the primary source for studying the history of domestic and foreign trade in Russia during the 17th and the 1st half of the 18th centuries. However, these documents have been preserved unevenly geographically and chronologically. The absence of customs books can be partially compensated by customs statements, which provide personal information about merchants along with details regarding their shipments, including points of departure and destination. The Russian State Archive of Ancient Acts houses 136 extracts from the Kursk Border Customs, which

© Раздорский А. И., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 87–99

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 87–99

were forwarded to it from customs offices in other cities. An analysis of these documents reveals the geography of trade relations involving Kursk, one of the foremost economic centers in southern European Russia during the early to mid-18th century. The results not only clarify Kursk's significance in the system of interregional trade relations but also underscore the potential of customs statements as a valuable source for studying trade history. This analysis examines the geographical distribution of merchants who received statements, their travel routes, and the range of goods transported. The customs records indicate a notable expansion of the geography of Kursk's trade relations by the early 1740s compared to the 17th century and the first two decades of the 18th century. Particularly noteworthy is the emergence of an eastern trade route passing through Kursk, highlighting the ongoing development of a unified All-Russian market.

Keywords

history of trade, history of customs, customs statements, customs books, history of Kursk

For citation

Razdorsky A. I. Kursk's Trade Relations in the 1st Half of the 18th Century (According to Customs Records). *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 87–99. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-87-99

Основным массовым источником для изучения истории внутренней и внешней торговли России XVII – первой половины XVIII в. служат приходо-расходные книги таможен, которые до таможенной реформы 1753–1757 гг. находились не только по периметру внешних государственных границ, но и покрывали густой сетью всю территорию страны, в том числе ее глубинные районы. До наших дней дошло свыше 4 тыс. таможенных книг более чем по 300 городским и сельским населенным пунктам (подробнее см.: [Раздорский, 2023]). Древнейшая таможенная книга датируется 1599 г. [Раздорский, 2011], а наиболее поздние подобные документы, содержащие сведения о купле-продаже лошадей, относятся ко второй половине 70-х гг. XVIII в. Ведение таможенных книг, включающих данные о сборе пошлин с остальных товаров, а также с денег, явленных на их покупку, прекратилось несколько ранее – в середине 50-х гг. XVIII в. Это произошло вследствие реформирования российской таможенной системы, в ходе чего повсеместно были упразднены внутренние таможи [Волков, 1962].

Таможенные книги содержат важную статистическую и фактическую информацию о географии торговых связей, ассортименте обращавшихся товаров, рыночных ценах, социальном и персональном составе торговцев и т. д. Однако эти источники сохранились в географическом и хронологическом плане весьма неравномерно. По многим городам таможенные книги либо отсутствуют, либо единичны, нередко встречаются ситуации, когда по тому или иному населенному пункту имеется сравнительно многочисленный корпус такого рода документов за XVII в., но нет (или почти нет) за XVIII в., и наоборот.

В тех случаях, когда таможенных книг в распоряжении исследователей не имеется или же их сохранилось совсем немного, отсутствие необходимой информации могут хотя бы отчасти компенсировать таможенные выписи. Правила использования этих документов в общероссийском масштабе впервые кодифицированы в Торговом уставе 1653 г., утвердившем в качестве основного вида таможенных сборов рублевую пошлину [ПСЗРИ, 1830, т. 1, № 107, с. 303]. При продаже товара она обычно уплачивалась в размере 5 % от его стоимости по таможенной оценке. При покупке товара с целью его последующей перепродажи торговец, как правило, сначала вносил рублевую пошлину в половинном размере – 2,5 %, а вторую половину уплачивал уже в пункте продажи. Первичная уплата рублевой пошлины подтверждалась выписью, выданной таможей в пункте покупки товара, которую торговец предъявлял в пункте продажи. В выписях приводился также состав транзитных товарных партий, прошедших таможенный досмотр. Более детально назначение таможенных выписей прописано в Новоторговом уставе 1667 г. [Там же, № 408, с. 682].

Если при покупке товара, предназначенного для последующей перепродажи в другом месте, торговец не платил рублевой пошлины, он получал в таможе на руки отпускную выпись, а рублевую пошлину в полном размере (5 % от стоимости товара) платил в пункте продажи товара после его реализации или, если товар вывозился за пределы действия россий-

ской таможенной системы (например, в Малороссию или на Слободскую Украину, где до таможенной реформы 1753–1757 гг. действовала автономная система таможенного обложения, отличная от общероссийской), в пограничной таможене (таковые имелись, в частности, в Брянске, Севске, Курске, Смоленске, Торопце). Если в пункте покупки товара торговец платил рублевую пошлину в половинном размере (2,5 % от стоимости), то ему выдавалась зачетная выпись, на основании которой в пункте продажи товара (или в пограничной таможене) он уплачивал вторую половину сбора, а также в полном размере (5 % от стоимости) оплачивал пошлину с разницы между закупочной и продажной ценой, т. е. с полученной прибыли. После реализации товара и уплаты с него в месте продажи второй половины рублевой пошлины торговец был обязан прислать в таможенную пункту, в котором этот товар был приобретен (или в пограничную таможенную, через которую он был провезен транзитом) платежную или оборотную выпись, удостоверяющую данный факт. С купленного товара, доставленного к месту реализации (оно не всегда совпадало с изначально заявленным, поскольку товар нередко мог быть полностью или частично сбыт по пути), но еще не распроданного и не обложенного пошлинами, в таможенную, находившуюся в пункте отправки, высылались заявочная выпись. В пункте покупки товара выпись удостоверялась подписью поручителя (обычно им выступал кто-либо из местных жителей или земляк торговца, являвшийся его попутчиком), который таким образом ручался, что платежная выпись будет прислана в установленный срок. Подлинность выписи подтверждалась печатью, выдавшей ее таможенни [Демидова, 1970], и подписями должностных лиц, ведавших таможенными сборами в данном населенном пункте, к числу которых относились бурмистры, ларечные целовальники, таможенные инспекторы и канцеляристы (в разных выписях состав подписантов варьируется).

В XVIII в. выписи выдавались таможенными обычно на гербовой бумаге, рекомендованной к использованию высочайшим указом от 23 января 1699 г. [ПСЗРИ, 1830, т. 3, № 1673, с. 597–598]; после издания указа от 7 мая 1706 г. составление выписей, ярлыков, крепостей и других такого рода документов на гербовой бумаге стало обязательным [Там же, т. 4, № 2105, с. 349–350]). Впрочем, иногда таможенные выписи выдавались и на обычной бумаге по причине отсутствия в таможене гербовой, о чем в этих документах делалась соответствующая отметка.

В таможенные выписи заносились сведения о торговце – фамилия, имя, иногда отчество, местожительство, сословный статус, а также приводились название зарегистрированного в таможене товара, его стоимость, количество или вес, пункты покупки и отправки товарной партии и вносилась отметка о взимании таможенных пошлин [Балковая, 2011, с. 128]. Например: «1705 мая в 20 день в Курску в таможенни выборному бурмистру Федору Полевого с товарищи курченин Петр Асмнин явил в отвос к Москве привозу и покупки из малороссийских городов восемь бочек селитры. И ту селитру явить ему на Москве в Большие таможенни. В том ему выпись дана за рукою и за таможенною месячною печатью. У сей выписи печать месяц май»¹; «1725-го марта в 19 день в Курску в таможенни бурмистру Лариону Голикову с товарищи туленин Кондратей Сушилиев явил на покупку денег сорок рублей, а на те явленные деньги купил он в малороссийских городех двести кос сенокосных ценою по дватцати рублей сто. И с вышеявленных денег по указу ея императрицына величества таможенные пошлины по пети денег с рубля платил. И с теми косами отпущен он в Коломну. У сей выписи курские таможенни печать месяца марта»².

Таким образом, в таможенных выписях можно обнаружить целый ряд весьма информативных сведений по истории торговли, купечества и таможенного дела. При этом полностью заменить таможенные книги, в которых все производившиеся в течение года таможенные операции отмечались с исчерпывающей полнотой, таможенные выписи, конечно же, не могут. Тем не менее эти документы позволяют хотя бы в самом усеченном виде получить представление о торговых контактах, существовавших между отдельными городами страны,

¹ РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 331. Л. 5.

² Там же. Д. 338. Л. 2.

об ассортименте и стоимости товаров, перемещавшихся между различными регионами России и ввозимых из-за границы. Рассматриваемые источники позволяют дополнить, уточнить и конкретизировать имеющиеся в исторической науке представления о географии торговых связей, об уровне развития различных региональных рынков и о процессе их постепенной интеграции в единый всероссийский рынок.

В более или менее значительных таможенных за год выдавалось и получалось, по всей видимости, по несколько сотен выписей, в крупнейших таможенных оборот этих документов достигал, вероятно, нескольких тысяч. Подавляющее большинство рассматриваемых источников не сохранилось. Вместе с тем корпус таможенных выписей, хотя и заведомо неполный, который дошел до наших дней, является довольно многочисленным и представительным в географическом плане. В фондах Российского государственного архива древних актов (РГАДА) выявлено около 1 тыс. дел, содержащих выписи почти по 400 таможенным и таможенным заставам (в одном деле могут находиться от одной до нескольких сотен выписей). К сожалению, таможенные выписи до сих пор весьма слабо используются исследователями. Работы, написанные с привлечением этих документов, носят единичный характер (см., например: [Юркин, 1995; Шемякин, 2000; Мизис, 2006; Ледров, 2015; Абеленцева, 2023]). Следует констатировать, что возможности данных источников историками, на наш взгляд, пока явно недооценены.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать географию торговых связей Курска в первой половине XVIII в. на основании сведений, содержащихся в таможенных выписях, выданных местной таможней и присланных в нее из таможен других городов. Результаты такого анализа не только позволяют уточнить место Курска в системе межрегиональных рыночных контактов, но и дают возможность наглядным образом продемонстрировать источниковый потенциал таможенных выписей для изучения истории торговли России указанного периода.

В первой половине XVIII в. Курск являлся одним из крупнейших экономических центров на юге Европейской России. Еще в XVII в. он приобрел функции важного торгово-распределительного узла в системе товарных потоков между севером, центром и югом европейской части страны (подробнее см.: [Раздорский, 2001, с. 140–149, 288]). Значение города как торгового центра заметно возросло после возникновения неподалеку от него Коренной ярмарки, вошедшей со временем в число крупнейших в России [Самсонов, 1949, с. 105]. В Курске, как уже было сказано, действовала пограничная таможня, осуществлявшая контроль за движением товаров между Великороссией, с одной стороны, и Малороссией и Слобожанщиной, с другой, который принял в первой половине XVIII в. значительный размах. По данным 1-й ревизии, в Курске числилось 2 554 души мужского пола, что ставило его в один ряд с такими крупными городами, как, например, Новгород и Вологда. По численности посадского населения Курск в это время занимал 15-е место в стране. Ко 2-й ревизии численность мужского населения Курска возросла до 3 282 душ, и по этому показателю он вошел в десятку крупнейших городов Российской империи [Кизеветтер, 1903, с. 89, 90, 103].

За XVII в. по Курску сохранился довольно представительный корпус таможенных книг, насчитывающий 18 единиц, с 1619 по 1677/78 г. За первую же половину XVIII в. по этому городу имеется только одна полная таможенная книга 1720 г., а также книга сбора пошлин с конской торговли 1726 г. и небольшой фрагмент таможенной книги 1752 г., насчитывающий 22 листа. Благодаря книге 1720 г. есть возможность подробно и обстоятельно осветить географию торговых связей Курска, однако сравнить сведения на этот счет в динамике применительно к XVIII в. затруднительно, поскольку курских таможенных книг за 20–40-е гг. XVIII в. не сохранилось, а фрагмент книги 1752 г. явно не полон. В этой ситуации особую ценность приобретают данные, содержащиеся в дошедших до наших дней курских таможенных выписях.

В РГАДА находится фонд курской пограничной таможи (№ 1409), в котором отложено 338 дел, относящихся к периоду с 1727 по 1758 г. Среди них имеется шесть дел, в составе которых имеются 136 выписей, выданных или принятых этой таможней, в том числе в деле № 331 – 18 выписей с 1703 по 1725 г., в деле № 332 – 19 (1741–1749 гг.), в деле № 333 – 40 (1741 г.), в деле № 335 – 9 (1741 г.), в деле № 336 – 18 (1740–1749 гг.), в деле № 338 – 32 (1725 г.). Эти документы до сих пор не изучались и в научный оборот не введены. Кроме того, в том же фонде есть дело № 337, содержащее 14 выписей, выданных в 1741 г. таможней Коренной ярмарки на купленные товары, отправленные затем в Белгород (в настоящей статье эти документы не рассматриваются), и дело № 334, в котором помещен реестр выписей Курской таможи, находящихся в деле № 333.

Из 136 курских таможенных выписей, хранящихся в РГАДА, 1 относится к 1703 г., 10 – к 1705 г., 1 – к 1707 г., 1 – к 1721 г., 33 – к 1725 г., 3 – к 1740 г., 63 – к 1741 г., 1 – к 1743 г., 2 – к 1748 г., 11 – к 1749 г.; 4 выписи не датированы, еще 6 недатированных выписей косвенным образом датируются периодом с октября 1740 по ноябрь 1741 г. Четко выраженное количественное преобладание выписей за 1741 г. объясняется тем, что в них содержится упоминание императора «Иоанна Третьего», более известного как Иоанн Антонович (Иван VI) («По указу его величества Иоанна Третьяго, императора и самодержца всероссийскаго, и прочая, и прочая, и прочая»). После дворцового переворота 25 ноября 1741 г. имя несчастного императора-младенца, как известно, было предано остракизму, все документы, в которых оно упоминалось, согласно «закону об осуждении имени» подлежали изъятию и затем либо уничтожались, либо опечатывались и передавались на особое хранение в казенные архивы. Именно поэтому таможенные выписи за конец 1740 г. и большую часть 1741 г. столь многочисленны не только среди курских документов такого рода, но и среди дошедшего до нас корпуса таможенных выписей вообще.

Рассмотрим сначала географический состав торговцев, которым были выданы выписи, сохранившиеся в фонде курской пограничной таможи (табл. 1).

Среди получателей выписей упомянуты представители 20 населенных пунктов России, а также жители Ахтырского полка и Выгорецкой общежительной общины. Больше всего выписей было выдано местным жителям – курянам. Кроме них, среди получателей этих документов чаще других упоминаются туляки, москвичи и белевцы. Жители этих городов регулярно встречаются в записях курских таможенных книг как XVII в., так и 1720 г., т. е. таможенные выписи подтверждают стабильный характер издавна установленных торговых контактов Курска с данными населенными пунктами. Новым явлением по сравнению с более ранним периодом стало появление среди клиентов курской таможи в начале 1740-х гг. жителей таких удаленных от юга России мест, как Великий Устюг (устюжане ни разу не упоминаются в курских таможенных книгах XVII в. и 1720 г.), прибалтийской Нарвы, а также торговцев с Беломорья (Выгоречье) и Урала (Суксунский завод).

Как видим, круг пунктов отправки товарных партий, проходивших через курскую таможню, отличается значительной широтой. Среди них присутствуют как города юга и центра Европейской России, в числе которых упоминаются давние торговые партнеры Курска (Белгород, Калуга, Москва, Орел, Тула), так и весьма удаленные от него города Поморья (Архангельск), Среднего и Нижнего Поволжья (Астрахань, Самара, Царицын), Южного Урала (Оренбург, Табынск) и даже Сибири (Верхотурье, Иркутск). Многочисленные таможенные выписи, в которых зафиксирован привоз товаров из Малороссии, подтверждают существование развитых торговых связей между великорусскими и малороссийскими городами, пролежавших через Курск (данный факт четко зафиксирован еще курской таможенной книгой 1720 г.; подробнее см.: [Раздорский, 2007, с. 48–66, 76–77]). Присутствие в 1740-е гг. среди пунктов отправки товаров, доставленных в Курск, городов, расположенных от него далеко на востоке, также следует отнести к новым явлениям экономической жизни (в курских таможенных документах более раннего времени таковых не встречается).

Таблица 1

Места жительства торговцев,
получивших таможенные выписи в курской пограничной таможене *

Table 1

The places of residence of merchants
who received customs clearance at the Kursk border customs

Место жительства торговца	Количество выписей	Годы выдачи выписей
Ахтырский полк	1	1725
Белгород	1	1741
Белев	15	1740, 1741, 1748, 1749
Болхов	2	1749, б/д
Боровск	1	1741
Вологда	1	1741
Выгорецкое общежительство	1	1741
Калуга	1	1721
Кашира	1	1743
Курск	40	1703, 1705, 1707, 1725, 1741, 1749
Лух	1	1741
Москва	25	1725, 1741, б/д
Мценск	3	1725, б/д
Нарва	1	1741
Обоянь	1	1741
Переславль-Залесский	1	1741
Рыльск	1	1741
Серпухов	1	1741
Суксунский завод	1	1741
Тула	30	1725, 1740, 1741
Устюг	2	1741
Ярославль	1	1741
Татары (без указания места жительства)	4	1741

* Сост. по: РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 331–333, 335, 336, 338.

Перейдем к рассмотрению маршрутов поездок торговцев, которые прослеживаются по пунктам отправки и назначения товарных партий, которые указаны в выданных таможенных выписях. Данные на этот счет обобщены в табл. 2 и 3.

Анализируя состав пунктов отправки товарных партий, точнее таможен, в которых на них были выданы выписи, следует иметь в виду, что в ряде случаев товары были не приобретены непосредственно в пунктах выдачи выписей, а привезены туда из других мест. Прежде всего это касается товаров, доставленных по выписям верхотурской таможни, осуществлявшей контроль за товарными потоками между Европейской Россией и Сибирью. Из девяти выписей, выданных торговцам в Верхотурье, имеющихся в фонде курской таможни (все они относятся к царствованию Ивана Антоновича), в семи есть указания на изначальное происхождение товаров: три партии были доставлены в Верхотурье по кяхтинским выписям, две – по якутским, одна – по енисейской, еще на одну партию были предъявлены выписи сразу двух таможен – кяхтинской и тобольской. Иначе говоря, в таких случаях торговцы получали

Таблица 2

Пункты отправки товарных партий, указанные в таможенных выписях, имеющих в фонде курской пограничной таможни *

Table 2

Departure points of commodity lots indicated in customs statements from the archive of the Kursk border customs house

Пункт отправки	Количество выписей	Годы выдачи выписей
Архангельск	1	1741
Астрахань	2	1741
Бежецк	1	1741
Белгород	1	1741
Белев	1	1741
Важгортская таможня	1	1741
Василегородская таможня	1	1741
Верхотурье	9	1741
Воскресенская таможня «что на Вятской дороге»	1	1741
Данилов	1	1741
Донские городки	1	1741
Иркутск	1	1741 (?)
Калуга	1	б/д
Кашира	1	1743
Козельск	1	б/д
Кунгур	4	1741
Курск	3	1707, 1741, 1749
Курский уезд (?) **	2	1749
Любим	1	1741
Макарьевская ярмарка	6	1741
Малопенежская таможня	1	1741
Малороссийские города ***	53	1705, 1721, 1725, 1740, 1741, 1748, 1749, б/д
Москва	3	1703, 1741
Нерехта	1	1741
Ораниенбург	1	1741
Орел	1	1741
Оренбург	4	1741
Переславль-Залесский	1	б/д
Ромны	2	1741
Самара	1	1741
Слободские полки	3	1740, 1741, 1748
Суздаль	1	1741
Табынск	2	1741
Тамбов	1	1741
Тула	14	1725, 1741
Хлынов	1	1741
Царицын	3	1741
Шуя	3	1741

* Сост. по: РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 331–333, 335, 336, 338.

** В таможенных выписях упоминается товар, «покупной в уезде». Вероятно, речь идет о Курском уезде.

*** В двух выписях в качестве места покупки товара указаны одновременно малороссийские города и слободские полки.

Таблица 3

Пункты назначения товарных партий, указанные в таможенных выписях, имеющих в фонде курской пограничной таможни *

Table 3

Destination points of commodity lots indicated in customs statements from the archive of the Kursk border customs house

Пункт назначения	Количество выписей	Годы выдачи выписей
Белгород	4	1741
Белев	1	1749
Брянск	1	1741
Верхотурье	5	1740, 1741
Вятка (?) **	1	1741 (?)
Зарайск	2	1725
Казань	1	1741
Коломна	5	1725
Коренная ярмарка	1	1741
Креп. св. Анны	1	1741
Курск	9	1703, 1741
Малороссийские города	1	б/д
Москва ***	38	1705, 1707, 1721, 1725, 1740, 1741, 1748, 1749, б/д
Ораниенбург (ярмарка)	1	1725
Оренбург	3	1749
Острогжск	1	1741
Российские города	6	1741
Севск	17	1741
Сибирские города	2	1741
Санкт-Петербург	1	1725
Тверь	1	1741
Тула	2	1725
Чусовские городки	1	1741
Ярославль	1	1725
Не указано	28	1725, 1741, 1743, б/д
Не поддается прочтению ****	2	б/д, 1741 (?)

* Составлено по: РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 331–333, 335, 336, 338.

** Чтение предположительное (в документе дефект текста).

*** В двух выписях в качестве пункта назначения указаны Москва и «другие российские города».

**** Документы имеют дефекты текста.

сначала выпись в пункте покупки товара (например, в кяхтинской таможне), сдавали ее по прибытии в таможню в Верхотурье, где получали новую выпись, с которой ехали уже дальше в «российские города». В одной выписи, выданной устюжскому купцу в иркутской таможне, отмечено, что он везет «камчатский товар» (собольи и лисьи меха). Примечательно, что в качестве пункта назначения в этой выписи фигурирует Севск, но, поскольку выпись осталась в курской таможне, надо думать, что свой товар торговец полностью или частично реализовал в Курске.

Среди пунктов назначения товарных партий, зафиксированных в сохранившихся таможенных выписях, поступивших в курскую таможенную, чаще других упоминается Москва (более ¼ всех документов), за ней следует Севск, Курск же занимает только третье место. Впрочем, в большинстве выписей, в которых пункт назначения товарных партий не указан, в качестве такового подразумевается, по всей видимости, именно Курск, поэтому его доля в этом отношении, надо полагать, сопоставима с Москвой. Как уже отмечалось, до пунктов назначения, указанных в выписях, товары в полном объеме доходили далеко не всегда, поскольку торговцы нередко распродавали их по дороге. Например, 8 августа 1748 г. из курской таможни до Москвы был отпущен белевский купец Матвей Щукин, который погнал в старую российскую столицу 75 коров («яловиц»), купленных в Малороссии и на Слобожанщине на 225 руб. (по 3 руб. за голову). По пути в Белеве он из этого количества продал 25 коров (уже по 3 руб. 50 коп.), о чем 18 сентября того же года в местной таможне была сделана соответствующая запись на обороте выписи, выданной Щукину в Курске. Затем эта выпись была возвращена в исходный пункт отправки товара³. Поскольку среди пунктов назначения товаров, проходивших через курскую таможенную, в выписях чаще всего указан не Курск, а другие населенные пункты, есть основания говорить о том, что большая часть товарных партий, следовавших через этот город, носила транзитный характер. В географическом плане большинство пунктов назначения расположены в меридиональном направлении к северу от Курска вплоть до Санкт-Петербурга, при этом от магистральной линии с юга на север прослеживается ответвление товарных потоков на восток в сторону Казани, Оренбурга, Верхотурья и «сибирских городов».

В отношении состава товарных партий, указанных в таможенных выписях, имеющих в фонде курской таможни, довольно четко просматриваются черты региональной торговой специализации. Из Малороссии и Слобожанщины в Москву в значительном количестве переезжал крупный и мелкий рогатый скот, туда же из тех мест везли воск, меха зайца и выдры, селитру, шерсть, отмечена отправка из малороссийских городов в Ярославль, являвшийся старинным центром кожевенного производства, сырых бараньих кож. Из Малороссии поступали также импортные товары, ввезенные туда из-за границы и отправленные затем через Курск в различные великороссийские города, в частности в Зарайск, Коломну, Оренбург. К ним относились хлопчатобумажные ткани (в том числе «андрианопольские» и «македонские»), «шлёнское» сукно (из шерсти овцы шлёнской породы, выведенной в Силезии), а также сенокосные косы (европейского, вероятнее всего, австрийского производства).

Особое значение к 40-м гг. XVIII в. приобрел ввоз из Малороссии через Курск табака, одним из направлений доставки которого являлась Сибирь. Две таможенные выписи, выданные 31 декабря 1740 г. тульскому купцу Денису Арефьеву сыну Сисину, удостоверяют провоз им через Курск двух партий «черкасского папушного табаку» весом 500 и 1 000 пудов (первая партия была погружена в 17 возов), отправленного в Верхотурье. С табака было взято пошлин по 20 коп. с пуда. Согласно записи на обороте первой выписи от 8 марта 1741 г., 160 пудов табака были проданы Сисиним по пути к месту назначения в Соликамске. После проверки в верхотурской таможне веса оставшегося товара, который оказался «сходен», табак был отправлен «в сибирские города»⁴.

Два других тульских купца – Петр Афанасьев сын Ливенцов и Аврам Васнев сын Ливенцов – зарегистрировали 20 января 1741 г. в курской таможне провоз из Малороссии соответственно 150 и 300 пудов (на 6 и 12 возах) «черкасского природного папушного табаку», купленного ими в Ромнах. Обе партии после уплаты пошлин (по 20 коп. с пуда) были отправлены в Верхотурье. По прибытии к месту назначения 17 ноября того же года с Петра Ливенцова была взята пошлина за въезд в Сибирь по 20 коп. с пуда и весче по 1 деньге с пуда. С объявленного по заручной росписи сверх выписи 30 пудов табаку он уплатил

³ РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 332. Л. 11.

⁴ Там же. Д. 336. Л. 2, 3.

по 40 коп. с пуда и по 1 деньге весчего. После этого купец был отпущен в сибирские города с указанием «показанной табак продавать <...> в русских жилищах, а не у иноземцов»⁵.

Маршрут Аврама Ливенцова был иной. Летом 1741 г. он привез табак на Макарьевскую ярмарку, но, ничего не продав, отправился дальше на восток – на Ирбитскую ярмарку. Но и там ему ничего не удалось реализовать, и в январе 1742 г. он был отпущен с табаком «тоболского, верхотурского и екатеринбургского ведомств в остроги и слободы и в сибирские города» с указанием «со оным табаком в ясашные волости не въезжать и с ясашными иноземцы не торговать»⁶.

В ряде выписей, имеющихся в фонде курской таможни, зафиксирован привоз различных товаров из Сибири через Верхотурье, к числу которых относятся меха (соболь, песец, горноста́й, бобр), хлопчатобумажная ткань «китайка», чай. Эти товары приобретались торговцами в Кяхте, Енисейске, Тобольске. В одной из выписей значатся такие экзотические для Европейской России товары, как «китовый ус» (12 пудов 20 фунтов) и «морской зуб» (моржовая кость) (9 пудов 4 фунта) «из якутской выписи», привезенные через Верхотурье в Курск Семеном Ждановым, являвшимся работником курского купца Григория Котельникова⁷. В остальных выписях, выданных верхотурской таможней, в качестве пункта назначения сибирских товаров указаны Москва и «другие российские города» (без детализации).

В Туле, являвшейся центром железодельного производства, для отправки в Курск торговцами скупались черный металл и различные изделия из него (топоры, сковороды и др.). С Макарьевской ярмарки в Курск привозились беличьи, волчьи, заячьи, кошачьи, лисьи и рысьи меха, встречается также прибывшая отсюда сибирская пушнина (камчатский, нерчинский и сургутский соболь, якутский горноста́й, камчатские лисицы). С Волги (по царцынским выписям) в Курск доставлялись рыба (белуга, осетр, севрюга, судак) и икра, рыбу (чебак и сулу) везли также из донских городков. Из Астрахани отмечен привоз восточных товаров (шемахинский шелк, платки, хлопчатобумажные ткани), из Оренбурга и Самары – корсачьих мехов. Из городов Центральной России, где издавна был развит текстильный промысел (Переславль-Залесский, Шуя, Нерехта), в Курск доставлялись ткани разных сортов отечественной выделки (холст, сукно, крашенина и др.). Примечательно, что хлеб в имеющихся в нашем распоряжении таможенных выписях, практически не встречается. Только в одной выписи, датированной 20 января 1741 г., зафиксирована партия из 54 четвертей ржи (по 42 коп. за четверть «по курской расценке»), отправленная из Орла⁸. Из самого Курска отмечена отправка в другие города таких товаров, как сало, говяжьей кожи и хмель.

Подводя итоги анализа таможенных выписей, сохранившихся в фонде курской таможни, следует отметить, что эти документы зафиксировали существенное по сравнению с рубежом 1710-х и 1720-х гг., не говоря уже о XVII в., расширение географии торговых связей Курска, прежде всего формирование значимого восточного вектора в торговом движении, проходившем через этот город (не последнюю роль в этом сыграла интеграция Малороссии и Слободской Украины в общероссийское экономическое пространство). Если в XVII в. торговые контакты Курска были в основном завязаны на города юга и центра Европейской России, а в первой четверти XVIII в. не распространялись на восток дальше Волги, то к 1740-м гг. через курскую таможню проходило уже немало товаров, доставленных сюда с Урала, из Сибири и даже с Дальнего Востока, а также направлявшихся в азиатскую часть государства, в том числе из Малороссии⁹. Этот факт наглядным образом свидетельствует о растянутом во времени, но тем не менее неуклонном поступательном движении процесса формирования

⁵ РГАДА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 336. Л. 4.

⁶ Там же. Л. 5.

⁷ Там же. Д. 333. Л. 7.

⁸ Там же. Д. 332. Л. 7.

⁹ Наличие торговых связей Курска с далекой восточной окраиной подтверждают, в частности, две сохранившиеся выписи кяхтинской пограничной таможни, относящиеся к 1741 г., в которых говорится об отправке из Кяхты «за Байкал море чрез Иркутск и Верхотурье до Курска» двух партий китайских тканей (одной на 4 112 руб. 50 коп., другой на 533 руб.), принадлежавших тульским купцам (РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 1014. Л. 34, 35).

единого всероссийского рынка, постепенно связывавшего между собой экономически все более широкий круг регионов огромной страны.

Список литературы

- Абеленцева О. А.** Оформление таможенных зачетных выписей в 1655–1667 гг.: по материалам архива Успенского Тихвинского монастыря // Вестник архивиста. 2023. № 4. С. 983–994.
- Балковая В. Г.** Таможенная служба в системе управления Российского государства в XVI–XVIII вв. Владивосток: РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2011. 277 с.
- Волков М. Я.** Таможенная реформа 1753–1757 гг. // Исторические записки. 1962. Т. 71. С. 134–158.
- Демидова Н. Ф.** Русские таможенные печати XVII–XVIII веков // Аграрная история Европейского Севера СССР. Вологда, 1970. С. 171–195.
- Кизеветтер А. А.** Посадская община в России XVIII ст. М.: Унив. тип., 1903. 810 с.
- Ледров С. М.** Торговые связи Арзамаса в первой половине XVIII в. (по материалам таможенных выписей) // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.: Сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. (Коломна, 24–26 сент. 2013 г.). Коломна, 2015. Т. 1: XVI–XVIII вв. С. 206–212.
- Мизис Ю. А.** Формирование рынка Центрального Черноземья во второй половине XVII – первой половине XVIII в. Тамбов: Юлис, 2006. 815 с.
- Раздорский А. И.** Торговля Курска в XVII веке (по материалам таможенных и оброчных книг города). СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 762 с.
- Раздорский А. И.** Книга таможенного и питейного сбора Курска и Курского уезда 1720 г.: Исследование. Текст. Комментарии. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. 623 с.
- Раздорский А. И.** «Того ж дни продал старорушанин два луба соли без розмеры»: Таможенная книга Морёвской слободы 1599 г. // Исторический архив. 2011. № 5. С. 155–171.
- Раздорский А. И.** Таможенные книги России XVI–XVIII вв.: количественный, хронологический и географический состав // Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XX веках: Сб. науч. тр. Новосибирск, 2023. С. 9–34.
- Самсонов В. И.** Курская Коренная ярмарка // Учен. зап. Курск. гос. пед. ин-та. 1949. № 2. С. 96–131.
- Шемякин А. И.** История таможенного дела в России и Ярославский край. Ярославль: Александр Рутман, 2000. 256 с.
- Юркин И. Н.** Продукция и торговые связи Дугненского завода Н. Н. Демидова в середине 20-х годов XVIII века (по материалам алексинских таможенных книг) // Российское предпринимательство: История, традиции, памятники: Тезисы II Всерос. науч. конф. «Тульский металл в истории российской промышленности и предпринимательства». М.; Тула, 1995. С. 75–90.

Список источников

- ПСЗРИ – Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб.: Тип. II Отд. Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. Т. 1. 1047 с.; Т. 3. 697 с.; Т. 4. 891 с.

References

- Abelentseva O. A.** Oformlenie tamozhennykh zachetnykh vypisei v 1655–1667 gg.: po materialam arkhiva Uspenskogo Tikhvinskogo monastyru [Customs Declarations Processing in 1655–

- 1667: Materials of the Tikhvin Assumption Monastery Archive]. *Vestnik arkhivista [Herald of an Archivist]*, 2023, no. 4, pp. 983–994. (in Russ.)
- Balkovaya V. G.** Tamozhennaya sluzhba v sisteme upravleniya Rossiiskogo gosudarstva v XVI–XVIII vv. [The Customs Service in the Administration System of the Russian State in the 16th – 18th Centuries]. Vladivostok, RIO Vladivostokskogo filiala Rossiiskoi tamozhennoi akademii, 2011, 277 p. (in Russ.)
- Demidova N. F.** Russkie tamozhennye pečati XVII–XVIII vekov [Russian Customs Seals of the 17th – 18th Centuries]. In: *Agrarnaya istoriya Evropeiskogo Severa SSSR [The Agrarian History of the European North of the USSR]*. Vologda, 1970, pp. 171–195. (in Russ.)
- Kizevetter A. A.** Posadskaya obshchina v Rossii XVIII st. [The Posad Community in Russia of the 18th Century]. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1903, 810 p. (in Russ.)
- Ledrov S. M.** Torgovye svyazi Arzamasa v pervoi polovine XVIII v. (po materialam tamozhennykh vypisei) [Trade Relations of Arzamas in the 1st Half of the 18th Century (Based on Customs Records)]. In: *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XIX vv.: Sbornik materialov Tret'ei mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Kolomna, 24–26 sentyabrya 2013 g.) [Trade, Merchants, and Customs Affairs in Russia in the 16th – 19th Centuries: Proceedings of the Third International Scientific Conference (Kolomna, September 24–26, 2013)]*. Kolomna, 2015, vol. 1: 16th – 18th Centuries, pp. 206–212. (in Russ.)
- Mizis Yu. A.** Formirovanie rynka Tsentral'nogo Chernozem'ya vo vtoroi polovine XVII – pervoi polovine XVIII v. [The Formation of the Central Chernozem Region Market in the 2nd Half of the 17th – 1st Half of the 18th Century]. Tambov, Yulis Publ., 2006, 815 p. (in Russ.)
- Razdorsky A. I.** Kniga tamozhennogo i piteinogo sbora Kurska i Kurskogo uezda 1720 g.: Issledovanie. Tekst. Kommentarii [The Book of the Customs and Alcoholic Beverage Tax of Kursk and Kursk Uyezd in 1720: Research. Text. Commentary]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2007, 623 p. (in Russ.)
- Razdorsky A. I.** Tamozhennye knigi Rossii XVI–XVIII vv.: kolichestvennyi, khronologicheskii i geograficheskii sostav [Customs Books of Russia of the 16th – 18th Centuries: Quantitative, Chronological, and Geographical Composition]. In: *Torgovlya, kupechestvo i tamozhennoe delo v Rossii v XVI–XX vekakh: Sbornik nauchnykh trudov [Trade, Merchants and Customs Affairs in Russia in the 16th – 20th Centuries: Collection of Scientific Articles]*. Novosibirsk, 2023, pp. 9–34. (in Russ.)
- Razdorsky A. I.** “Togo zh dni prodal starorushanin dva luba soli bez rozmary”: Tamozhennaya kniga Morevskoi slobody 1599 g. [“In those days, a starorushanin sold two boxes of salt without rosemary”: The Customs Book of Morevskaya sloboda in 1599]. *Istoricheskii arkhiv [Historical Archive]*, 2011, no. 5, pp. 155–171. (in Russ.)
- Razdorsky A. I.** Torgovlya Kurska v XVII veke (po materialam tamozhennykh i obrochnykh knig goroda) [The Trade of Kursk in the 17th Century (Based on the Materials of the Customs and Toll Books of the City)]. St. Petersburg, Dmitrii Bulanin Publ., 2001, 762 p. (in Russ.)
- Samsonov V. I.** Kurskaya Korennaya yarmarka [Kursk Korennaya Fair]. *Uchenye zapiski Kurskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta [Scientific Notes of the Kursk State Paedagogical Institute]*, 1949, no. 2, pp. 96–131. (in Russ.)
- Shemyakin A. I.** Istoriya tamozhennogo dela v Rossii i Yaroslavskii krai [The History of Customs in Russia and the Yaroslavl Region]. Yaroslavl, Aleksandr Rutman Publ., 2000, 254 p. (in Russ.)
- Volkov M. Ya.** Tamozhennaya reforma 1753–1757 gg. [The Customs Reform of 1753–1757]. *Istoricheskie zapiski [Historical Notes]*, 1962, vol. 71, pp. 134–158. (in Russ.)
- Yurkin I. N.** Produktsiya i torgovye svyazi Dugnenskogo zavoda N. N. Demidova v seredine 20-kh godov XVIII veka (po materialam aleksinskikh tamozhennykh knig) [Products and Trade Relations of the N. N. Demidov's Dugna Plant in the mid-20s of the 18th Century (Based on the Materials of the Aleksin Customs Books)]. In: *Rossiiskoe predprinimatel'stvo: Istoriya, traditsii, pamyatniki: Tezisy II Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii “Tul'skii metall v istorii ros-*

siiskoi promyshlennosti i predprinimatel'stva" [Russian Entrepreneurship: History, Traditions, Monuments: Abstracts of the 2nd All-Russian Scientific Conference "Tula Metal in the History of Russian Industry and Entrepreneurship"]. Moscow, Tula, 1995, pp. 75–90. (in Russ.)

List of Sources

Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie 1-e [The Complete Collection of Laws of the Russian Empire. 1st Collection]. St. Petersburg, Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi e. i. v. kantselyarii, 1830, vol. 1, 1047 p.; vol. 3, 697 p.; vol. 4, 891 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Алексей Игоревич Раздорский, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57212549615

Information about the Author

Alexey I. Razdorsky, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57212549615

*Статья поступила в редакцию 02.08.2025;
одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 01.11.2025
The article was submitted on 02.08.2025;
approved after reviewing on 01.10.2025; accepted for publication on 01.11.2025*

Научная статья

УДК 94(47).081(571)

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-100-109

К вопросу об организации самоуправления в Чите в 1860–1875 годах

Инна Николаевна Мамкина

Забайкальский научный центр
Института истории, археологии и этнографии
Дальневосточного отделения Российской академии наук
Чита, Россия

Забайкальский государственный университет
Чита, Россия

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Аннотация

Первые шаги по развитию самоуправления в Чите связаны с созданием в 1860 г. словесного суда, наделенного хозяйственными полномочиями. Суд осуществлял сбор налогов и податей, вел учет населения, анализировал торгово-промышленное состояние Читы, наблюдал за состоянием речного судоходства. Отмечено, что основной проблемой при создании органов самоуправления являлся недостаток жителей, соответствующих требованиям, предъявляемым к выборным должностям. Многократное избрание одних и тех же горожан превращало общественные обязанности в обременение. Вместе с тем отказ от выполнения общественных обязанностей не повлиял на деятельность словесного суда. Ежегодно объем хозяйственных полномочий возрастал, что позволяет судить о востребованности и успешной деятельности суда в рамках определенной компетенции.

Ключевые слова

Забайкальская область, Чита, городское самоуправление, общественные должности, выборы, словесный суд

Для цитирования

Мамкина И. Н. К вопросу об организации самоуправления в Чите в 1860–1875 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 100–109. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-100-109

On the Issue of Organizing Self-Government in Chita in 1860–1875

Inna N. Mamkina

Transbaikal Scientific Center of the Institute of History, Archaeology and Ethnology
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences
Chita, Russian Federation

Transbaikal State University
Chita, Russian Federation

Inna-mamkina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5583-3072>

Abstract

In the article explores the history of self-government in Chita from 1860 to 1875, specifically in the period preceding the establishment of the City Duma. The insufficient study of the history of urban self-government in the pre-revolutionary period hinders the effective application of historical insights for modern purposes. The purpose of this

© Мамкина И. Н., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 100–109

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 100–109

work is to determine the role and significance of the Chita Verbal Court within the urban governance framework. Grounded in the principles of objectivity and historicism, this research employs a variety of methods, including formal-legal and comparative approaches, to analyze regulatory legal acts. It draws from official documentation housed in the State Archives of the Transbaikal Region, with many documents presented in scholarly discourse for the first time. Although Chita became a regional center, it lacked key city-forming attributes and established municipal institutions. The findings indicate that the Chita Verbal Court, established in 1860, served as an administrative entity for the city. It was tasked with tax collection, assessing the commercial and industrial landscape of Chita, and overseeing river navigation. The article highlights that the merchant bourgeoisie exhibited minimal interest in city administration, often seeking to avoid participation in elections. The obligation of public duties became burdensome due to the repeated elections of the same individuals. Nonetheless, the activities of the Verbal Court were not significantly affected by this reluctance to engage in public responsibilities. Over time, its economic functions expanded, reflecting increasing demand and effectiveness within its scope. The public initiatives of the Verbal Court laid a crucial foundation for the future development of self-government in Chita.

Keywords

Transbaikal region, Chita, municipal self-government, public offices, verbal court

For citation

Mamkina I. N. On the Issue of Organizing Self-Government in Chita in 1860–1875. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 100–109. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-100-109

Необходимость совершенствования административной модели, способной эффективно справляться с проблемами управления отдаленными и слабозаселенными территориями, актуализирует интерес к историческому опыту организации власти на окраинах Российской империи. Вопросы организации и деятельности органов местного самоуправления в Сибири, возникших до и после принятия Городовых положений 1870 и 1892 гг., имеют важную научную ценность. Их изучение способствует выявлению уникальных механизмов адаптации имперских институтов власти к условиям удаленной окраины с низкой плотностью населения.

История городского и сельского самоуправления в России, в том числе и в Сибири, до 1917 г. характеризуется всплеском исследовательского интереса в постсоветский период. Современные публикации о российском самоуправлении свободны от идеологических установок советского периода, написаны на основе богатого фактического материала, направлены на переосмысление существовавших теоретических установок [Асанов, Инюткина, 2007; Кошман, 2008; Нардова, 2014].

Вопросам самоуправления в городах Восточной Сибири конца XVIII – первой половины XIX в. посвящены труды Л. М. Дамешека, М. М. Плотниковой, обосновавших региональный подход к организации городского самоуправления в Восточной Сибири [Дамешек, Плотникова, 2015; Плотникова, 2018а; 2018б]. Городское самоуправление второй половины XIX в. представлено обобщающими исследованиями сибирских историков [Толочко и др., 2003; Шиловский, 2006]. Особенности управления забайкальскими городами выявили ученые из Улан-Удэ и Читы [Свиридова, 2014а; 2014б; 2015; Паликова, 2011; 2012; Свиридова, Паликова, 2022; Насибулин, 2009].

Следует отметить, что, хотя история городского самоуправления в Сибири представлена широким кругом работ, они преимущественно сосредоточены на изучении управления в крупных городах Сибири. Деятельность же городских ратуш, магистратов, городских старост малолюдных городов изучена мало. Что касается сведений о словесных судах в качестве органов самоуправления, то в исторических исследованиях они встречаются крайне редко. В частности, кратко упоминается о словесных судах в статье И. А. Коновалова и А. П. Толочко [2019]. Однако в дальнейшем авторы к изучению словесных судов не возвращались.

Словесные суды чаще встречаются в контексте изучения истории становления судебной системы [Троцин, 1851, с. 221, 231, 289; Филиппов, 1871, с. 424–622]. В работе Н. В. Паршиной [2022] словесные суды представлены как разновидность сословных судов, защищающих интересы торгового сословия. Л. А. Карапетян [2016] обратил внимание на организационно-правовые начала судебной деятельности словесных судов на Кавказе. В монографии О. А. Авдеевой [2007] по истории судебной системы Восточной Сибири Иркутский словесный суд показан как орган специальной подсудности с компетенцией, включавшей разбира-

тельства по спорным делам крупных торгово-промышленных компаний. Однако большинство авторов ограничивается изучением отдельных аспектов деятельности словесных судов. Порядок формирования, его компетенция, роль и место в системе местного управления, взаимодействие с городским сообществом остались за рамками исследовательского интереса.

Вместе с тем изучение словесных судов в контексте истории городского самоуправления весьма актуально и своевременно. Определение их роли и места позволит расширить представления об особенностях управления в малых городах Сибири, определить эффективность общественных практик управления, выявить способы адаптации управленческих моделей к условиям отдаленного и малонаселенного города.

На фоне исследований самоуправления в сибирских городах история становления самоуправления в Чите заслуживает особого внимания. К моменту получения статуса областного центра в 1851 г. Чита не имела градообразующих признаков, ее с трудом можно было отнести к населенным пунктам с развитой инфраструктурой. Тем не менее в 1860 г. в Чите состоялись первые выборы на общественные должности городского старосты и судей словесного суда. Читинский словесный суд осуществлял деятельность в качестве органа городского самоуправления с 1860 до 1875 г. – года учреждения в Чите Городской думы.

В свете указанных обстоятельств применение микроисторического подхода к изучению истории становления городского самоуправления в контексте деятельности Читинского словесного суда в 1860–1875 гг. является вполне уместным. Это позволит не только восполнить определенные пробелы в истории Читы, но и уточнить и дополнить отдельные аспекты истории управления малыми городами в Восточной Сибири.

Источниковой базой данного исследования стала делопроизводственная документация Забайкальского областного правления и Читинского словесного суда из фондов Государственного архива Забайкальского края. При этом особо заметим, что часть источников, а именно документы Читинского словесного суда, вводятся в научный оборот впервые.

Вторая половина XIX в. ознаменовалась в Восточной Сибири административно-территориальными преобразованиями, в ходе которых в 1851 г. была образована Забайкальская область, в ее состав вошла территория к востоку от Байкала до Приамурья. Крупными городскими поселениями области считались Нерчинск и Верхнеудинск, и оба города могли претендовать на статус региональной столицы. Однако областным центром была определена Чита, занимавшая ключевое место в транспортной развязке, связывающей дальневосточные территории с Забайкальем, а через него по Сибирскому тракту с Центральной Россией. Это обстоятельство, резко актуализированное начавшимся в середине XIX в. включением дальневосточных территорий в состав России, и стало решающим аргументом в выборе областного центра.

В 1851 г. Чита представляла собой поселение из одной улицы, семи переулков и площади [Насибулин, 2009]. В городе проживало 623 чел., действовали четыре кузницы, несколько кирпичных сараев, лечебница, 20 казенных магазинов¹ и шесть торговых лавок. Социальный состав был представлен преимущественно казаками и крестьянами. Кроме них в Чите в небольшом количестве проживали также ссыльнокаторжные, поселенцы и священнослужители. Купцы же и мещане (т. е. собственно горожане с формально-юридической точки зрения того времени) были представлены всего четырьмя семьями [Мерцалов, 2012].

В Чите, в одночасье ставшей областным центром, предстояло сформировать органы городского управления. По «Учреждению для управления Сибирскими губерниями» 1822 г. М. М. Сперанского в зависимости от количества населения в городах учреждались градские

¹ Казенный магазин (казенный запасной магазин) – склады с запасом хлеба, соли, пороха, свинца, организованные местными органами государственной власти на случай голода или дороговизны. Действовали на основе особого «Положения о казенных хлебных запасных магазинах», составлявшего часть «Учреждения для управления Сибирскими губерниями» 1822 г.

думы, ратуши или словесные суды и городовые старосты. Однако из-за малочисленности населения Чита не имела реальных ресурсов для открытия любого из упомянутых выше органов власти. В связи с этим в первое десятилетие после создания Забайкальской области управление городом сосредоточилось в руках полицмейстера и военного губернатора области.

Учреждение областной администрации привлекло в Читу значительное количество чиновников и военных. К 1860 г. население увеличилось до 2 123 чел., что позволило считать Читу малолюдным городом и провести выборы на общественные должности. 1 января 1860 г. в Чите состоялись первые выборы судей словесного суда и лиц на ряд общественных должностей. В судьи выбрали двух человек, один из них занимал должность судьи, второй числился кандидатом и замещал судью в случае его отсутствия в городе или болезни. Одновременно горожане избрали городского старосту, депутатов по подсудным и следственным делам, членов квартирной комиссии, присяжных оценщиков, трапезника в церковь, базарного старосту, десятников в полицию, городского маклера².

В первых выборах получили право участвовать около двух десятков читинских купцов и мещан. Первым словесным судьей в 1860 г. они избрали купца 2-й гильдии Василия Филипповича Гомелло³. На выборах 1861 г. словесным судьей был избран Сергей Николаевич Красильников, кандидатом в судьи – Иван Николаевич Замошников. Также в этом году были избраны: городовым старостой – мещанин Николай Тимофеев, депутатом по подсудным и следственным судам – мещанин Николай Добрынин, членом квартирной комиссии – мещанин Роман Гордеев, оценщиками – купец Николай Кычиков и мещанин Семен Пирогов, трапезником в церковь – Ермил Меньшагин, десятниками в полицию – Шпиндель Ольсфанг и Земман Эдуартов⁴.

Обратим внимание, что после выборов и утверждения избранных на общественные должности губернатором в словесный суд начали поступать отказы от исполнения возложенных обязанностей. Причины указывались различные – состояние здоровья, бедность, безграмотность. Избранный на должность депутата квартирной комиссии мещанин Роман Гордеев в своем объяснении писал: «Я без бытия мной на выборах избран и утвержден в должность депутата по квартирной комиссии, о чем мне было объявлено с подпиской Нерчинской горной полицией... Но обязанности не могу относить по следующим причинам: ...я как безграмотный этого исполнять не могу... Одиноким, в семействе проживающий в отдаленном месте»⁵. Избранные десятники Шпиндель Ольсфанг и Земман Эдуартов отказались «по бедности»⁶. Ермил Меньшагин отказался от должности трапезника по состоянию здоровья. Из подписанного врачом Киселевым свидетельства известно, что Ермил Меньшагин был «одержим хроническим ревматизмом нижних конечностей с сильным поражением коленного сустава и атрофией мышц левой конечности». Врач отмечал: «Посему полагаю, что он не в состоянии в настоящее время отправиться в Читу»⁷.

Иногда выборные лица, согласившись на должность, уклонялись от выполнения своих обязанностей. Известный в Чите купец Василий Хлыновский в 1865 г. был избран торговым депутатом на три года, «но должности в течение года не относил и уклонялся, почему общество избрало вместо Хлыновского депутатом купца Ивана Грязнова»⁸.

Не менее любопытными являлись попытки продажи исполнения общественных должностей. Так, в 1864 г. читинский мещанин Абрам Китаевич и отставной солдат Мирон Баншы-

² ГАЗК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 96. Л. 7–8.

³ Там же. Д. 15. Л. 39.

⁴ Там же. Д. 96. Л. 7–8.

⁵ Там же. Л. 28.

⁶ Там же. Л. 61.

⁷ Там же. Л. 36.

⁸ Там же. Д. 7. Л. 12.

ков заключили договор о том, что Баншыков «взялся относить за Китаевича обязанность десятника при словесном суде с 1 января 1869 г. за цену сорок восемь рублей, из которых при заключении сего условия получил шестнадцать рублей»⁹. Условия и стоимость фиксировались в нотариально засвидетельствованном договоре.

С течением времени исполнение общественных обязанностей читинскими обывателями стало восприниматься как обременение. Отказ от их исполнения превратился в привычное явление. На выборы горожане шли неохотно, избирались по очереди. В одном из документов говорилось, что «читинское мещанское общество на увольнение мещанина Снегирева от должности старосты не согласилось». Отказ Снегиреву объясняли тем, что «...кроме его избрать другое общество затрудняется и считает Снегирева на прямой очереди»¹⁰. Однако в данной ситуации примечателен не отказ, а пояснение, сводившееся к тому, что уже «все отнесли общественные должности»¹¹. Пояснение иллюстрирует немногочисленность городских обывателей и их нежелание занимать общественную должность повторно. В течение года состав избранных лиц существенно менялся. Одной из мер удержания горожан на общественных должностях стало сокращение срока исполнения обязанностей до 6 месяцев.

Отметим, что подобная практика уклонения от выборов, исполнения обязанностей и продажи общественных должностей была характерна для сибирских городов. Подтверждения этому можно найти, в частности, в маклерских книгах для записи контрактов и условий сделок публичных нотариусов и маклеров Иркутска, Киренска, Селенгинска¹².

Вместе с тем анализ документов показал, что читинские горожане безотказно выполняли обязанности судьи словесного суда. За 15 лет его деятельности 13 купцов принимали на себя обязанности судьи, из них С. Н. Красильников и Н. Е. Егоров избирались повторно¹³. Регулярная деятельность, отсутствие отказов от возложенных обязанностей свидетельствуют о значимости словесного суда. Суд курировал организацию и проведение выборов на общественные должности, контролировал исполнение обязанностей, имел право применять наказание к горожанам, уклонившимся от выборов без уважительной причины. Таким образом, в совокупности выборных общественных должностей словесный суд занимал центральное место, выступая организующим началом читинского самоуправления.

К полномочиям словесного суда относилось взыскание податей и повинностей с городского населения и учет недоимок. Суд взимал сбор с торговых свидетельств и билетов на офицерскую квартирную повинность в размере 10 %, предоставлял в областное правление отчет о годовых доходах и расходах города, обобщал сведения, передаваемые причтом Читинского Михайло-Архангельского собора о числе родившихся, бракосочетавшихся и умерших купцов и мещан¹⁴. Так, из предоставленных судом сведений известно, что в 1868 г. в Чите родилось 17 мальчиков и 19 девочек, две пары вступили в брак, умерло девять мужчин и 10 женщин¹⁵.

По запросу Забайкальского областного правления Читинский словесный суд вел учет количества фабрик и промышленных заведений в Чите. По данным суда, в 1868 г. в Чите действовало 138 торговых и промышленных предприятий с годовым доходом 1 245 124 руб.¹⁶ Суд пояснял, что торговые дела в Чите «год от года слабеют». Причинами ослабления названы уменьшение численности горожан из-за «расширения золотоприискательства» и непопулярность Читинской торговой ярмарки. Основным торговым конкурентом Читы суд считал ярмарку в Верхнеудинске, отмечая, что «купцы проезжают в Верхнеудинскую ярмарку и там

⁹ ГАЗК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 40.

¹⁰ Там же. Л. 21.

¹¹ Там же. Д. 7. Л. 12.

¹² ГАИО. Ф. 472. Оп. 1. Д. 23. Л. 1 об.

¹³ ГАЗК. Ф. 94. Оп. 1. Д. 96. Л. 25–36.

¹⁴ Там же. Ф. 109. Оп. 1. Д. 64. Л. 11.

¹⁵ Там же. Д. 18. Л. 5.

¹⁶ Там же. Л. 1 – 5 об.

закупают нужное количество товара». Суд также обращал внимание, что открытая для торговли читинских купцов территория губернского ведомства ограничена «небольшой местностью», а для торговли в «ведомстве казачьих войск требуется взятие торговых свидетельств, на что не каждый решится». Не осталась без внимания словесного суда малая доходность земледелия. В отчете говорилось, что «жители в окружности города живущие, хотя и занимаются земледелием, но выгоды от оногo нельзя считать... вполне удовлетворительной»¹⁷. Следует заметить, что суд не ограничивался простым сбором статистической информации. Его отчеты содержали подробные пояснения, что подтверждает вовлеченность суда в хозяйственную деятельность города.

Вместе с тем не следует забывать, что словесный суд относился к судебным учреждениям и наряду с хозяйственной деятельностью отправлял правосудие. Из записей в явочную книгу известно, что в 1866 г. суд рассмотрел 8 жалоб, в 1867 – 6, в 1868 – 8, в 1869 – 4¹⁸. Читинские городские обыватели жаловались на нарушения при исполнении условий договоров, потравы сенокосных угодий или засеянных полей. Все жалобы обывателей получили удовлетворение. К сугубо юридическим функциям суда относилось также осуществление нотариальных полномочий. В суде хранились копии засвидетельствованных им контрактов о найме на работу и условий договоров о выполнении услуг, работ, обязательств. Словесный суд делал выписи о принятии или исключении из мещанского и купеческого сословия.

Обратим внимание на то, что документооборот по хозяйственным делам города кратно превосходил объемы судебного делопроизводства. В 1861 г. число проходивших через словесный суд хозяйственных документов составляло 520 единиц, в 1869 г. их количество возросло до 1 068¹⁹.

Анализ деятельности Читинского словесного суда выявил функциональный дисбаланс в пользу хозяйственно-распорядительных полномочий. С формальной точки зрения словесный суд являлся составной частью городской ратуши и относился к сугубо судебным органам власти. В Чите, не имевшей ратуши, словесный суд занимал центральное место в городском самоуправлении. Судопроизводство не являлось для него приоритетным видом деятельности.

О возрастающем значении словесного суда свидетельствует решение горожан о строительстве для него отдельного здания. В 1867 г. на общем собрании читинских обывателей был избран комитет «из благонадежных и распорядительных людей... для наблюдения и приготовления нужных материалов и прочего»²⁰. В состав комитета вошли купцы Григорий Николаевич Костин, Матвей Леонтьевич Либерман и Даниил Осипович Гречушкин²¹. Позднее Г. Н. Костин и М. Л. Либерман отказались от участия в постройке здания, пояснив свой отказ необходимостью частого отсутствия по торговым делам. Постройкой занимался купец Д. О. Гречушкин.

Земля под строительство была выделена из фонда для постройки общественных зданий по улице Петровской «рядом с местом купца Афанасьева»²². Планировалось построить деревянное одноэтажное здание длиной 12 и шириной 10 метров. На строительство город потратил 1 852 руб. 5 июля 1869 г. здание было построено и сдано в эксплуатацию.

Обретение собственного помещения, нарастание административно-хозяйственных полномочий выводило Читинский словесный суд в разряд самостоятельных органов городского управления. Вместе с тем дуализм его исполнительных и судебных полномочий, неопределенность статуса ставили в затруднительное положение горожан. В 1868 г. словесный судья

¹⁷ ГАЗК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 64. Л. 12 – 13 об.

¹⁸ Там же. Д. 6. Л. 28.

¹⁹ Там же. Д. 96. Л. 7–8.

²⁰ Там же. Д. 10. Л. 6.

²¹ Там же.

²² Там же. Л. 34.

Семен Васильевич Хлыновский обратился к губернатору с просьбой разъяснить: «К какому разряду отнести Читинский словесный суд – к месту, заменяющему думу или ратушу, или просто к словесному суду»? ²³.

Вопрос прямо указывал на неоднозначное положение Читинского словесного суда. В качестве судебной инстанции он представлял собой сословный судебный орган, отживавший свой век. В ходе судебной реформы 1864 г. в областях и губерниях Российской империи словесные суды упразднялись, на смену им приходила мировая юстиция. С позиции органа местного самоуправления компетенция словесного суда не была формально определена. Суд не мог претендовать на статус самостоятельного органа городского самоуправления, его деятельность ограничивалась хозяйственно-распорядительными функциями. Вопрос С. В. Хлыновского – это вопрос о правовой регламентации городского самоуправления в Чите. Ответа от властей Хлыновский не получил. Статус Читинского словесного суда так и остался неопределенным до 1875 г., когда в Чите была учреждена городская дума, перенявшая его хозяйственные полномочия. К концу 1870-х гг. Читинский словесный суд был окончательно упразднен.

Подводя итог, необходимо отметить, что словесный суд занимал важное место в городском управлении, воплощая первые шаги самоуправления в Чите. Несмотря на сложности формирования, судьи словесного суда ежегодно избирались и выполняли возложенные обязанности. Особенностью деятельности суда являлся приоритет административно-хозяйственных полномочий над судебными. Возраставший объем хозяйственного делопроизводства, строительство собственного здания подчеркивали растущее значение суда в жизни города. Вместе с тем его деятельность в сфере городского управления была реализована не в полном объеме. Ограниченный в средствах административного управления, лишенный четко определенного статуса Читинский словесный суд был лишен возможности в полной мере осуществлять функции, свойственные органам городского самоуправления. Не являясь полноценным органом городского управления, Читинский словесный суд сформировал первый опыт самоуправления, позднее реализованный в деятельности Читинской городской думы.

Список литературы

- Авдеева О. А.** Сибирь в государственно-правовой системе России в XVII – начале XX в. Иркутск: Отгиск, 2007. 342 с.
- Асанов Р. Ф., Иванютина Е. В.** Городское самоуправление в России во второй половине XIX века. Нефтекамск: БашГУ, 2007. 107 с.
- Дамешек Л. М., Плотникова М. М.** Модели городского самоуправления в Восточной Сибири в конце XVIII – первой четверти XIX в. // Вестник Том. гос. ун-та. 2015. № 394. С. 114–120.
- Карапетян Л. А.** Временные правила 1870 г. – основа деятельности горских словесных судов Кубанской и Терской областей пореформенной России // Вестник Краснодар. гос. ин-та культуры. 2016. № 2 (6). С. 1–5.
- Коновалов И. А., Толочко А. П.** Местное управление в городах Сибири по «Учреждению» 1822 г. // Вестник Том. гос. ун-та. История. 2019. № 60. С. 17–21.
- Кошман Л. В.** Город и городская жизнь в России XIX столетия: социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 446 с.
- Мерцалов В. И.** Город Чита: Возникновение и развитие (1851–1895 гг.) // Вестник ЧитГУ. 2012. № 5. С. 3–10.

²³ ГАЗК. Ф. 109. Оп. 1. Д. 15. Л. 21 об.

- Нардова В. А.** Городское самоуправление в России во второй половине XIX – начале XX века: власть и общество. СПб.: Лики России, 2014. 564 с.
- Насибуллин С. А.** К истории городского самоуправления в Чите в 1875–1921 гг. // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 97–101.
- Паликова Т. В.** Формирование и состав органов общественного управления в городах Забайкалья последней трети XIX – начала XX в. // Учен. зап. ЗабГГПУ. 2011. № 2. С. 80–84.
- Паликова Т. В.** Реализация городского законодательства в городах Забайкалья в последней трети XIX в. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2012. № 2 (3), ч. 1. С. 49–53.
- Паршина Н. В.** История становления словесных судов в России и их законодательное оформление в Кавказском линейном казачьем войске в первой половине XIX в. // Право и государство: теория и практика. 2022. № 9 (213). С. 39–41. DOI 10.47642/1815-1337-2022-9-39
- Плотникова М. М.** Городские думы Восточной Сибири в последней четверти XVIII – первой половине XIX в.: практика городского самоуправления и бюджетная политика городов: Дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2018а. 620 с.
- Плотникова М. М.** Развитие городского самоуправления в Восточной Сибири в первой половине XIX века // Гуманитарный вектор. 2018б. Т. 13, № 4. С. 84–95.
- Свиридова Н. Б.** Рассуждение гласных городских дум Забайкальской области о введении земства в Сибири // Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2014а. № 2. С. 76–80.
- Свиридова Н. Б.** Формирование органов городского самоуправления в Забайкальской области в последней трети XIX в. // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2014б. № 7. С. 144–147.
- Свиридова Н. Б.** Городское общественное управление в Забайкальской области (историографический обзор) // Вестник Бурят. гос. ун-та. 2015. № 7. С. 246–252. DOI 10.18097/1994-0866-2015-0-7-246-252
- Свиридова Н. Б., Паликова Т. В.** Городское общественное управление в Забайкальской области в последней трети XIX – начале XX в. Улан-Удэ: БГУ, 2022. 186 с.
- Толочко А. П., Коновалов И. А., Меренкова Е. Ю., Чудаков О. В.** Городское самоуправление в Западной Сибири в дореволюционный период: становление и развитие. Омск: ОмГУ, 2003. 196 с.
- Троцин К. Е.** История судебных учреждений России. СПб.: Тип. Э. Веймара, 1851. 388 с.
- Филиппов М. А.** Судебная реформа в России. СПб.: [б. и.], 1871. Т. 1: Судостроительство. 623 с.
- Шиловский М. В.** История общественного самоуправления в Сибири второй половины XIX – начала XX в. Новосибирск: Сова, 2006. 352 с.

References

- Asanov R. F., Ivanyutina E. V.** Gorodskoe samoupravlenie v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Municipal Self-government in Russia in the 2nd Half of the 19th Century]. Neftekamsk, BashSU Press, 2007, 107 p. (in Russ.)
- Avdeeva O. A.** Sibir' v gosudarstvenno-pravovoi sisteme Rossii v XVII – nachale XX v. [Siberia in the State-legal System of Russia in the 17th – Early 20th Century]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2007, 342 p. (in Russ.)
- Dameshek L. M., Plotnikova M. M.** Modeli gorodskogo samoupravleniya v Vostochnoi Sibiri v kontse XVIII – pervoi chetverti XIX v. [Local Government Models in Eastern Siberia in Late 18th – Early 19th Century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]*, 2015, no. 394, pp. 114–120. (in Russ.)
- Filippov M. A.** Sudebnaya reforma v Rossii [Judicial Reform in Russia]. St. Petersburg, 1871, vol. 1: Sudostroistvo [Judicial System], 623 p. (in Russ.)
- Karapetyan L. A.** Vremennye pravila 1870 g. – osnova deyatelnosti gorskikh slovesnykh sudov Kubanskoi i Terskoi oblasti poreformnoi Rossii [Provisional Rules of 1870 – Framework of

- the Mountain Verbal Ships of the Kuban and Tersk Regions of Post-reform Russia]. *Vestnik Krasnodarskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [*Vestnik of Krasnodar State Institute of Culture*], 2016, no. 2 (6), pp. 1–5. (in Russ.)
- Konovalov I. A., Tolochko A. P.** Mestnoe upravlenie v gorodakh Sibiri po “Uchrezhdeniyu” 1822 g. [Local Governance in the Cities of Siberia According to the “Institution” of 1822]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [*Tomsk State University Journal of History*], 2019, no. 60, pp. 17–21. (in Russ.)
- Koshman L. V.** Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: sotsial'nye i kul'turnye aspekty [City and City Life in Russia in the 19th Century: Social and Cultural Aspects]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 446 p. (in Russ.)
- Mertsalov V. I.** Gorod Chita: Vozniknovenie i razvitie (1851–1895 gg.) [The City of Chita: Emergence and Development (1851–1895)]. *Vestnik Chitinskogo gosudarstvennogo universiteta* [*Bulletin of Chita State University*], 2012, no. 5, pp. 3–10. (in Russ.)
- Nardova V. A.** Gorodskoe samoupravlenie v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka: vlast' i obshchestvo [Municipal Self-government in Russia in the 2nd Half of the 19th – Beginning of the 20th Century: Authority and Society]. St. Petersburg, Liki Rossii, 2014, 564 p. (in Russ.)
- Nasibulin S. A.** K istorii gorodskogo samoupravleniya v Chite v 1875–1921 gg. [On the History of Municipal Self-government in Chita in 1875–1921]. *Gumanitarnyi vector* [*Humanitarian Vector*], 2009, no. 3, pp. 97–101. (in Russ.)
- Palikova T. V.** Formirovanie i sostav organov obshchestvennogo upravleniya v gorodakh Zabaikal'ya poslednei treti XIX – nachala XX v. [Formation and Composition of Public Administration Bodies in the Cities of Transbaikalia in the Last Third of the 19th – Early 20th Century]. *Uchenye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta* [*Scholarly Notes of Transbaikal State Humanitarian-Paedagogical University*], 2011, no. 2, pp. 80–84 (in Russ.)
- Parshina N. V.** Istoriya stanovleniya slovesnykh sudov v Rossii i ikh zakonodatel'noe oformlenie v Kavkazskom lineinom kazach'em voiske v pervoi polovine XIX v. [The History of the Formation of Verbal Courts in Russia and their Legislative Registration in the Caucasus the Linear Cossack Army in the 1st Half of the 19th Century]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [*Law and the State: Theory and Practice*], 2022, no. 9 (213), pp. 39–41. (in Russ.) DOI 10.47642/1815-1337-2022-9-39
- Plotnikova M. M.** Gorodskie dumy Vostochnoi Sibiri v poslednei chetverti XVIII – pervoi polovine XIX v.: praktika gorodskogo samoupravleniya i byudzhethnaya politika gorodov [Municipal Dumas of Eastern Siberia in the Last Quarter of the 18th – 1st Half of the 19th Century: Practice of Urban Self-government and the Budgetary Policy of Cities]. Diss. of Dr. Hist. Sci. Irkutsk, 2018, 620 p. (in Russ.)
- Plotnikova M. M.** Razvitie gorodskogo samoupravleniya v Vostochnoi Sibiri v pervoi polovine XIX veka [The Development of Municipal Self-government in Eastern Siberia in the 1st Half of the 19th Century]. *Gumanitarnyi vektor* [*Humanitarian Vector*], 2018, vol. 13, no. 4, pp. 84–95. (in Russ.)
- Shilovskiy M. V.** Istoriya obshchestvennogo samoupravleniya v Sibiri vtoroi poloviny XIX – nachala XX v. [The History of Public Self-government in Siberia in the 2nd Half of the 19th – Early 20th Century]. Novosibirsk, Sova Publ., 2006, 352 p. (in Russ.)
- Sviridova N. B.** Formirovanie organov gorodskogo samoupravleniya v Zabaikal'skoi oblasti v poslednei treti XIX v. [Formation of Authorities of Municipal Public Administration in Transbaikalian Region in the Last Third of the 19th Century]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta* [*The Buryat State University Bulletin*], 2014, no. 7, pp. 144–147. (in Russ.)
- Sviridova N. B.** Gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v Zabajkal'skoi oblasti (istoriograficheskii obzor) [Municipal Public Administration in the Transbaikal Region (Historiography Review)].

Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta [The Buryat State University Bulletin], 2015, no. 7, pp. 246–252. (in Russ.) DOI 10.18097/1994-0866-2015-0-7-246-252

Sviridova N. B. Rassuzhdenie glasnykh gorodskikh dum Zabaikal'skoi oblasti o vvedenii zemstva v Sibiri [The Reasoning of the Vowels of the Urban Dumas of the Trans-Baikal Region on the Introduction of Zemstvo in Siberia]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya Vnutrennei Azii* [BSU Bulletin. Humanitarian Research of Inner Asia], 2014, no. 2, pp. 76–80. (in Russ.)

Sviridova N. B., Palikova T. V. Gorodskoe obshchestvennoe upravlenie v Zabaikal'skoi oblasti v poslednei treti XIX – nachale XX v. [Municipal Public Administration in the Transbaikal Region in the Last Third of the 19th – Early 20th Century]. Ulan-Ude, BurSU Press, 2022, 186 p. (in Russ.)

Tolochko A. P., Kononov I. A., Merenkova E. Yu., Chudakov O. V. Gorodskoe samoupravlenie v Zapadnoi Sibiri v dorevolutsionnyi period: stanovlenie i razvitie [Municipal Self-government in Western Siberia in the Pre-revolutionary Period: Formation and Development]. Omsk, OmSU Press, 2003, 196 p. (in Russ.)

Trotsin K. E. Istoriya sudebnykh uchrezhdenii Rossii [History of Judicial Institutions in Russia]. St. Petersburg, Tipografiya E. Veimara, 1851, 388 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Инна Николаевна Мамкина, доктор исторических наук, доцент
WoS Researcher ID U-4596-2017

Information about the Author

Inna N. Mamkina, Doctor of Sciences (History), Associate Professor
WoS Researcher ID U-4596-2017

*Статья поступила в редакцию 28.05.2025;
одобрена после рецензирования 16.09.2025; принята к публикации 27.10.2025
The article was submitted on 28.05.2025;
approved after reviewing on 16.09.2025; accepted for publication on 27.10.2025*

Научная статья

УДК 94(575.1)

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-110-126

Исламское образование в Туркестанском генерал-губернаторстве: особенности развития в межконфессиональной среде

Шухрат Бахронович Мухамедов

Филиал Российского государственного университета нефти и газа
(Национальный исследовательский университет) им. И. М. Губкина
Ташкент, Республика Узбекистан

shukhrat.mukhamedov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-0135-444X>

Аннотация

Статья посвящена развитию системы образования в Туркестане в конце XIX – начале XX в. в контексте общеимперской образовательной системы. Рассматриваются создание Управления учебными заведениями, особенности организации русских и мусульманских школ, а также взаимодействие с традиционными медресе и мактабами. Анализируются законодательные инициативы, направленные на расширение и совершенствование образовательной сети, контроль за учебным процессом и кадровое обеспечение. Особое внимание уделяется проблемам интеграции мусульманского населения в систему российского образования, сохранению культурных особенностей и достижению баланса между государственными интересами и запросами местных жителей. Отдельно рассматривается влияние идей Исмаила Гаспринского по модернизации исламского образования на реформу учебных заведений Туркестанского края.

Ключевые слова

Управление учебных заведений, мактабы, медресе, новометодные школы

Для цитирования

Мухамедов Ш. Б. Исламское образование в Туркестанском генерал-губернаторстве: особенности развития в межконфессиональной среде // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 110–126. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-110-126

Islamic Education in the Turkestan Governorate-Generalship: Features of Development in an Interconfessional Environment

Shukhrat B. Mukhamedov

Branch of the Russian State University Oil and Gas
(National Research University) named after I. M. Gubkin
Tashkent, Republic of Uzbekistan

shukhrat.mukhamedov@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0000-0135-444X>

Abstract

The article delves into the development of the education system in Turkestan during the late 19th and early 20th centuries in context of the region's integration into the Russian Empire. It focuses on the establishment of the Education Department in 1875, which was tasked with organizing schools for Russian settlers and overseeing local Muslim educational institutions. The analysis highlights the challenges of implementing Russian-language instruction and secular curricula into predominantly Muslim communities, where traditional madrasas and maktabas operated in Arabic script and emphasized religious teaching. The article discusses governmental efforts to regulate and expand educational fa-

© Мухамедов Ш. Б., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 110–126

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 110–126

cilities, including the establishment of inspectorates for public schools, legislative initiatives, and plans to enhance teacher training and salaries. Furthermore, it also considers the complex dynamics between imperial authorities and local populations, emphasizing concerns over cultural preservation and religious identity. Policies aiming to integrate Muslim students into a broader imperial educational framework often conflicted with traditional practices, leading to resistance and tensions. The study underscores the importance of balancing state interests with regional cultural realities, highlighting how education served as a tool for both modernization and control. Overall, the article provides a comprehensive overview of the evolving educational landscape in Turkestan during this period, illustrating how imperial policies shaped local educational practices while attempting to foster loyalty and social cohesion within a diverse region.

Keywords

Management of educational institutions, maktabas, madrassas, new-method schools

For citation

Mukhamedov Sh. B. Islamic Education in the Turkestan Governorate-Generalship: Features of Development in an Interconfessional Environment. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 110–126. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-110-126

В настоящее время в условиях набирающей обороты глобализации в ряде государств постсоветского пространства чрезвычайно актуальным стал вопрос баланса светского и религиозного образования. Особенно значимым выглядит регулирование исламского образования, которое без должного внимания к нему правительств может начать двигаться по траектории, грозящей изменением вектора общественно-политического развития указанных государств. В свою очередь, проблемы регулирования образования неизбежно требуют внимательного изучения исторического опыта, в том числе знания и понимания того, как выстраивалась система образования на тех территориях Средней Азии, которые во второй половине XIX в. вошли в состав Российской империи и были населены в основном мусульманскими народами. Исследование достижений и трудностей при проведении российским правительством того времени реформ в сфере исламского образования, безусловно, будет способствовать более основательной и вдумчивой оценке перспектив его регулирования в XXI в.

Попытку осветить деятельность исламских учебных заведений Туркестанского края еще в конце XIX – начале XX в. предприняли видные востоковеды, а также высокопоставленные чиновники российской администрации: Н. П. Остроумов [1906; 1907], В. П. Наливкин [1913], С. М. Граменицкий [1896; 1916]. Министерство народного просвещения Российской империи подготовило и издало несколько сборников, в которых в той или иной степени рассматривалась проблема трансформации исламского образования и адаптации учебных процессов в мактабах и медресе в мусульманских регионах к российской секулярной системе в первую очередь на основе русско-туземных (национальных) школ. В 1869 г. был опубликован сборник документов, в котором давался анализ положения татарских и башкирских исламских учебных заведений, функционировавших в России [Сборник документов..., 1869]. Можно предположить, что этот аналитический материал был позже подробно изучен первым туркестанским генерал-губернатором К. П. фон Кауфманом. В 1905 г. появился еще один сборник, в котором освещался опыт работы администрации Туркестанского края в области мусульманского образования [Труды Особого совещания..., 1905].

Интерес представляют и работы современных исследователей, изучавших систему мусульманского образования на основе архивного материала и мемуарной литературы. В частности, значительный вклад в изучение этой проблемы внес Д. Ю. Арапов [2004]. Рассматривая религиозную политику в период с царствования Екатерины II и до конца правления Николая II, он проанализировал действовавшие и проектировавшиеся имперские законодательные акты по отношению к исламу, охарактеризовал политику царской России в «мусульманском вопросе» в Поволжье, Крыму, на Кавказе, в Сибири и фрагментарно осветил проблемы государственной политики в отношении ислама в Туркестане. Уделил Д. Ю. Арапов внимание и регулированию российским правительством исламского образования в этих регионах.

В трудах российских историков начала XXI в. заметно повышение интереса к изучению ключевых проблем в истории Туркестанского генерал-губернаторства, в том числе относящихся к вопросам образования и взаимовлияния культур народов Средней Азии и Российской империи. Д. В. Васильев [2022] провел анализ имперской политики в регионе, в том числе и первых шагов по трансформации системы исламского образования. В монографии С. В. Любичанковского [2018] исследована деятельность Министерства народного просвещения Российской империи на территории соседнего с Туркестанским Оренбургского генерал-губернаторства. С учетом того, что этнические казахи в силу своего кочевого образа жизни находились на территории соседних Оренбургского, Сибирского и Туркестанского генерал-губернаторств, интересен опыт приобщения этого народа к российской культуре и системе образования. Опубликованный Ю. А. Лысенко сборник документов дает представление о процессах, происходивших в среде этого этноса, в том числе и в ходе приобщения его к русской культуре и образованию [Традиционное казахское общество..., 2014]. Переселенческая политика Российской империи в Средней Азии, взаимовлияние автохтонного населения региона и мигрантов исследованы в статье Ю. Н. Цыряпкиной [2016]. Вопросу подготовки учительских кадров в Степном крае и Туркестанском генерал-губернаторстве посвящена статья М. В. Рыгаловой [2020].

В докторской диссертации С. Н. Брежневой [2005] давались оценки существующей исторической литературе, посвященной указанной тематике, и был намечен вектор дальнейших исследований. В статье, посвященной М. Г. Черняеву [Брежнева, 2014], она также воссоздала образ одного из туркестанских генерал-губернаторов. В аналитических статьях С. Н. Абашина [2008; 2018] поднимается вопрос об объективности изучения истории Туркестанского генерал-губернаторства российскими специалистами и историками стран постсоветского пространства Центральной Азии, связанный с национальными идеологиями в этих независимых государствах. Хотя в указанных работах не ставилась задача всестороннего освещения вопросов трансформации исламского образования в Туркестанском генерал-губернаторстве, тем не менее эти труды дополняют общую картину исследуемой проблематики.

В 2000 г. на русский язык была переведена книга швейцарского историка А. Каппелера [2000]. Автор в ней упоминает о деятельности мусульманских духовных управлений, но в самом общем виде. Интерес представляет также вышедшая в 2006 г. монография американского исследователя Р. Круза [Crews, 2006]. Автор сравнивает политику царизма по отношению к исламу с действиями и решениями властей по отношению к другим религиозным конфессиям. Однако в этих да и многих других работах, затрагивающих вопросы реформирования исламского образования в Средней Азии, не рассмотрен подробно алгоритм действий российского правительства в мусульманском регионе.

Настоящая статья основана на изучении источников из Национального архива Республики Узбекистан (далее – НА РУз). Материалы фондов И-1 (Канцелярия Туркестанского генерал-губернаторства), И-47 (Управление учебными заведениями Туркестанского края) и др. дают возможность уточнить особенности и отдельные этапы политики Российского государства в области образования в Средней Азии. Они содержат информацию как о работе в этом направлении российских властей, так и о возникавших трудностях, обусловленных взаимовлиянием христианской и исламской цивилизаций.

После вхождения Туркестана в состав Российской империи перед российским руководством встала задача выработки отношения к исламу как образу жизни и мышления местного населения. Первый начальник Туркестанского края генерал-губернатор К. П. фон Кауфман (занимал этот пост в 1867–1882 гг.) провозглашал политику «игнорирования» ислама, что выражалось в невмешательстве во внутреннюю жизнь местного населения и отсутствии финансирования мусульманских учебных заведений. По мнению фон Кауфмана, русская культура и образование благодаря своей прогрессивности могли привести к тому, что местное население перестало бы со временем обучаться в мактабах и медресе.

Однако в действительности все оказалось гораздо сложнее. Местное население, как оседлое, так и кочевое, не захотело и было не готово быстро воспринять русскую культуру и образование. Родители-мусульмане по традиции отдавали своих детей в мусульманские учебные заведения, игнорируя правительственные учебные заведения – русско-туземные школы, хотя в них были созданы более благоприятные условия для детей местного населения, включая бесплатное питание и проживание. В 1908 г. во всем Туркестанском крае было 98 различного типа правительственных школ, в которых обучались 3 077 учеников. В то же время к 1 января 1909 г. в этом регионе насчитывалось 5 567 мактабов¹ и 268 медресе². В мактабах обучались более 70 000 учеников, а в медресе получали высшее исламское образование 7 500 студентов [Отчет по ревизии..., 1910, с. 120, 172].

Чиновники российской администрации Туркестанского края докладывали своему руководству в Санкт-Петербурге, что местное население охотно отдает своих детей в русско-туземные школы. Но эта информация не соответствовала действительности. Были случаи, когда в период до 1875 г. военные губернаторы областей Туркестана давали разнарядку уездным и волостным правителям для посещения российских школ местным населением. Однако состоятельные люди из местного населения своих детей в эти школы не отдавали, а, для того чтобы быть в хороших отношениях с российскими властями, нанимали за деньги детей бедных людей, которые и посещали формально эти школы. Благодаря этому появился термин «школ-пули» – так стали называть деньги, отдаваемые за посещение школы вместо кого-то.

17 мая 1875 г. в Туркестанском крае было открыто Управление учебными заведениями. Свою деятельность это учреждение начало с 1 января 1876 г. Главной проблемой, решением которой занималось это учреждение, была организация учебных заведений для русского населения. Никаких особых школ для местного населения до 1885 г. открыто не было. До 1885 г. общее число детей местного населения, обучающихся в правительственных учебных заведениях края, составляло 176 чел. При этом ни в одном из этих заведений не было введено обучение на местных языках, а также не изучались основы мусульманского вероучения [Отчет по ревизии..., 1910, с. 94]. Такое положение было закреплено в законодательном порядке Министерством народного просвещения Российской империи.

Были и внешние причины, препятствовавшие местным детям посещать русские школы, в частности расположение этих школ в местах наибольшей концентрации русских поселенцев. Но самой главной причиной было несоответствие русских начальных школ взглядам самого местного населения на задачи начального образования.

В Туркестане, после его вхождения в состав Российской империи, русская краевая администрация столкнулась с большим количеством местных конфессиональных школ, в которых родной язык изучался при посредстве арабского алфавита, и все изучение родной грамоты было тесно связано с мусульманской религией. Как ни слабо было поставлено общее образование в этих школах, как ни малы были его результаты в качественном отношении, но обучение в них являлось почетным в глазах местного населения и необходимым для всякого человека, стремящегося быть просвещенным исламом.

Почти полное отсутствие преподавания традиционной мусульманской грамоты и основ ислама в создаваемых русско-туземных школах оттолкнуло местное население от этих учебных заведений. Родители также боялись перехода своих детей в христианство. В правительственных учебных заведениях разрешалось преподавание только православного закона Божьего. Идея совместного обучения детей русского и местного населения в одних и тех же школах в целом не осуществилась, в основном по тем причинам, о которых было сказано выше.

Для того чтобы разобраться с положением исламских учебных заведений в Туркестане, необходимо выяснить ситуацию с руководством этими заведениями со стороны Управления учебными заведениями края.

¹ Мактаб – традиционная мусульманская начальная школа.

² Медресе – традиционное исламское учебное заведение среднего или высшего уровня.

Управление учебными заведениями Туркестана, созданное в 1875 г., подчинялось Министерству народного просвещения Российской империи и непосредственно туркестанскому генерал-губернатору. Все учебные заведения – как русские, так и национальные – находились под непосредственным контролем туркестанского генерал-губернатора. При нем находился главный инспектор народных училищ, в ведении которого состояло Управление учебными заведениями Туркестанского края.

В обязанности инспектора народных училищ входило: строительство и открытие как русских, так и национальных учебных заведений, финансовые вопросы, прием и увольнение подчиненных, надзор и ревизия учебных заведений, составление отчетов и т. д. О проделанной работе в крае главный инспектор отчитывался непосредственно перед генерал-губернатором, а генерал-губернатор составлял отчет в Министерство народного просвещения. При главном инспекторе находилась канцелярия с секретарем. В канцелярию поступали все сведения об учебных заведениях в Туркестанском крае (переписка, отчеты и т. д.). В каждую область края назначался инспектор народных училищ. Они отвечали за проделанную работу в области перед главным инспектором народных училищ. С 1893 г. области были поделены на районы, в каждый район назначался инспектор.

Для наблюдения за исламскими учебными заведениями в 1890 г. была учреждена должность 3-го инспектора училищ, хотя уже в 1895 г. эта должность была ликвидирована. Но это не означало, что контроль за исламскими учебными заведениями был прекращен. Работа одного инспектора с этого времени была распределена между другими инспекторами, которые проводили надзор за этими учебными заведениями по своим территориям-районам. Управление учебными заведениями Туркестанского края прекратило свою деятельность в 1918 г.³

Вернемся к рассмотрению того, как проходил процесс государственного регулирования ислама в области просвещения со стороны царской администрации. На основе архивных источников постараемся воссоздать картину создания Управления учебных заведений в Туркестане, а также понять цели и задачи краевой администрации в области просвещения как мусульманского, так и русского населения.

8 марта 1875 г. принимается проект положения Министерства народного просвещения об «Устройстве управления по учебной части в Туркестанском крае и об учреждении прогимназии в Ташкенте и Верном»⁴. Как отмечено в проекте, устройство управления учебной частью в Туркестанском крае предполагалось «образовать на одинаковом основании с Сибирью, с подчинением онаго Министерству народного просвещения, на общем основании»⁵. Вместе с тем в ведение главного инспектора училищ Туркестанского края «предполагалось передать не только все русские гражданские училища, но и все инородческие, соответственно Высочайше утвержденному 20 ноября 1874 г. мнению Государственного совета о передаче в заведывание Министерства народного просвещения всех училищ для инородцев, а равно мектебе и медресе, существующих в Казанском и Оренбургском учебном округах»⁶. Благодаря высочайше принятому решению по инородческим учебным заведениям Министерство народного просвещения постановляло, что «инородческие училища Туркестанского края впредь открываются не иначе, как с разрешения главного инспектора училищ сего края»⁷. Это был новый подход правительства, так как ранее преобладало мнение о невмешательстве в область просвещения местного мусульманского населения.

Для привлечения квалифицированных учительских кадров в Туркестанский край Министерство приняло решение выплачивать заработную плату приехавшим «на 50 % более против соответствующих окладов в прочих прогимназиях» в Европейской России⁸. Для главно-

³ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Кн. 1. Предисловие. Л. 1, 2.

⁴ Там же. Д. 1. Л. 48.

⁵ Там же. Л. 48 об.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

го инспектора училищ был определен оклад в 5 тыс. руб. в год, учитывая, что «он будет совмещать в себе обязанности двоякого рода: общая – для прочих главных инспекторов, и специальные – инспектора инородческих училищ...»⁹.

Рассматриваемый проект интересен тем, что в нем приводится приблизительное количество мусульманских и русских учебных заведений в Туркестанском генерал-губернаторстве: «1. Школ для русских, содержимых на счет казны... 25. В них учащихся обоего пола... 1 074. 2. Школ туземных (медресе и мактабы)... 1 657. В них учащихся... 19 695»¹⁰.

Создание Управления учебных заведений в Туркестане являлось необходимой задачей, так как до этого времени в крае не было ни одного представительства Министерства народного просвещения. Согласно проекту предполагалось подчинить Управлению «все существующие уже в Туркестанском крае русские и инородческие училища, причем на будущее время допускать учреждение инородческих училищ не иначе, как с разрешения помянутого управления»¹¹. 17 мая 1875 г. данный проект «был утвержден» императором Александром II¹².

29 февраля 1876 г. туркестанский генерал-губернатор издает приказ, который гласил: «С 1-го января текущего года все существующие в генерал-губернаторстве учебные заведения, как русские так и туземные, поступают в ведение Народного просвещения, органом которого в крае является отдельное Управление училищами, состоящее из главного инспектора училищ Туркестанского края, секретаря и помощника секретаря»¹³. По ходатайству К. П. фон Кауфмана, на должность главного инспектора учебных заведений края был назначен надворный советник А. Кун, ранее работавший при генерал-губернаторе чиновником особых поручений по учебному делу.

В архивном деле о подготовке организации Управления учебных заведений в Туркестанском крае имеются проекты документов, в которых четко обозначены цели и задачи вновь создаваемого ведомства. Документы не имеют подписей авторов. Однако с большой долей уверенности можно предполагать, что они были подготовлены под руководством упомянутого А. Куна. Начало подготовки этих документов относится к 4 января 1875 г.

В деле имеются следующие документы: «Положение об устройстве учебной части в Туркестанском крае», «Штаты народных училищ в Туркестанском крае», «Основные положения устройства учебной части и народного образования в Туркестанском крае», «Объяснительная записка»¹⁴. Именно эти документы были представлены на рассмотрение и утверждение в Министерство народного просвещения, на их основе и было принято положение об организации учебного управления в Туркестанском крае.

Задачи, сформулированные в этих документах, можно сгруппировать в следующие пункты: 1) устройство учебных заведений для русского населения; 2) устройство учебных заведений для совместного обучения русских детей и инородцев; 3) устройство учебных заведений для детей кочевников в степи; 4) привлечение в край квалифицированных учительских кадров посредством льгот.

В документах четко обозначена цель управления учебным делом в Туркестанском генерал-губернаторстве: «Народное образование занимает одно из первых мест в ряду мер, которыми администрация Туркестанского края полагает выполнить главную лежащую на ней задачу: развить производительность страны и ввести ее в общий строй русской государственной жизни. Дело народного образования может состоять только путем правильно устроенных народных училищ»¹⁵. В документах также говорится о том, что эти народные учили-

⁹ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

¹⁰ Там же. Особо оговорим, что в подсчете не учитывалась территория Кокандского ханства, вошедшего в состав Российского государства в 1876 г.

¹¹ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 53 об.

¹² Там же. Д. 8. Л. 2.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. Д. 1.

¹⁵ Там же. Л. 7.

ща должны предоставлять полную возможность к обучению в них массы населения, а не единичных личностей, «которые, выделяясь из первобытной своей среды... мало производят изменений в повышении умственного уровня массы»¹⁶.

Генеральная же идея реформы образования, по мнению авторов рассматриваемых документов, состоит в том, что «развитие народного образования в крае должно состояться в направлении русских интересов, которые заключаются в развитии экономической стороны жизни населения, его гражданственности и солидарности его стремлений с основами русской государственной жизни. Но при этом религиозные убеждения инородцев должны остаться вне всякого прямого посягательства со стороны школы, – она отнюдь не должна иметь конфессионального направления»¹⁷ (здесь и далее курсив наш. – Ш. М.).

Ввиду разнородности населения Туркестанского края было предложено совместное обучение в них детей разных национальностей, так как именно такое обучение, «вливая на сглаживание различий в основных понятиях детей инородческого населения, представляет существенные выгоды в деле ассимилирования завоеванного края»¹⁸. Предлагалось, независимо от проектируемой системы народных училищ, открыть в крае две гимназии, чтобы «дети служащих в таком отдаленном крае чиновников не были лишены возможностей воспользоваться впоследствии образованием, даваемыми высшими учебными заведениями, или же просто правами, предоставляемыми средними учебными заведениями при поступлении на государственную службу»¹⁹. Поступление в гимназии оставалось возможным и для «детей инородцев»²⁰.

Предлагалось, при первой возможности, в каждом из уездных городов края «открыть уездные школы, в которых могли бы обучаться как дети русского, так и инородческого населения»²¹. Говорится в проекте положения и об учебных предметах, которые намечалось преподавать в уездных школах:

«1. Закон Божий – для детей православного вероисповедания. *Мусульманское вероучение не вводится в программу преподавания*»²².

2. Русский язык, с наглядным обучением и ознакомлением учеников с предметами и явлениями обыденной жизни.

3. Туземные языки – обязательные для детей инородцев, готовящихся в учителя элементарных школ. При обучении чтению и письму на туземных языках вводится вместо арабской графики – русская.

4. Землеописание – преподается в старшем отделении школы в размерах учебника «Уроки Географии» Д. Семенова. Подробнее о той области, в которой находится школа и всего Туркестанского края.

5. Счисление – программа онаго заканчивается четырьмя действиями над простыми и десятичными дробями.

6. Обучение рисованию и черчению, чтобы ученики могли свободно, от руки изобразить очертание не особенно сложных предметов, что им особенно будет пригодно при обучении ремеслам.

7. Обучение ремеслам: портняжному, сапожному, слесарному, кузнечному, столярному, и др. Введение в обучение того или другого из этих ремесел в школах разных уездов обуславливается местными требованиями и возможностью производства того или другого ремесла в данной местности»²³.

¹⁶ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 – 7 об.

¹⁷ Там же. Л. 7 об.

¹⁸ Там же. Л. 8.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 8 об.

²¹ Там же.

²² Не вводилось в программу русских учебных заведений и преподавание закона Божьего, как и для других религиозных конфессий.

²³ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 – 10 об.

Время обучения в уездной школе предполагалось определить в четыре года, для тех же учащихся, которые готовились стать учителями элементарных школ, добавлялся для обучения еще один год, «который и назначался преимущественно для практических упражнений в преподавании»²⁴.

Все вышеперечисленные положения проекта с незначительными коррективами были утверждены Министерством народного просвещения Российской империи.

Управление учебных заведений Туркестанского края со временем учло ряд недоработок и упущений в организации учебного процесса для детей мусульманского вероисповедания. Например, в программу обучения русско-туземных школ было введено обучение мусульманскому закону Божьему.

Вхождение территории Кокандского ханства в состав Российской империи в 1876 г. существенно поменяло обстановку в сфере регулирования исламского образования в Туркестанском генерал-губернаторстве. Под контроль Управления учебных дел Туркестанского края попадало огромное количество медресе и мактабов, находившихся на вновь присоединенной территории. В связи с этим главный инспектор училищ Туркестанского края А. Кун обратился к туркестанскому генерал-губернатору К. П. фон Кауфману с просьбой об учреждении новой должности – инспектора народных училищ. Просьба была начальником края удовлетворена.

14 июня 1877 г. в письме на имя фон Кауфмана А. Кун писал о том, что в скором времени в Туркестанский край приедет из Казани коллежский асессор Н. П. Остроумов, который и займет должность инспектора народных училищ в Управлении учебных заведений²⁵. В письме говорилось о том, что А. Кун, приглашая на эту должность Остроумова, знал, что тот является видным ориенталистом и «лицом, заявившим себя на поприще деятельности по инородческому образованию»²⁶. Также главный инспектор надеялся получить себе помощника на время своего отсутствия в крае²⁷. В письме сообщалось также о том, что Остроумова Кун порекомендовал Н. И. Ильминский – видный деятель народного просвещения Российской империи, основатель миссионерской академии в Казани, учитель и наставник Н. П. Остроумова²⁸.

В циркулярном письме от 14 февраля 1880 г. за № 509 туркестанский генерал-губернатор К. П. фон Кауфман, обращаясь к начальникам уездов и города Ташкента, просил к 1 января предоставлять непосредственно в Управление учебных заведений края сведения согласно посланной форме «об инородческих училищах, находящихся в городах и уездах»²⁹.

С 1880 г. Управление учебных заведений Туркестанского края начинает собирать статистические данные о количестве мусульманских учебных заведений в регионе. В фонде И-47 Национального архива Республики Узбекистан имеются документы, в которых уездные начальники представили данные о количестве медресе и мактабов в этих уездах, о числе учителей и учащихся, а также сведения о вакуфах³⁰ при медресе и иных источниках их финансирования. Сбор этих сведений происходил по требованию упомянутого Управления с 1880 по 1889 г. Руководил всем процессом инспектор народных училищ Н. П. Остроумов.

Однако не всегда процесс шел гладко. Например, в 1885 г. подобные сведения представил только Зеравшанский округ, о чем с сожалением в своем письме к уездным начальникам писал туркестанский генерал-губернатор Н. О. фон Розенбах³¹. Далее в своем письме краевой

²⁴ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.

²⁵ Там же. Д. 30. Л. 107.

²⁶ Там же. Л. 107 об.

²⁷ Служебные поездки чиновников туркестанской администрации в Санкт-Петербург могли длиться по несколько месяцев, учитывая время, затраченное на дорогу и пребывание в самой столице.

²⁸ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 30. Л. 107 об.

²⁹ Там же. Д. 150. Л. 498.

³⁰ Вакуф – недвижимость или имущество, пожертвованное исламским религиозным учреждениям.

³¹ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 150. Л. 498.

начальник просил уездных начальников и начальника г. Ташкента продолжать предоставление сведений о мусульманских учебных заведениях³².

Краевое руководство во главе с фон Кауфманом прекрасно понимало, что одним сбором статистических данных по мусульманским учебным заведениям нельзя было решить вопрос государственного регулирования ислама в Туркестанском генерал-губернаторстве. Пограничное положение Туркестана с мусульманскими государствами (Афганистаном и Ираном), сам жизненный уклад местного населения, который быстро никак не менялся по желанию царской администрации, а также влияние мусульман из других регионов России – Поволжья, Урала, Крыма и Кавказа, ставили перед краевой администрацией сложные задачи, требующие незамедлительного решения. Это влияние выражалось в религии, культуре, образовании, торговле, что принуждало краевое руководство принимать решительные меры, о чем свидетельствуют, например, письма туркестанского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана к министру народного просвещения графу Д. А. Толстому.

В первом письме, которое носило конфиденциальный характер, в феврале 1876 г. Кауфман с сожалением сообщал, что в последнее время в Туркестанском крае «казанскими татарами ведется в самых больших размерах торговля печатными Коранами и вообще различными теологическими мусульманскими сочинениями»³³. Он также отмечал, что «дешевизна этих изданий содействует к распространению их не только между оседлыми жителями края, но и кочевому населению»³⁴. В письме делалось особое пояснение причин беспокойства начальника краевой администрации: «Находя весьма вредным в русских интересах в Средней Азии и в особенности для успеха предстоящей Министерству деятельности в крае на поприще образования инородцев новой окраины распространение мусульманской проповеди при таком сильном оружии как печатное слово, особенно среди киргиз... имею честь покорнейше просить Ваше сиятельство войти в сношение с Министерством внутренних дел и главным управлением по делам печати для того, чтобы принять меры, к ограничению изданий мусульманской печати и к затруднению распространения их в Средней Азии»³⁵.

1 марта 1876 г. в следующем письме на имя Толстого Кауфман писал о своих планах относительно инородческого образования в Туркестанском генерал-губернаторстве: «Предполагаю... поручить Управлению учебными заведениям Туркестанского края заняться подготовительными работами для инородческого образования, прежде всего составлением транскрибированных учебников первоначального обучения»³⁶. Транскрибирование учебников, по мнению фон Кауфмана, должно «облегчить начало к изучению государственного языка и тем дать средство к объединению различных народностей»³⁷. Необходимо, по мнению фон Кауфмана, чтобы «все учебные округа, в которых есть инородцы, приняли для транскрипции русскую азбуку в том виде, какую она изучается в наших школах, без всяких изменений и дополнений диократическими и другими знаками»³⁸.

Эти два письма свидетельствуют о том, что в этот период фон Кауфман осознал необходимость активного влияния на местное мусульманское население через русское просвещение. Первым этапом была организация русско-туземных школ. Вторым этапом стало активное вмешательство в деятельность мусульманских учебных заведений – медресе и мактабов. Политика «игнорирования ислама», декларируемая фон Кауфманом, на самом деле была по-

³² НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 150. Л. 498 об.

³³ Там же. Д. 11. Л. 2.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. Л. 2 об.

³⁶ Там же. Д. 11. Л. 4.

³⁷ Там же. Л. 5.

³⁸ Там же. Л. 5 об. Фон Кауфман требовал, чтобы транскрибирование (запись слов другого языка русскими буквами) местных языков велось без каких-либо графических изменений, т. е. без использования диакритических знаков (знаки, которые ставятся над строкой, под строкой и рядом с буквой, служат для передачи особых звуков). Данный факт можно считать особенностью образовательной и культурной политики Российской империи.

литикой «осторожного», научного вмешательства и внесения необходимых для российской власти изменений в мусульманский быт и нравы народов Средней Азии.

В 1877 г. постановлением Управления учебных заведений Туркестанского края была учреждена должность инспектора народных училищ. В 1879 г. район деятельности инспектора был разбит на три самостоятельные инспектуры: 1-го района (Семиреченская область), 2-го района (Сырдарьинская область), 3-го района (Ферганская область и Зеравшанский округ). В 1882 г. в связи с выделением Семиреченской области из Туркестанского генерал-губернаторства инспекция 1-го района также была выделена из состава туркестанских инспектур.

В 1890 г. для наблюдения за мусульманскими учебными заведениями (мактабами и медресе) была учреждена должность 3-го инспектора народных училищ, упраздненная в 1895 г.

По инструкции Министерства народного просвещения от 13 января 1879 г. инспекторы народных училищ Туркестанского края должны были наблюдать за учебным делом и «состоянием умов» в русских и «инородческих» училищах и добиваться «сближения инородцев с русским государством». Должности инспекторов народных училищ были ликвидированы в 1917 г. [Центральный государственный Исторический архив, 1948, с. 148].

Среди дел, посвященных развитию народного просвещения в Туркестанском генерал-губернаторстве в рассматриваемый период, есть архивные материалы, освещающие процесс государственного регулирования мусульманского образования в крае начиная с 1890 г. и вплоть до 1917 г. Упразднение должности 3-го инспектора народных училищ в 1895 г. абсолютно не означало, что царская администрация прекратила контролировать и регулировать мусульманские учебные заведения в Туркестанском крае. Наблюдение за мусульманскими учебными заведениями в крае были распределены между другими инспекторами Управления учебных заведений Туркестанского края.

В фонде И-47 НА РУз мы находим дела, которые получили название «Переписка по туземным училищам Туркестанского края». Отдельно при фонде И-47 имеется и фонд 455 (3-й инспектор народных училищ Туркестанского края), охватывающий период с 1890 по 1895 г., однако в этом фонде всего лишь 16 единиц хранения [Там же, с. 149]. Все эти документы включены в дела под названием «Переписка по туземным училищам Туркестанского края», и в них также представлена ответная документация от вышестоящего руководства и администрации различных уровней Туркестанского генерал-губернаторства.

Из этих архивных источников видно, что политика «игнорирования» ислама, провозглашенная фон Кауфманом, на самом деле была политикой реформирования религиозной жизни мусульман Средней Азии. Если в экономическую жизнь местного населения, основанную на исламских законах, царское правительство начинает вмешиваться с первых же дней завоевания региона, то народным мусульманским образованием краевая администрация активно занялась с начала 90-х гг. XIX в.

Соприкосновение двух культур – мусульманской и христианской, несомненно, привело к их взаимовлиянию и взаимообогащению. Мусульманские народы, населявшие Российскую империю, оказались под влиянием европейско-христианской цивилизации, которая на этом отрезке времени оказалась сильнее и жизнеспособнее, что нашло свое подтверждение во вхождении мусульманских народов в состав России. Мусульманская интеллигенция, сравнивая христианское и исламское образование, сделала вывод о необходимости реформирования своего сугубо конфессионального образования, которое практически не вело к прогрессу. И мусульманские просветители, проживавшие в России, естественно приходили к пониманию необходимости реформ в области просвещения малых народов.

Автору статьи посчастливилось найти среди документов НА РУз «Записку о мусульманских школах», написанную Исмаил-беем Гаспринским, где он разъяснял сущность новометодных школ, созданных им в Крыму. Записка датирована июнем 1892 г.³⁹

³⁹ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 806.

Говоря об отсталости и неэффективности мусульманских конфессиональных мактабов и медресе, Гаспринский указывал и на необходимость изучения русского языка крымско-татарскими детьми. Естественно, возникла потребность в создании других мактабов. «Но где взять этот другой мактаб?»⁴⁰. «Разрабатывая этот вопрос, – писал Гаспринский – в 1884 году я открыл в Бахчисарае мектеб и назвал его “новометодным”. На первых порах мусульмане отнеслись к нему недоверчиво, но после первых экзаменов, публично произведенных, число учеников с 9-ти сразу поднялось до 30-ти. Благодаря копированным с русской школы порядкам и введению звукового метода в преподавание, ходжа (учитель в крымско-татарском мектебе. – *Ш. М.*), руководимый мной, успел выучить детей в течение 6-ти месяцев читать по-тюркски, по-арабски, писать по-тюркски и начальным правилам веры. Стало очевидным, что всего лишь за полтора года дети пройдут весь курс мектеба более основательно и шире, чем при старых порядках»⁴¹. Таким образом, Гаспринский пришел к выводу о том, что «всю шестилетнюю премудрость мектебов можно одолеть... за два года, если ввести известные школьные порядки и дать ходжам толково составленные начальные руководства для обучения чтению и письму. Экономизированные таким путем 3–4 года можно посвятить, не нарушая быта и условий жизни мусульман, изучению русского языка»⁴². Гаспринский подробно говорил о необходимости изучения русского языка в мусульманских учебных заведениях по нескольким причинам. Во-первых, он сам начинал свою деятельность как учитель русского языка в медресе. Во-вторых, на наш взгляд, просветитель понимал, что без знания русского языка молодежь не сможет приобщиться к цивилизации. В-третьих, было очевидно, что без знания государственного языка в Российской империи у молодого поколения нет будущего. Понимал также Гаспринский, что одним из главных условий открытия «новометодных» школ со стороны царской администрации, будет вопрос обучения мусульманских детей русскому языку.

Гаспринский издал новый учебник специально для «новометодных» школ под названием «Ховадже і Субьян» (Учитель детей), который разошелся тиражом до 4 тыс. экземпляров. Кроме того, необходимо отметить, что за короткий период в Крыму было открыто 30 новометодных мактабов⁴³.

Рассмотренная нами записка была направлена Гаспринским в 1892 г. туркестанскому генерал-губернатору барону А. Б. Вревскому в целях внедрения нового метода обучения и в Туркестане. Начальник края дал задание изучить эту записку 3-му инспектору народных училищ Туркестанского края Н. П. Наливкину, отвечавшему в Управлении учебных заведений за мусульманские учебные заведения. В письме в канцелярию туркестанского генерал-губернатора от 18 июля 1892 г., признавая, что Гаспринский прав, когда говорит о том, что мусульманские учебные заведения необходимо реформировать, инспектор Наливкин писал, что в краевом учебном ведомстве давно это уже осознают, и скоро будут приняты необходимые меры. Вместе с тем Наливкин отмечал, что предложения Гаспринского по поводу организации новометодных школ абсолютно неприемлемы для Туркестанского края. Это утверждение он аргументировал следующими пояснениями:

«Господин Гаспринский отнюдь не может считаться компетентным, ибо туркестанских мактабов и мадраса он не знает, а внутренний распорядок крымских школ, даже и согласно записке, значительно разнится от распорядков, практикуемых в мусульманских школах Туркестанского края...

Учебник составленный и рекомендуемый г(осподином) Гаспринским вряд ли может пригодиться для наших мактабов уже по одному тому, что язык крымских татар очень разнится от языка сартов.

⁴⁰ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 806. Л. 2 об.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же. Л. 2.

⁴³ Там же. Л. 2 об.

Факт подания г(осподином) Гаспринским его записки главному начальнику Туркестанского края сам по себе служит до некоторой степени выражением со стороны Гаспринского сомнения в обладании и администрацией края и учебным ведомством знакомства с туземными мусульманскими школами. Если это так, то г(осподин) Гаспринский ошибается: ныне учебное ведомство обладает весьма солидным запасом сведений о свойствах и особенностях названных школ, а равно и о их современных нуждах.

Я позволю себе думать, что было бы очень прискорбно, если бы в деле просвещения туземцев Туркестанского края русская власть обратилась за помощью к татарам вообще и к таким татарам, как Гаспринский в особенности. В качестве редактора крымско-татарской газеты «Переводчик», г(осподин) Гаспринский в течение многих лет отличался направлением настолько антирусским, что верить его готовности служить русскому делу нет решительно никакой возможности»⁴⁴.

Как мы видим из письма Наливкина в канцелярию туркестанского генерал-губернатора, краевая администрация проигнорировала обращение крымского просветителя по поводу необходимости реформирования мусульманских учебных заведений в Туркестане. В 1896 г. В. П. Наливкин был освобожден от должности 3-го инспектора училищ Туркестанского края, потому что его деятельность на этом посту привела к напряженным отношениям администрации и мусульманских учебных заведений. Сам Гаспринский в конце XIX в. несколько раз приезжал в Туркестан и встречался с местной мусульманской интеллигенцией, обращался он и к чиновникам краевой администрации по поводу реформирования мусульманских учебных заведений. Однако на практике новации в эти заведения внедрялись очень медленно, во многом потому, что в начале XX в. наблюдалась кадровая «чехарда» с назначением краевых начальников и прочих чинов администрации. Только в период с 1900 по 1910 г. в Туркестане сменилось 7 генерал-губернаторов⁴⁵.

Тем не менее в конце XIX – начале XX в. в разных городах Туркестанского края по частной инициативе представителей прогрессивной мусульманской интеллигенции стали неофициально открываться «новометодные» школы – мактабы и медресе. Об этом сообщалось в публикациях периодической печати. Например, в бахчисарайской газете «Терджиман» (1904. № 22) была напечатана следующая заметка: «Ходжент. Три месяца назад у нас была открыта первая мектеба по звуковому методу. Учитель был приглашен из Ташкента. Недавно в присутствии духовных и почетных лиц происходили первые проверочные экзамены. Ответы детей и вообще результаты нововведения обрадовали всех присутствовавших. В последовавшей благодарственной молитве был помянут Измаил Бек (Гаспринский), как первоиздатель и распространитель звукового метода».

В другой газете, издаваемой в Оренбурге, содержится информация о том, что мусульмане, проживающие в русских частях города Ташкента, решили открыть «новометодное» медресе, на постройку которого оренбургский купец Яушев выделил 2 000 руб. Кроме того, пожертвования сделали татары и сарты. Медресе была построена. В комментарии к этому событию в газете написано: «Если бы было больше таких, заслуживающих подражания примеров, то наша нация превзошла бы цивилизацией и прогрессом прочия» (Вақыт. 1909. № 29).

Администрация Туркестанского генерал-губернаторства после секретных заседаний в сентябре 1908 г. приступила к изучению положения с «новометодными» школами в крае. В декабре того же года инспектор народных училищ 1-го района М. Сайфи посетил «новометодный» мактаб в туземной части города Ташкента в махалле⁴⁶ «Гарнау Баши». Инспектор в записке на имя директора народных училищ Сырдарьинской области С. М. Граменицкого писал, что открытое на частные средства новометодное училище обставлено материально

⁴⁴ НА РУз. Ф. И-1. Оп. 11. Д. 806. Л. 6 об. – 7.

⁴⁵ С. М. Духовской (1898–1901 гг.), Н. А. Иванов (1901–1904 гг.), Н. Н. Тевяшов (1904–1905 гг.), Д. И. Суботич (1905–1906 гг.), Н. И. Гродеков (1906–1908 гг.), П. И. Мищенко (1908–1909 гг.), А. В. Самсонов (1909–1914 гг.).

⁴⁶ Махала – традиционная форма местного самоуправления и соседской общины в странах Средней Азии.

и в хозяйственном отношении довольно хорошо⁴⁷. Учащихся детей налицо оказалось около 100 чел., при двух учителях. «Дети разделены на четыре класса (или вернее на 4 отделения) и занимаются в двух просторных, но холодных классах»⁴⁸. Кроме религиозных книг, дети обучались первоначальному курсу арабского языка, главным образом спряжению глаголов. При изучении географии дети под руководством учителя, писал в отчете М. Сайфи, пользуются хорошо изданными в Константинополе географическими картами, скопированными с французских изданий. Они также читают книгу «Тажвид» (правильное чтение святого Корана), а также изданную в Казани книгу «Таржимати-ахвал Дувал-ли-Ислам (исторический очерк мусульманских династий) и др. Делая вывод, инспектор констатировал: «постановка обучения в этом училище в сравнении с коренными мусульманскими мактабами г. Ташкента имеет громадную разницу», необходимо только «сделать преподавание русского языка в этом училище обязательным, во чтобы то ни стало»⁴⁹. Он также заметил, что заведующий этим училищем, «уроженец города Ташкента сарт Мансур Кары-Абдуль рашад Ханов⁵⁰, на открытие этой школы разрешения не имеет»⁵¹. Главный же результат инспекции М. Сайфи заключался в том, что он (судя по его записке С. М. Граменицкому) не выявил в новометодном училище никакой вредной для Российского государства деятельности.

Однако, несмотря на заверения М. Сайфи и других инспекторов учебного ведомства Туркестана, краевая администрация настороженно отнеслась к новометодным школам. В течение трех лет происходил сбор информации краевым Управлением учебных заведений. В 1911 г. главный инспектор училищ Туркестанского края сообщал руководству о наличии в генерал-губернаторстве 63 новометодных мактабов с 4 106 учащимися. Из них в Сырдарьинской области насчитывалось 16 мактабов и 1 650 учащихся; в Ферганской – соответственно 30 и 1 436, в Самаркандской – 5 и 195, в Семиреченской – 12 и 825. В Закаспийской области новометодных мактабов не было⁵². В это же время школы новометодного типа («летучие юрты») открывались также у кочевников – киргизов (казахов. – *Ш. М.*), учителями в них являлись студенты уфимских, казанских и оренбургских медресе.

Российская администрация под предлогом регистрации новометодных школ начала закрывать некоторые из этих частных учебных заведений, препятствуя их массовому распространению в городах и селах Туркестанского края. Одним из поводов для закрытия новометодных школ со стороны царской администрации являлось отсутствие преподавания в этих мактабах русского языка.

«Пробуждение Востока» в виде революций в Турции, Иране и других мусульманских странах в 1906–1908 гг. вызвало большую озабоченность у царского правительства. Свою лепту в нагнетание страха вносило и Туркестанское охранное отделение своими неквалифицированными агентурными данными, предоставляемыми генерал-губернаторам. На деятельности туркестанской охраны сказывалось отсутствие в ее рядах специалистов-востоковедов. В отношении новометодных школ агентура часто доставляла руководству сплетни и предположения⁵³. Но озабоченность положением дел со школьным образованием в Туркестане высказывали и современники-востоковеды.

В 1909 г. ходжентский уездный начальник – туркестанский востоковед Н. Лыкошин, анализируя состояние народного просвещения в крае, говорил о необходимости немедленной коренной реформы русско-туземных школ: «Если мы не сделаем этого сейчас, то время будет упущено и население воспользуется услугами новометодной мусульманской школы, которая в состоянии совместить довольно обширные европейские знания с религиозно-схо-

⁴⁷ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955. Л. 5.

⁴⁸ Там же.

⁴⁹ Там же. Л. 6.

⁵⁰ Правильно имя звучит так: Мунавар-Кори Абдурашидхан. Кори – знаток Корана.

⁵¹ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955. Л. 6 об.

⁵² Там же. Л. 230.

⁵³ См. материалы НА РУз – Ф. И-461 «Туркестанское районное охранное отделение».

ластической премудростью мусульманских книжников... население, изверившись в пригодности русско-туземной школы, само вырабатывает тип особой школы, которая, конечно, уже не будет служить русским целям, а образование туземцу даст на родном языке. Много лет назад на столбцах местных повременных изданий я писал о необходимости распространения между туземцами европейских знаний на родном их наречии, я предвидел, что туземцы и без нашей помощи найдут дорогу к европейской науке, но тогда меня уверяли, что русско-туземные школы научат туземцев русскому языку и уже на русском языке они приобретут научные знания. Предсказания моих оппонентов не сбылись, русскому языку туземцев мы не научили и новометодные школы грозят приобрести популярность среди туземцев и серьезно конкурировать с распространением среди туземцев русской школы, которую мы ошибочно считали единственным проводником знания в среду туземцев»⁵⁴.

В начале XX в. перед исламскими учебными заведениями Туркестанского края с особой остротой встала задача перехода на более современные методы обучения, тем более что имелись примеры реформирования общественной и экономической жизни в ряде мусульманских стран, как, например, в Турции и Египте. Перед местной туркестанской образованной элитой, особенно той, которая инкорпорировалась в российские властные институты, все более актуализировалась проблема: ничего не менять в системе мусульманского образования и, соответственно, отдавать предпочтение традиционному социально-экономическому укладу или же провести необходимые образовательные реформы, призванные способствовать культурному развитию и адаптации мусульманского общества к европеизации в ее российском варианте. Однако начало Первой мировой войны, революции и Гражданская война в России изменили ситуацию в Туркестане коренным образом. После победы советской власти в регионе местное исламское образование стало переходить на совершенно другой уровень взаимоотношений с вновь образованным государством – СССР, в котором господствовало жесткое отношение к религии.

Список литературы

- Абашин С. Н.** Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456–471.
- Абашин С. Н.** Другая история «Русского Туркестана»? // *Ab Imperio*. 2018. № 3. С. 410–415.
- Арапов Д. Ю.** Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX в.). М.: МПГУ, 2004. 287 с.
- Брежнева С. Н.** Историография проблемы присоединения Туркестанского края к России: вторая половина XIX – начало XXI в.: Дис. ... д-ра ист. наук. М., 2005. 621 с.
- Брежнева С. Н.** Генерал М. Г. Черняев: Личность на фоне военной кампании по завоеванию Туркестана Россией // *Вестник РУДН. Серия: История России*. 2014. № 1. С. 106–117.
- Васильев Д. В.** Поступь империи. Политика России в Центральной Азии: XIX – начало XX в. М.; СПб.: Нестор-История, 2022. 636 с.
- Граменицкий С. М.** Очерк развития народного образования в Туркестанском крае // *Сборник материалов для статистики Сыр-Дарьинской области*. Ташкент: Типо-литография торг. дома «Ф. и Т. бр. Каменские», 1896. Т. 5. 97 с.
- Граменицкий С. М.** Положение инородческого образования в Сыр-Дарьинской области. Ташкент: [б. и.], 1916. 159 с.
- Каппелер А.** Россия – многонациональная империя; возникновение, история, распад. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 342 с.
- Любичанковский С. В.** Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX – начало XX в.). Оренбург: ОГАУ, 2018. 263 с.

⁵⁴ НА РУз. Ф. И-47. Оп. 1. Д. 955. Л. 143–143 об.

- Наливкин В. П.** Туземцы раньше и теперь. Ташкент: А. Л. Кирснер, 1913. 144 с.
- Остроумов Н. П.** Мусульманские мактабы и русско-туземные школы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1906. Ч. 1. Февраль. С. 114–166.
- Остроумов Н. П.** Мадрасы в Туркестанском крае // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1907. Ч. 7. Январь. С. 1–58.
- Рыгалова М. В.** Подготовка учительских кадров на территории Степного края и Туркестанского генерал-губернаторства в конце XIX – начале XX в. // Культура и время перемен. 2020. № 2 (29). URL: [http://timekguki.esrae.ru/pdf/2020/2\(29\)/553.pdf](http://timekguki.esrae.ru/pdf/2020/2(29)/553.pdf) (дата обращения 05.10.2025).
- Цыряпкина Ю. Н.** Русские переселенцы в Туркестане в конце XIX – начале XX в.: основные социокультурные характеристики // Вестник ТГУ. 2016. № 411. С. 183–187.
- Crews R. D.** For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard: Harvard Uni. Press, 2006. 480 p.

Список источников

- Вақыт (Оренбург). 1909. № 29.
- Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором гофмейстером графом К. К. Паленом. СПб.: Сенат. тип., 1910. Т. 6: Учебное дело. 177 с.
- Сборник документов и статей по вопросу об образовании инородцев. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1869. 527 с.
- Терджиман (Бахчисарай). 1904. № 22.
- Традиционное казахское общество в национальной политике Российской империи: концептуальные основы и механизмы реализации (XIX – начало XX в.). Документы и извлечения / Отв. ред. Ю. А. Лысенко. Барнаул: Азбука, 2014. 272 с.
- Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. СПб.: Тип. Э. Л. Пороховщиковой, 1905. 423 с.
- Центральный государственный Исторический архив Уз ССР. Путеводитель. Ташкент: Архив отд. МВД УзССР, 1948. 180 с.

References

- Abashin S. N.** Drugaya istoriya “Russkogo Turkestana”? [A Different History of “Russian Turkestan”?]. *Ab Imperio*, 2018, no. 3, pp. 410–415. (in Russ.)
- Abashin S. N.** Razmyshleniya o “Tsentral’noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii” [Thoughts about “Central Asia within the Russian Empire”]. *Ab Imperio*, 2008, no. 4, pp. 456–471. (in Russ.)
- Arapov D. Yu.** Sistema gosudarstvennogo regulirovaniya islama v Rossiiskoi imperii (poslednyaya tret’ XVIII – nachalo XX v.) [The System of State Regulation of Islam in the Russian Empire (the Last Third of the 18th – Early 20th Century)]. Moscow, MSPU Press, 2004, 287 p. (in Russ.)
- Brezhneva S. N.** General M. G. Chernyaev: Lichnost' na fone voyennykh kampanii po zavoevaniyu Turkestana Rossiei [General M. G. Chernyaev: Personality against the Background of Military Campaign on Russia’s Conquest of Turkestan]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii [RUDN Journal of Russian History]*, 2014, no. 1, pp. 106–117. (in Russ.)
- Brezhneva S. N.** Istoriografiya problemy prisoedineniya Turkestanskogo kraia k Rossii: Vtoraya polovina XIX – nachalo XXI v. [Historiography of the Problem of the Turkestan Region Joining Russia: The 2nd Half of the 19th – the Beginning of the 21st Century]. Diss. of Dr. Hist. Sci. Moscow, 2005, 621 p. (in Russ.)

- Crews R. D.** For Prophet and Tsar: Islam and Empire in Russia and Central Asia. Harvard, Harvard Uni. Press, 2006, 480 p.
- Gramenitsky S. M.** Ocherk razvitiya narodnogo obrazovaniya v Turkestanskom krae [Essay on the Development of Public Education in the Turkestan Region]. In: Sbornik materialov dlya statistiki Syr-Dar'inskoi oblasti [Collection of Materials for Statistics of the Syr-Darya Region]. Tashkent, 1896, Tipo-litografiya torgovogo doma "F. i T. brat'ya Kamenskie", vol. 5, 97 p. (in Russ.)
- Gramenitsky S. M.** Polozhenie inorodcheskogo obrazovaniya v Syr-Dar'inskoi oblasti [The Status of Foreign Education in the Syr-Darya Region]. Tashkent, 1916, 159 p. (in Russ.)
- Kappeler A.** Rossiya – mnogonatsional'naya imperiya; vzniknovenie, istoriya, raspad [Russia – A Multi-Ethnic Empire; Emergence, History, Collapse]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000, 342 p. (in Russ.)
- Lyubichankovsky S. V.** Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniya islamskikh poddannyykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt Orenburgskogo kraya (seredina XIX – nachalo XX v.) [Acculturation Policy through the Education of the Islamic Subjects of the Russian Empire: The Historical Experience of the Orenburg Krai (Mid-19th – Early 20th Century)]. Orenburg, OSAU Press, 2018, 263 p. (in Russ.)
- Nalivkin V. P.** Tuzemtsy ran'she i teper' [Natives Before and Now]. Tashkent, A. L. Kirsner, 1913, 144 p. (in Russ.)
- Ostroumov N. P.** Madrasy v Turkestanskom krae [Madrasas in the Turkestan Krai]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. Novaya seriya* [Journal of the Ministry of Public Education. New Series], 1907, pt. 7, January, pp. 1–58. (in Russ.)
- Ostroumov N. P.** Musul'manskije maktaby i rusko-tuzemnye shkoly v Turkestanskom krae [Muslim Maktabs and Russian-native Schools in the Turkestan Krai]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshheniya. Novaya seriya* [Journal of the Ministry of Public Education. New Series], 1906, pt. 1, February, p. 114–166. (in Russ.)
- Rygalova M. V.** Podgotovka uchitel'skikh kadrov na territorii Stepnogo kraja i Turkestanskogo general-gubernatorstva v kontse XIX – nachale XX v. [The Initial Teacher Training in the Territory of the Steppe Region and the Turkestan Governorate at the End of 19th – Beginning of the 20th Century]. *Kul'tura i vremya peremen* [Culture and Time of Changes], 2020, no. 2 (29). (in Russ.) URL: [http://timekguki.esrae.ru/pdf/2020/2\(29\)/553.pdf](http://timekguki.esrae.ru/pdf/2020/2(29)/553.pdf) (accessed 05.10.2025).
- Tsiryapkina Yu. N.** Russkie pereselentsy v Turkestane v kontse XIX – nachale XX v.: osnovnye sotsiokul'turnye kharakteristiki [Russian Settlers in Turkestan in the Late 19th – Early 20th Century: The Main Socio-Cultural Characteristics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 2016, no. 411, pp. 183–187. (in Russ.)
- Vasilyev D. V.** Postup' imperii. Politika Rossii v Tsentral'noi Azii: XIX – nachalo XX v. [The Tread of Empire. Russia's Policy in Central Asia: 19th – Early 20th Century]. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2022, 636 p. (in Russ.)

List of Sources

- Otchet po revizii Turkestanskogo kraja, proizvedennoi po vysochaischemu poveleniyu senatorom gofmeisterom grafom K. K. Palenom [Report on the Audit of the Turkestan Krai, Conducted by the Highest Order of Senator Hofmeister Count K. K. Palen]. St. Petersburg, Senatskaya tipografiya, 1910, vol. 6: Uchebnoe delo [Educational Matters], 177 p. (in Russ.)
- Sbornik dokumentov i statei po voprosu obrazovaniya inorodtsev [Collection of Documents and Articles on the Education of Inorodtsev]. St. Petersburg, Tipografiya tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za", 1869, 527 p. (in Russ.)
- Terciman [Translator] (Bakhchisaray), 1904, no. 22. (in Russ.)
- Traditsionnoe kazakhskoe obshchestvo v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii: kontseptual'nye osnovy i mekhanizmy realizatsii (XIX – nachalo XX v.). Dokumenty i izvlecheniya [Tradition-

- al Kazakh Society in the National Policy of the Russian Empire: Conceptual Foundations and Implementation Mechanisms (19th – Early 20th Century). Documents and Extracts]. Ed. by Yu. A. Lysenko. Barnaul, Azbuka, 2014, 272 p. (in Russ.)
- Trudy Osobogo zasedaniya po voprosam obrazovaniya vostochnykh inorodtsev [Proceedings of the Special Conference on the Education of Oriental Inorodtsy]. St. Petersburg, Tipografiya E. L. Porokhovshchikovoi, 1905, 423 p. (in Russ.)
- Tsentrал'nyi gosudarstvennyi Istoricheskii arkhiv Uz SSR. Putevoditel' [Central State Historical Archive of the UzSSR. Guidebook]. Tashkent, Arkhiv otdeleniya MVD UzSSR, 1948, 180 p. (in Russ.)
- Vakyt [Time] (Orenburg), 1909, no. 29. (in Russ.)

Информация об авторе

Шухрат Бахронович Мухамедов, доктор исторических наук, доцент

Information about the Author

Shukhrat B. Mukhamedov, Doctor of Sciences (History), Associate Professor

*Статья поступила в редакцию 27.08.2025;
одобрена после рецензирования 21.09.2025; принята к публикации 16.10.2025
The article was submitted on 27.08.2025;
approved after reviewing on 21.09.2025; accepted for publication on 16.10.2025*

Научная статья

УДК 94(574)+314.7.045

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-127-140

Алма-Ата в 1930-е годы: советская столица национальной автономии и режимный город

Наталья Николаевна Аблажей¹
Альбина Советовна Жанбосинова²

¹ Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

² Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева
Астана, Республика Казахстан

¹ ablazhey@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

² sovetuk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Аннотация

Статья посвящена трансформации места г. Алма-Ата в пространстве СССР и Казахстана в 1927–1940 гг. Сравниваются столичный и режимный статусы города в связи с переносом сюда столицы автономии и первым этапом паспортизации населения СССР. Приводятся данные о росте города и его населения, в том числе за счет миграции. Показано, что введение паспортной системы в 1933 г., а также получение позиции режимного города в 1938 г. позволило установить паспортный режим и провести несколько кампаний по выселению некоторых категорий населения, а также переселению из зон самовольной застройки в городской черте. Сделан вывод, что, несмотря на получение статуса столицы, крупнейший город Центральной Азии оставался для Центра периферией, о чем свидетельствуют темпы паспортизации Алма-Аты, долгое отсутствие статуса особого режимного города и несоответствие реального положения уровню столицы союзной республики.

Ключевые слова

столица, Алма-Ата, паспортизация, режимный город, паспортный режим, миграция

Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации научного проекта АР23485356 по гранту Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на тему: «Паспортизация в Казахстане 1932–1940 гг.»

Для цитирования

Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С. Алма-Ата в 1930-е годы: советская столица национальной автономии и режимный город // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 127–140. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-127-140

Alma-Ata in the 1930s: The Soviet Capital of National Autonomy and a Regime City

Natalia N. Ablazhey¹, Albina S. Zhanbossinova²

¹ Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

² L. N. Gumilyov Eurasian National University
Astana, Republic of Kazakhstan

¹ ablazhey@academ.org, <https://orcid.org/0000-0002-3215-0615>

² sovetuk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4541-4154>

Abstract

The article examines the evolving status of Alma-Ata in the political and geographical landscape of the USSR and Kazakh autonomy during the 1930s. It presents a comparative analysis of the city's roles as both a capital and a regime city, particularly in light of Alma-Ata's designation as the capital of autonomy and the initial phase of implementing the passport system in the USSR. In addition, the article offers data on the city's growth and population increase, largely attributed to migration. It argues that the introduction of the passport system in 1933 and the establishment of Alma-Ata as a regime city in 1938 facilitated the enforcement of a passport regime. This enabled various campaigns to evict specific groups from the city and to relocate individuals living in unauthorized structures along the city's perimeter. Ultimately, the conclusion underscores that, despite its designation as an autonomous capital, Alma-Ata – Central Asia's largest city – remained peripheral to the central authority. This is evident in the gradual rollout of the passport system, the prolonged absence of a special regime city status, and the discrepancy between Alma-Ata's actual standing and its expected prominence as one of the capitals of the Soviet Union's national republics. Nevertheless, the establishment of regime status in the late 1930s serves as a testament to Alma-Ata's emerging role as a political center.

Keywords

capital, Alma-Ata, introduction of the passport system, regime city, passport regime, migration

Acknowledgements

The article was prepared as part of the scientific project AP23485356 under a grant from the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan on the topic: "Introduction of the passport system in Kazakhstan 1932–1940"

For citation

Ablazhey N. N., Zhanbossinova A. S. Alma-Ata in the 1930s: The Soviet Capital of National Autonomy and a Regime City. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 127–140. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-127-140

Пространство СССР определялась не только административно-территориальным и экономическим делением, но и географией режимности. Начало появления режимных местностей в СССР относится к 1927 г., когда был выделен и нормативно прописан статус запретных пограничных полос. Выборочное введение паспортной системы в 1932–1934 гг. стало причиной выделения, вслед за пограничными, индустриальных и транспортных зон, а также режимных городов, у части из которых даже прилегающие к ним территории имели аналогичный статус. Пик роста числа режимных городов в СССР относится к рубежу 1930–1940-х гг. Атомный проект привел к появлению так называемых «закрытых» городов, многие из которых сохранили этот статус до сих пор. К 1953 г. полностью режимными были пять регионов СССР, а общее количество таких регионов и городов достигло 340 [Лаврентий Берия..., 1999, с 43–46]¹. Таким образом, к началу 1950-х гг. столицы союзных республик, административные центры автономий и регионов, а также почти все крупные города страны имели этот статус.

Создание паспортной системы в СССР представляет собой важную веху в истории национально-государственного строительства, поэтому эта тематика вызывает повышенный интерес. Ключевые аспекты первого этапа паспортизации в СССР затронуты в работах как исто-

¹ Со ссылкой на: АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 159. Л. 152–165.

риков, так и юристов (см. [Попов, 1996; Тарасов, 2005; Байбурин, 2017; Moine, 1997; Муан, 2009; Kessler, 2001; Биксби, 2025] и др.). Дискуссия связана с выявлением основных этапов генезиса советской паспортной системы. Импульсом к ней послужило заключение о наличии ограничений и даже репрессий по паспортным основаниям, на что первым обратил внимание российский исследователь В. Попов [1996]. Хотя данный вывод и не оспаривается другими исследователями [Малыгин, Тарасов, 2012, с. 188], определение советской паспортной системы как «нового крепостничества», сформулированное и обоснованное в работах В. Попова [1996], Х. Кесслера [Kessler, 2001], В. Гольдмана [2005] и др., вызывает критику. Так, российский специалист в области истории права А. Ю. Тарасов, усилиями которого в научный оборот введено значительное количество ведомственного делопроизводства НКВД и милиции в сфере паспортизации, считает, что интерпретировать советскую паспортную систему как новое издание «крепостничества» нет оснований в первую очередь потому, что на фоне ее введения имел место резкий рост населения городов, а отток населения из городов, характерный для начального этапа кампании, оказался краткосрочным и был быстро компенсирован новыми волнами миграции. Кроме того, ряд авторов указывает на то, что советская паспортная система сыграла важную роль с точки зрения государственного управления и обеспечения безопасности [Тарасов, 2005, с. 1]. Оспаривается также устоявшееся мнение о введении запрета на миграцию из села в город, поскольку это в корне противоречило задачам модернизации и поставило бы под угрозу индустриализацию [Малыгин, Тарасов, 2012, с. 133]. Следует, однако, отметить, что выборочное введение паспортной системы продемонстрировало наличие своеобразной иерархии стратегических приоритетов в СССР, в том числе в плане управления и развития регионов, территорий и городов. Большинство специалистов считает, что советская паспортная система была введена по причине того, что массовое разорение деревни и последовавшая люмпенизация огромного количества населения привели к неконтролируемой миграции в города и обострению продовольственной проблемы.

На данный момент остаются актуальными такие вопросы, как выяснение обстоятельств введения паспортной системы, выявление ее роли в формировании учетно-надзорного контроля за населением, анализ географических аспектов распространения, практики осуществления полицейских и репрессивных функций, оценка масштабов дискриминации населения по паспортным признакам, влияние на криминогенную обстановку в городах, оценка миграционных последствий. Эта тема нуждается в тщательном изучении, как и анализ видов режимов и режимной повседневности, не с позиций идеологии и власти, а в контексте регламентов и практик [Режимные люди..., 2009].

Паспортизация городов, в первую очередь Москвы и Ленинграда, по понятным причинам вызывает обоснованный интерес исследователей. При этом исследований, посвященных паспортизации в других городах, в том числе в столицах союзных республик, крайне мало [Потемкина, Кузнецова, 2014; Байбурин, 2017; Меерович, 2008, Аблажей и др., 2025]. В рамках тематики статьи наибольший интерес представляет работа казахстанского специалиста Е. М. Грибановой [2013], фрагментарно затрагивающая паспортизацию Алма-Аты.

Основная научная проблема, на решение которой направлено наше исследование, состоит в выявлении специфики советской паспортной системы в различных регионах страны и введении классификации режимного и нережимного статусов столичного города. Столицы имели особый статус, однако тема «столица союзной республики как режимный город», на наш взгляд, нуждается в масштабном изучении, в том числе с точки зрения выявления и анализа эмпирической информации. Представляет интерес в этой связи феномен переноса столиц. Так, перенос столицы Казахстана (четыре раза за сто лет) можно объяснить не только геополитическими, политическими и экономическими причинами, но также изменением размеров или границ региона [Крылов М., Крылов П., 2013]. Цель данной статьи – выявление основных этапов трансформации места и роли Алма-Аты в политико-географическом пространстве СССР и Казахской автономии в 1930-е гг. в контексте сравнительного анализа столичного и режимного статусов.

Использованные источники по истории переноса столицы и паспортизации Алма-Аты включают в себя в первую очередь нормативно-правовые документы, а также ведомственное делопроизводство. Среди нормативных документов наибольшую информативную ценность имеют решения как партийных инстанций, так исполнительной власти разного уровня. Используются решения таких партийных инстанций, как Политбюро ВКП(б), Казкрайком ВКП(б), Алма-Атинский горком, и исполнительной власти – СНК СССР, СНК КАССР, горисполком г. Алма-Аты. Материалы союзного и республиканского уровня отложились в центральных архивах России и Казахстана (ГА РФ, РГАСПИ) и Архиве Президента РК (г. Алма-Ата). Для анализа сущности и конкретизации государственной политики на местном городском уровне использованы материалы Алма-Атинского горсовета и Алма-Атинского горкома, отложившиеся в Государственном архиве г. Алматы (ГАА).

На данный момент доступным для исследователей является и большой комплекс документов ОГПУ–НКВД СССР, которые отложились в разных фондах ГА РФ. Аналогичные комплексы сохранились и в архивах Казахстана, а именно в Архиве Президента РК и Специальном государственном архиве МВД РК. В частности, ход паспортизации г. Алма-Аты в 1933 г. нашел отражение в специальных сводках и сводных отчетах милиции. Особый интерес в плане анализа репрессий по паспортным основаниям представляют протоколы внесудебных инстанций – троек – за 1933–1934 гг. и 1935–1938 гг., недавно переданные на государственное хранение из ведомственных архивов в Архив Президента РК и Национальный архив РК. В плане анализа учета городского населения и миграции, в том числе г. Алма-Аты, значительный информационный ресурс дают не только общесоюзные, но и городские переписи населения, а также материалы статистики органов народно-хозяйственного учета, плановых отделов и милиции. Эвристические возможности разных видов источников, сопоставление данных из документов власти и ведомственного делопроизводства разной направленности, в том числе имевших гриф секретности, позволяют углубить понимание места и роли Казахской автономии и ее новой столицы Алма-Аты в системе региональной и союзной власти благодаря выявлению целей, методов и средств реализации учета городского населения и миграционных потоков, конкретизировать задачи, этапы и алгоритм кампании по паспортизации, в том числе механизм присвоения городу режимного статуса [Аблажей и др., 2025].

Вопрос о столице казахской автономии встал в 1924 г., когда обсуждалось территориальное размежевание в Центральной Азии, и оставался актуальным все 1920-е гг. Напомним, что первоначально функции административного центра автономии выполнял г. Оренбург, до тех пор пока Оренбургская губерния не была выведена из состава Казахстана. В отличие от Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана, статус Киргизской (Казахской) АССР не был повышен до уровня союзной республики, хотя в связи с упразднением Туркестанской автономии часть ее территории отошла КАССР. В среде казахской элиты не было полного единодушия относительно столицы, рассматривались различные варианты, но было понимание, что главный город республики территориально должен находиться скорее на юге.

В качестве будущей столицы рассматривались несколько южных городов автономии, а именно Перовск (бывш. Ак-Мечеть), Казалинск, Аулие-Ата (совр. Тараз) и Алма-Ата (бывш. Верный). В декабре 1924 г. был сделан выбор в пользу г. Ак-Мечеть, переименованный в 1922 г., ставший на короткое время столицей КАССР². В апреле 1925 г. по решению V Съезда Советов Киргизской (Казахской) АССР г. Ак-Мечеть был переименован в г. Кызыл-Орда (Красная орда), одновременно произошла и смена названия республики – из Киргизской она стала Казахской АССР. Для обустройства столицы союзное правительство выделило значительные средства (7 млн руб.), но уже в феврале 1927 г. там же, в Москве, принимается решение о переносе столицы автономии в г. Алма-Ата. 3 марта 1927 г. это решение было оформлено постановлением Казахского ЦИКа и СНК КАССР, а затем утвержде-

² ГАА. Ф. 174. Оп. 6. Д. 2. Л. 20 – 21 об.

но 6-м Всеказахстанским съездом Советов [Жалмагамбетов, 2013]. Перенос столицы в Алма-Ату аргументировался поспешностью прежнего выбора, экономическими трудностями и естественноисторическими причинами. В противовес Кызыл-Орде Алма-Ата подавалась как полноценный город, который в ближайшем будущем в связи со строительством Туркестано-Сибирской железной дороги станет важнейшим перевалочным пунктом между республиками Центральной Азии и Сибирью, связав регионы северного и южного Казахстана.

Хотя решение о начале переноса столицы правительственной комиссией было принято еще 27 марта 1927 г., реальные шаги стали возможны только осенью 1928 г., когда поступили первые целевые деньги из Москвы³. При этом первоначальный бюджет в 3 млн был урезан до 1 млн руб.⁴ Как констатировалось позднее в отчетном докладе по развитию города за 1933 г. Алма-Атинского городского совета в СНК РСФСР, задача – превращение «отсталого мещанского города» (или «большого села» – такая формулировка также встречается в данном документе. – Н. А., А. Ж.) в столицу отдаленной национальной автономии, территория которой составляла 15 % территории РСФСР⁵. Алма-Ата была столицей Казахстана почти семь десятилетий: с 1929 по 1936 г. – Казахской АССР в составе РСФСР; с 1936 по 1991 г. – Казахской ССР; с 1991 по 1997 г. – Республики Казахстан.

Военная крепость Верный была основана в 1854 г. В 1856 г. она стала центром Алатауского округа, а летом 1867 г., в связи с образованием Туркестанского генерал-губернаторства, включавшего в себя Сырдарьинскую и Семиреченскую области, Верный стал центром Семиреченской области. С 1891 г. область перешла в подчинение Степного генерал-губернаторства, а с 1898 г. – Туркестанского генерал-губернаторства. 5 февраля 1921 г. Семиреченский областной революционный комитет принял решение о переименовании г. Верный в Алма-Ату, что соотносилось с топонимикой местности. Горсовет в Алма-Ате был учрежден Джетысуйским губгорисполкомом советов в марте 1926 г.⁶, а Алма-Атинская область была создана только в 1932 г.

Город Верный состоял из Большой и Малой Алматинской станиц. Большая Алматинская станица находилась на левом берегу р. Малой Алматинки возле Верненской крепости. Уже в 1860 г. произошло разделение территории вокруг крепости на два поселения, из которых: южное названо Большой Алматинской станицей, а северное – Малой Алматинской. В состав Малой станицы в 1927 г. входили хутора Казенная роща и Бутаковский, районы Порт-Артур, Новая слобода и Татарская слобода (Татарка). В 1930 г. к с. Малая станица территориально был отнесен колхоз «Луч Востока», образованный в 1929 г. в составе Илийского (затем Талгарского) района Алма-Атинской области. В 10 км от города находился пристанционный поселок линейной станции Турксиба, который в декабре 1930 г. стал частью г. Алма-Аты. В Малом Алматинском ущелье возникла зона правительственных дач и домов отдыха: «Медео», «Каменское плато» и «Алма-Араксан». На 1933 г. селитебная территория города составляла 2,2 тыс. га, а за 10 лет ее планировалось увеличить до 3,5 тыс. га, с разделением северной и южной частей лесопарковой зоны в зоне повышенной сейсмичности. Согласно паспорту города 1935 г., 1,2 тыс. га от 4,4 тыс. га земель в пределах городской черты было занято под огороды, сады и сенокосы⁷. Так как северная часть города была заболочена, то в ней в основном располагалась промзона. В 25-километровом приграничном радиусе столицы предусматривалось создание колхозов, ориентированных на снабжение городского населения продовольствием⁸.

В связи с принятым решением о переносе столицы и на основании циркуляра НКВД от 30 октября 1926 г. Алма-Атинский горсовет 2 июня 1927 г. провел первую инвентаризацию

³ ГАА. Ф. 174. Оп. 6. Д. 2. Л. 20 – 21 об.

⁴ Там же.

⁵ Там же. Оп. 12. Д. 476. Л. 2.

⁶ Там же. Оп. 5. Д. 2. Л. 2.

⁷ АП РК. Ф. 412. Оп. 5. Д. 40. Л. 1–2.

⁸ Там же. Л. 35–36.

городских домовладений и их перенумерацию, которые дали старт процессу прописки городского населения. Правительство республики переехало в новую столицу в 1928–1929 гг. С этого времени начинается приток населения и бурное строительство в старой части города. В частности, только переезд правительства привел к росту населения города сразу на пять тысяч человек. Если на начало 1929 г. здесь официально проживало 48,3 тыс. чел., то в конце года было зарегистрировано уже 71 тыс. чел.⁹ В марте 1932 г. горсовет принимает решение об обязательной прописке в г. Алма-Ата, в рабочем поселке при ст. Алма-Ата и в п. Малая Станица, мотивируя это необходимостью учета населения¹⁰. Данное решение в полном объеме вводило норму, принятую на союзном уровне еще в 1925 г., об обязательной прописке в городских поселениях. Хотя сама процедура носила уведомительный характер, ее введение позволило сначала фиксировать, а потом и контролировать движение населения по стране [Моисеенко, 2018, с. 129]. В январе 1929 г. в Алма-Ате был введен запрет на проживание ссыльных. С 1930 г. в городе находилось Управление Туркестано-Сибирской железной дороги, одной из главных строек первой пятилетки, что еще более повышало столичный статус города. Есть сведения, что в 1932 г. вновь обсуждался вопрос о переносе столицы, но никаких решений по этому вопросу принято не было.

С переносом столицы началось активное строительство, в основном в старой части города. Несмотря на высокие темпы развития, не удавалось быстро решить такие острые вопросы, как недостаток жилья, слабый уровень городской инфраструктуры, прежде всего канализации и водоснабжения, благоустройство, высокий уровень заболеваемости малярией, достигавший среди горожан 60 %. Часть жилого фонда была обобществлена (точнее – изъята) или выкуплена, а затем передана под административные здания и производственные помещения. На начало 1932 г. в городе насчитывалось почти 7,5 тыс. одноэтажных мелких домов и только 55 двухэтажных¹¹. На одного горожанина приходилось только 2,3 кв. м жилья; из 215 км городских улиц только 12 км числились замощенными. На 80 % городской территории отсутствовал водопровод, большинство населения использовало арычную воду, а в зимнее время пользовалось талой водой. Специфической особенностью города была высокая сейсмичность и постоянная угроза схода селей катастрофического характера. Напомним, что город пережил катастрофические разрушения в связи с землетрясением 1897 г. и селевым потоком 1921 г., вследствие чего строительство защитной дамбы было одним из приоритетов городского руководства.

Население города в период 1926–1939 гг. выросло с 48,3 тыс. до 264,5 тыс. чел. По переписи 1930 г., численность населения была 93 тыс. чел., а спустя два года – уже 132,6 тыс. чел. [Омарова и др., 2025, с. 117]. Суммарный приток населения в Алма-Ату за 1930–1933 гг. составил 124,6 тыс. чел., и миграционный прирост – 81,1 тыс. чел. Две трети потока дали прибывшие из разных городов СССР, треть – из сельской местности. Общее число прибывших в Алма-Ату в 1929–1938 гг. оказалось 396,6 тыс. чел., число выбывших – 180,5 тыс. чел. Механический прирост был равен 216,1 тыс. чел., при этом наименьший прирост городского населения отмечался в 1934 (4,1 тыс. чел.) и 1938 гг. (8,9 тыс. чел.) [Там же], что было в три-четыре раза ниже миграционного прироста в другие годы. Как нам представляется, такое резкое уменьшение числа приезжих стало следствием паспортизации и введения статуса режимного города. Казахская столица изначально была русскоязычным городом. Согласно городской переписи 1930 г., только 6,5 % горожан составляли казахи, около 55 % были записаны русскими и 8,8 % – уйгурами. В 1935 г. доля казахов сильно выросла, до 24 %, на долю лиц европейских национальностей приходилось 69 %. К концу десятилетия ситуация вновь изменилась: доля русских составляла 72 %, казахов – 11 % [Там же].

Прирост населения крупных городов, начавшийся со второй половины 1920-х гг. и резко усилившийся на рубеже 1920–1930-х гг. в связи с раскрестьяниванием деревни и интенсив-

⁹ ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 14. Д. 188. Л. 70, 136, 138.

¹⁰ ГАА. Ф. 174. Оп. 11. Д. 14. Л. 109–113.

¹¹ Там же. Оп. 12. Д. 476. Л. 6–7.

ным промышленным строительством, не мог не настораживать власти. В начале 1930-х гг. в верхах сформировалась установка, согласно которой «города растут чрезмерно», а перемещение значительных масс населения из деревни создает большие трудности. Например, неконтролируемая миграция в города обострила проблему снабжения. В качестве решения было предложено усилить государственный контроль за притоком населения в городские поселения. Таким образом, на начальном этапе главной задачей паспортной системы стала «разгрузка» городов от маргинального и люмпенизированного населения [О введении..., 1933, с. 1–5].

В 1932–1933 гг. в СССР началась частичная паспортизация населения. Вводилось ранжирование территорий страны, и определялась очередность кампании. Зимой-весной 1933 г. 30 городов страны получили «режимный» статус (решение принималось особым постановлением СНК СССР), и паспортизация в них проходила в ускоренном порядке, ее завершение планировалось на лето 1933 г. Вслед за паспортизацией режимных городов в 1933–1934 гг. аналогичную кампанию провели в городах и поселениях городского типа на тех территориях, которые оказались в статусе «нережимных». Согласно постановлениям СНК СССР от 3 и 5 февраля 1933 г., введившим очередность паспортизации, Казахская АССР попала только в третью волну. Паспортизацию здесь планировалось начать осенью 1933 и завершить к осени 1934 г. Для Казахстана изначально были сделаны исключения по срокам паспортизации, которые к тому же постоянно сдвигались. Республика, с одной стороны, демонстрировала высокие темпы урбанизации и индустриализации, с другой – оказалась зоной гуманитарной катастрофы и вынужденных миграций, обусловленных коллективизацией и голодом.

Первые кампании по выселению «лишнего» населения из городов прошли еще до начала паспортизации. В мае 1932 г. с санкции Полномочного Представительства ОГПУ Казахской АССР милиция провела кампанию по ликвидации беспризорности и нищенства¹², которая стала, по сути, кампанией по выселению «чуждого элемента» из столицы. В ходе операции было задержано 1 054 чел. и по итогам проверки 994 чел. поставлены на оперативный учет. Из общего числа задержанных освобождено около 12 %, осуждено – 12 %, на работу в колхозы направлено 73 %, остальные были переданы социальным медицинским службам¹³.

Есть данные, что первое решение о паспортизации города Алма-Атинским Горсоветом было принято уже 27 января 1933 г. Им предписывалось начать кампанию с 5 марта 1933 г. Однако это решение быстро было аннулировано, а председатель горсовета Поздняков снят с должности [Грибанова, 2013, с. 91–92]. Только 5 мая 1933 г. в соответствии с постановлением СНК СССР от 20 марта 1933 г. Казкрайком ВКП(б) принял решение о начале паспортизации населения автономии. В Алма-Ате и еще шести крупных городах она осуществлялась в первую волну. Паспортизации подлежало население столицы с учетом станиц, входивших в городскую черту¹⁴. В рамках подготовки к паспортизации 11 августа 1933 г. бюро Алма-Атинского горкома распорядилось провести среди совпартактива разъяснительную работу о политическом значении введения паспортной системы в СССР. Но и после нее бюро констатировало, что не только руководители предприятий города, но и многие коммунисты недооценивают «назначение этого важнейшего политического мероприятия, направленного на очистку учреждений, предприятий и города от классово-чуждых элементов»¹⁵.

В рамках подготовки к паспортизации в августе 1933 г. была проведена срочная перерегистрация всех домовладений в городе¹⁶. В сентябре силами милиции и совпартактива провели декадник проверки прописки / выписки по домовым книгам¹⁷. В городе создали Центральное адресное бюро, которое должно было обеспечить точный учет населения Алма-Аты. Про-

¹² АП РК. Ф. 412. Оп. 5. Д. 3а. Л. 43.

¹³ ГАА. Ф. 174. Оп. 19. Д. 1. Л. 211–212.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 79. Л. 42.

¹⁵ Там же. Д. 313. Л. 92–93.

¹⁶ ГАА. Ф. 174. Оп. 12. Д. 476. Л. 23.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 313. Л. 34; ГАА. Ф. 174. Оп. 20. Д. 4. Л. 116.

блемным был учет населения в районах самовольной застройки. Так называемый «Копай-Город» в районе Малого Алматинского ущелья насчитывал 420 землянок, представляя собой три самостоятельных поселка: «Нахаловка», «Новая Москва» и «Новый Ленинград».

Согласно первоначальным планам, паспортизация в Алма-Ате должна была пройти с 5 октября по 25 ноября 1933 г.¹⁸ 9 октября в «Казахстанской правде» были опубликованы локации паспортных пунктов. Всего в городе насчитывалось 14 таких пунктов, четыре из которых располагались в прилегающей сельской местности, отнесенной к городской черте. По ходу паспортизации было дополнительно открыто еще несколько паспортных пунктов. Паспорта выдавали также на всех шести предприятиях города: типографии № 1, обувной, шорной и табачной фабриках, кожевенном заводе и фабрике «Книга»¹⁹. Здесь выдачу паспортов провели всего за неделю – с 15 по 23 октября. Документы получили 1 631 чел., из которых 1 368 были непосредственно рабочими и служащими предприятий²⁰.

Особенно сложно шла паспортизация на окраинах города. Входивший в состав города Мало-Станичный сельсовет задержал на несколько дней выдачу паспортов проживающим на его территории рабочим и служащим, отказавшись заверять стандартные справки о социальном положении²¹. В районе Татарской слободки и колхоза «Луч Востока» были организованы передвижные паспортные пункты, поскольку население было территориально сильно рассеяно и занято на сельскохозяйственных работах. Как следствие, в отведенный срок паспортизировать столицу не удалось, и кампанию продлили на весь 1934 г. 27 мая 1934 г. Казкрайком принимает решение о второй волне паспортизации автономии, в которую попадают совхозы, МТС и рабочие поселки Алма-Атинской области. Здесь паспортизацию планировалось провести в период с 1 сентября по 15 ноября 1934 г.²² По мнению начальника Управления милиции КАССР, основной акцент был сделан на документирование населения паспортами, но эффективной системы учета социально-чуждого элемента, за исключением бывших баев и кулаков, сделать так и не удалось²³.

В отчете за август 1934 г. паспортный отдел ГУРКМ НКВД СССР ВЦИКу констатировал, что кампания по паспортизации проведена в стране в установленные сроки, за исключением трех национальных автономий – Каракалпакской, Якутской и Казахской АССР. При этом следует заметить, что к этому времени из столиц национальных автономий удалось завершить паспортизацию только Уфе (Башкирская АССР) и Казани (Татарская АССР)²⁴. Власти республик и регионов стремились получить разрешение Москвы на присвоение административному центру статуса режимного города, что позволяло за счет более жесткого паспортного режима провести выселение «лишнего» населения и решить проблему несанкционированного роста численности городских жителей. При этом далеко не всем городам удавалось привести основательные аргументы в пользу такого решения и тем более получить режимный статус.

Руководство казахской автономии в лице Казахского крайисполкома ВКП(б) уже в 1933 г. обратилось в Политбюро ВКП(б) с инициативой об изменении статуса г. Алма-Ата с обычного на режимный, аргументируя это тем, что город является столицей автономной республики, находится на приграничной территории и в нем расположена узловая станция Туркестано-Сибирской железной дороги. В качестве дополнительного аргумента руководство автономии и города ссылалось на «чрезвычайную засоренность» города «пришлым социально-чуждым люмпенизированным контингентом»²⁵. Политбюро в ноябре 1934 г. эту просьбу отклонило. Новая волна подобных обращений, в том числе и от Казахского ЦК партии, отно-

¹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 25. Д. 79. Л. 43

¹⁹ ГАА. Ф. 174. Оп. 12. Д. 10. Л. 66 – 66 об.

²⁰ Там же. Оп. 20. Д. 3. Л. 147–150.

²¹ Там же. Л. 134–135.

²² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21/1. Д. 1298. Л. 120–121.

²³ ГА АО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

²⁴ Там же. Л. 1.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 907. Л. 27.

сится уже к 1935 г.²⁶ и последующим 1936–1937 гг., но лишь в 1938 г. Алма-Ата получила статус режимного города²⁷.

На 20 декабря 1933 г. паспорта в Алма-Ате получили только 26,3 тыс. чел.²⁸ Годовые паспорта и временные удостоверения выдавались в основном отходникам, занятым на производстве. В январе 1934 г. милиция объявила о порядке обмена временных удостоверений, выдаваемых сезонным рабочим, при условии письменных ходатайств со стороны предприятий и учреждений (Казахстанская правда. 1934. 20 янв.). Прописывали только тех, кто имел паспорт или временное удостоверение, но точные данные о количестве паспортизированных в течение 1933–1934 гг. пока не известны.

При проведении паспортизации в Казахстане возникло несколько острых проблем. Во-первых, зачастую отсутствовали каких-либо документы. В этой связи при паспортизации коммунистов и комсомольцев из числа казахов, не имевших каких-либо документов, рекомендовалось требовать справки-выписки из учетных дел в партийно-комсомольских организациях, на производстве – от профсоюзов, а также в сельсоветах. Разрешалось прибегать к медицинскому освидетельствованию для уточнения возраста. Обязательным для лиц призывного возраста стало требование встать на воинский учет²⁹. Кроме того, паспорта в Казахстане, как и в других союзных и автономных республиках, заполнялись на двух языках, в данном случае – на русском и латиницей на казахском. Но в силу нехватки грамотных национальных кадров, острая потребность в которых ощущалась повсеместно, заполненные на русском языке паспорта в целом ряде случаев не выдавались населению, потому что некому было сделать запись на казахском³⁰. При обмене паспортов в 1940 г. также делалась запись как на русском, так и на казахском, но уже с использованием кириллицы.

Сразу после паспортизации милиция провела рейды в районе Малого Алматинского ущелья. Было установлено, что в землянках проживает 1 122 чел., из них паспорта имелись у 312 чел., на иждивении которых находилось 559 чел., не имели паспорта 73 чел., на иждивении которых было 178 чел. Из 1 122 чел. официально работающими числились 321 чел., 64 чел. нигде официально не работали. Оставшиеся 737 чел. числились иждивенцами. Среди проживающих насчитали 50 семей баптистов и евангелистов³¹. Однако на тот момент оснований к выселению их из города у властей не нашлось. Вскоре последовало указание в течение осени 1934 г. и весны 1935 г. провести переселение всего самовольно поселившегося населения на окраину города. Переселение самовольных застройщиков на отведенные Горкомхозом участки проводилось одновременно с проверкой паспортов³². Под индивидуальную застройку было отведено 75 га, переселяемым выделялись небольшие участки в 6,3 сотки с требованием начать строительство типового дома в течение двух месяцев, в противном случае земля изымалась.

Первая волна паспортизации Казахской АССР была завершена весной 1935 г., по ее итогам паспорта получила лишь четверть населения автономии. В феврале 1935 г. прошла общесоюзная кампания по проверке паспортного режима на нережимных территориях. Основанием к ней стало ужесточение паспортного законодательства в связи с принятием ВЦИКом 1 июля 1934 г. дополнений в Уголовный кодекс об уголовной ответственности за повторное нарушение правил прописки на паспортизированных территориях. Они предусматривали наказание в виде исправительно-трудовых работ на срок до шести месяцев. Проживание без паспорта или временного удостоверения каралось лишением свободы на срок до двух лет³³. С 15 по 25 февраля 1935 г. в Алма-Ате прошел декадник проверки паспортного режима,

²⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 19. Л. 27.

²⁷ СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 201. Л. 128.

²⁸ Подсчитано по: ГАА. Ф. 174. Оп. 20. Д. 3. Л. 122 – 122 об., 200, 209.

²⁹ ГА АО. Ф. 393. Оп. 1. Д. 1. Л. 24.

³⁰ ГАА. Ф. 174. Оп. 19. Д. 1. Л. 211–212.

³¹ Там же. Оп. 15. Д. 133. Л. 24.

³² Там же. Оп. 13. Д. 62 Л. 33.

³³ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 8. Л. 2.

в котором, помимо милиции, участвовало 150 активистов. Город был разбит на 26 оперативных участков, а формат проведения напоминал спецоперацию. По итогам декадника наложили взыскания на 2 743 чел., в том числе на лиц, не имевших паспортов, – 813 чел., за просроченные паспорта и временные удостоверения – 521 чел., не прописанных в домовых книгах – 1 334 чел., «выдворены» из города 435 чел., осуждены 17 чел., а общая сумма наложенных штрафов составила почти 61 тыс. руб.³⁴

В 1935–1936 гг. в СССР начался обмен паспортов, выданных в 1933–1934 гг. В режимных местностях он проводился на основании приказа НКВД СССР № 00279 от 1 августа 1935 г., а в нережимных – на основании приказа НКВД СССР № 019 от 22 августа 1936 г.³⁵ В последних обмен планировали завершить к лету 1937 г.³⁶ Обмен паспортов в Алма-Ате вновь спровоцировал проверку домовладений на территории Малого Алматинского ущелья, где были построены государственные дома отдыха и персональные дачи. Одновременно эта территория, в административном отношении относившаяся к Горно-Октябрьскому сельсовету, активно осваивалась теми, для кого Алма-Ата была закрыта. В письме начальника Хозуправления ЦИК и СНК от 3 декабря 1936 г. в СНК КАССР констатировалось, что «не приняв меры, мы скоро встанем перед фактами массового заселения ущелья людьми полудеклассированными, беспаспортными»³⁷. В результате милиция получила указание провести выселение всех беспаспортных.

5 декабря 1936 г. из состава РСФСР была выведена Казахская АССР и ей был придан статус союзной республики под названием Казахская ССР. 27 марта 1938 г. Совнарком СССР принял постановление «О выдаче паспортов в г. Алма-Ата», ставшее итогом многочисленных обращений местных властей об изменении статуса города на режимный. Согласно этому решению, город был включен в перечень местностей, в которых выдача паспортов производилась на основании утвержденной СНК СССР 14 января 1933 г. инструкции «О выдаче гражданам Союза ССР паспортов в Москве, Ленинграде и Харькове, в 100-километровой полосе вокруг Москвы и Ленинграда и в 50-километровой полосе вокруг Харькова». На территории Алма-Аты вводился паспортный режим, основанный на ограничениях не только для лиц определенных категорий, но также для отбывших наказание и ссылку по многим уголовным и большинству политических статей Уголовного кодекса. Аналогичный статус в августе 1941 г. получил второй по численности населения город республики – Чимкент [Малыгин, Тарасов, 2012, с. 191].

Постановление ЦК КП(б)К «О введении паспортного режима в городе Алма-Ата» от 23 апреля 1938 г. предписывало провести «очистку города Алма-Ата от кулацких, бежавших, бандитских и иных элементов». В развитие этого решения Начальнику управления милиции УНКВД Казахской ССР было дано указание обеспечить соблюдение паспортного режима в городе³⁸. В режимных городах отказниками по паспорту и прописке считались лица, занятые на производстве, но приехавшие без разрешения, лишённые избирательных прав, ссыльные и раскулаченные, бывшие осужденные и перебежчики, а также все, кто не имел жилья. Всем этим группам лиц предписывалось выехать из города, а в случае отказа следовала высылка. В связи с введением паспортного режима в городе провели кампанию по проверке наличия прописки у всего населения, во всех домовладениях вводились новые домовые книги. Отыне в паспорта обязательно следовало клеивать фотографию, в рамках этой процедуры вновь идентифицировалась личность и осуществлялась проверка социального статуса

³⁴ АП РК. Ф. 412. Оп. 5. Д. 140. Л. 67–68.

³⁵ СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 191. Л. 19–22.

³⁶ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 191. Л. 18.

³⁷ ГАА. Ф. 174. Оп. 23. Д. 18. Л. 38.

³⁸ СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 201. Л. 128.

и наличия судимости³⁹. Режимный статус потребовал выделения дополнительных средств из республиканского и городского бюджета⁴⁰.

Принятие решения о режимном статусе Алма-Аты спровоцировало усиление репрессий на завершающем этапе Большого террора, что совпало с общесоюзной кампанией в отношении «злостных нарушителей положения о паспортах», начатой НКВД в связи с принятием приказа от 21 мая 1938 г. Активизировались и милицейские тройки, созданные еще в 1935 г. Приказ НКВД предписывал тройкам максимально широко использовать высылку из городов в нережимные местности и заключение в лагеря на срок до 5 лет. Итогом стало массовое внесудебное осуждение за первичное нарушение обязательства о выезде из режимной местности на срок до трех лет и пятилетнее за повторное нарушение. Только за период с 28 июня по 3 ноября 1938 г. Алма-Атинская милицейская тройка осудила 587 чел.⁴¹

В 1939 г. отселения из Алма-Аты были проведены в рамках двух общесоюзных кампаний, инициированных НКВД СССР: «зачистки узловых железнодорожных пунктов 38 важнейших дорог страны» и в связи с принятием нового «Положения о паспортах» 1938 г. [Малыгин, Тарасов, 2012, с. 133, 184]. В сентябре 1939 г. в городе было проверено 10 322 домовладения, в которых выявлен 181 беспаспортный, 1 244 чел., проживающих без прописки, 5 025 детей, не вписанных в домовые книги, 3 261 ребенок, не вписанный в паспорта родителей, 5 506 жителей, не выписанных из домовых книг, 56 чел. с просроченными паспортами. За нарушение паспортного режима в течение 1939 г. привлечено к уголовной ответственности 32 чел., подвергнуто штрафу 3 318 чел.⁴² Продолжилась и практика выселений. Так, 19 мая 1940 г. Горсовет принял решение о сносе в радиусе 3 км от железнодорожных путей временных жилых построек (землянок), самовольно построенных вблизи железной дороги и железнодорожных станций Алма-Ата I и Алма-Ата II. На отселение отводился месяц, в отношении лиц, не имевших паспортов, милиция оформляла предписания о выселении из города⁴³.

В соответствии с новым Положением о паспортах, утвержденным постановлением СНК СССР от 10 октября 1940 г. за № 1667, Алма-Ата получила статус режимного города второй категории. В отличие от режимных городов 1-й категории⁴⁴, здесь разрешалось проживание лицам, отбывшим наказание не по политическим статьям. Начало войны привело к ужесточению паспортного режима. Прошли кампании по прописке эвакуированного населения, начато документирование лиц, депортированных с новых западных территорий и Кавказа.

В целом в 1930-е гг. Алма-Ата пережила значительный приток населения, с одной стороны, связанный с голодом, с другой – обусловленный интенсивной индустриализацией и городским строительством. Для Алма-Аты паспортизация 1933–1934 гг. не стала инструментом регулирования численности населения, в частности не повлияла на его прирост, хотя и позволила провести несколько кампаний по ликвидации несанкционированных поселений и выселению с городских окраин и из рекреационных зон Малого Алматинского ущелья. Тем не менее избежать маргинализации окраинных районов города не удалось. В ходе подготовки и проведения паспортизации не удалось создать полноценную систему учета деклассированного и уголовного элемента, а также иностранцев, позволившую бы контролировать эти группы населения. Получение в 1938 г. статуса режимного города обеспечило возможность введения более жесткого паспортного режима, ставшего основанием для проведения массовых проверок паспортов и прописки у городского населения. Репрессивные кампании в отношении нарушителей паспортного режима в Алма-Ате относятся к 1937–1939 гг., став частью политических репрессий. Несмотря на то что этот крупнейший в советской Центральной Азии город стал столицей, он оставался периферией, о чем свидетельствовали тем-

³⁹ СГА МВД РК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 8. Л. 116.

⁴⁰ ГАА. Ф. 174. Оп. 28. Д. 17. Л. 55–56.

⁴¹ Подсчитано по: НА РК. Ф. 215. Оп. 5 Д. 22.

⁴² ГАА. Ф. 174. Оп. 15. Д. 34. Л. 35.

⁴³ Там же. Оп. 28. Д. 24. Л. 5, 9.

⁴⁴ СГА МВД РК. Ф. 13. Оп. 1. Д. 213. Л. 75.

пы паспортизации, долгое отсутствие статуса режимного города и несоответствие реального положения дел уровню столицы союзной республики. Алма-Ата оказалась единственной из столиц союзных республик, чей реальный административный статус соответствовал уровню областного центра.

Список литературы

- Аблажей Н. Н., Жанбосинова А. С., Потапова Н. А.** Паспортизация в Казахстане в 1932–1940 гг.: историография, источники и алгоритм кампании // Вестник Карагандинского университета. Серия «История. Философия». 2025. Т. 30, № 1 (117). С. 39–50.
- Байбурин А. К.** Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Европ. ун-т, 2017. 488 с.
- Биксби П.** Паспорт: культурная история от древности до наших дней. СПб.: Livebook, 2025. 400 с.
- Гольдман В.** Проза о советском паспорте: рабочие и свободное переселение (конец 1920-х – начало 1930-х гг.) // Новый исторический вестник. 2005. № 1. С. 72–92.
- Грибанова Е. М.** Из истории паспортизации граждан Казахской ССР и г. Алма-Аты в 1930 гг. // Роль архивов в современном обществе (материалы международной научно-практической конференции). Алматы, 2013. С. 87–97.
- Жалмагамбетов Е. А.** Из истории строительства столицы Казахстана города Кызылорды: первый опыт и ход строительства // Вестник КазНПУ. 2013. № 2 (37). С. 173–180.
- Крылов М. П., Крылов П. М.** Многоцентрие и пространственная динамика центров регионов: опыт историко-географического моделирования и типологии // Перенос столицы: Исторический опыт геополитического проектирования: Материалы конф. 28–29 октября 2013 г. М., 2013. 164 с.
- Малыгин А. Я., Тарасов А. Ю.** Паспортная система советского государства: становление и эволюция. Руза: Моск. обл. филиал МУ МВД России, 2012. 286 с.
- Меерович М. Г.** Наказание жилищем: жилищная политика в СССР как средство управления людьми (1917–1937 годы). М.: РОССПЭН, 2008. 303 с.
- Моисеенко В.** Миграция из сельской местности в городские поселения в СССР в 1920-е годы // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 2. С. 122–146.
- Муан Н.** Внутрисоюзные границы гражданственности: территориальное выражение дискриминации в Советском Союзе через паспортную систему // Режимные люди в СССР. М., 2009. С. 257–276.
- Омарова Г. А., Уалтаева А. С., Маргулан А. С.** Демографическое и социокультурное развитие города Алматы в 1854–1939 гг. // Отан тарихы. 2025. Т. 28, № 1. С. 105–123. DOI 10.51943/2788-9718_2025_28_1_105-123
- Попов В. П.** Паспортная система советского крепостничества // Новый мир. 1996. № 6. С. 96–112.
- Потемкина М. Н., Кузнецова И. В.** Паспортизация городского населения СССР в 1930-х гг. // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 4 (46). С. 167–174.
- Режимные люди в СССР / Отв. ред. Т. С. Кондратьева, А. К. Соколов. М.: РОССПЭН, 2009. 367 с.
- Тарасов А. Ю.** Паспортная система и паспортный режим в Советском государстве в 30-е гг. XX века: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. 166 с.
- Kessler G.** The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940 // Cahiers du monde Russe. 2001. Vol. 42, no. 2. P. 477–504.
- Moine N.** Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l'identité sociale // Cahiers du monde Russe. 1997. Vol. 38, no. 4. P. 587–600.

Список источников

Казахстанская правда. 1934. 20 янв.

- Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы / Под ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Наумов, Ю. Сигачев. М.: МФД, 1999. 512 с.
- О введении единой паспортной системы в СССР: законодательные и директивные материалы. М.: Сов. законодательство, 1933. 23 с.

References

- Ablazhey N. N., Zhanbossinova A. S., Potapova N. A.** Paspportizatsiya v Kazakhstane v 1932–1940 gg.: istoriografiya, istochniki i algoritm kampanii [Introduction of the Passport System in Kazakhstan in 1932–1940: Historiography, Sources and Campaign Algorithm]. *Vestnik Karagandinskogo universiteta. Seriya “Istoriya. Filosofiya”* [Bulletin of the Karaganda University. History, Philosophy Series], 2025, vol. 30, no. 1 (117), pp. 39–50. (in Russ.)
- Baiburin A. K.** Sovetskii pasport: istoriya – struktura – praktiki [The Soviet Passport: History – Structure – Practices]. St. Petersburg, Evropeiskii universitet, 2017, 488 p. (in Russ.)
- Bixby P.** Pasport: kul’turnaya istoriya ot drevnosti do nashikh dnei [The Passport: The Cultural History from Antiquity to the Present Day]. St. Petersburg, Livebook Publ., 2025, 400 p. (in Russ.)
- Goldman W.** Proza o sovetskom pasporte: rabochie i svobodnoe pereselenie (konets 1920-kh – nachalo 1930-kh gg.) [Prose about the Soviet Passport: Workers and Free Resettlement (Late 1920s – Early 1930s)]. *Novyi istoricheskii vestnik* [The New Historical Bulletin], 2005, no. 1, pp. 72–92. (in Russ.)
- Gribanova E. M.** Iz istorii pasportizatsii grazhdan Kazakhskoi SSR i g. Alma-Aty v 1930 gg. [From the History of Passportization of Citizens of the Kazakh SSR and the City of Alma-Ata in the 1930s]. In: Rol’ arkhivov v sovremennom obshchestve (materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii) [The Role of Archives in Modern Society (Proceedings of the International Scientific and Practical Conference)]. Almaty, 2013, pp. 87–97. (in Russ.)
- Kessler G.** The Passport System and State Control over Population Flows in the Soviet Union, 1932–1940. *Cahiers du monde Russe*, 2001, vol. 42, no. 2, pp. 477–504.
- Kondratieva T. S., Sorokina A. K.** (eds.). Rezhimnye lyudi v SSSR [Regime People in the USSR]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2009, 367 p. (in Russ.)
- Krylov M. P., Krylov P. M.** Mnogotsentrie i prostranstvennaya dinamika tsentrov regionov: opyt istoriko-geograficheskogo modelirovaniya i tipologii [Polycentrism and Spatial Dynamics of Regional Centers: The Experience of Historical-Geographical Modeling and Typology]. In: Perenos stolitsy: Istoricheskii opyt geopoliticheskogo proektirovaniya. Materialy konferentsii 28–29 oktyabrya 2013 g. [Transfer of the Capital: Historical Experience of Geopolitical Planning. Conference Proceedings, October 28–29, 2013]. Moscow, 2013, pp. 62–69. (in Russ.)
- Malygin A. Ya., Tarasov A. Yu.** Paspportnaya sistema sovetskogo gosudarstva: stanovlenie i evolyutsiya [The Passport System of the Soviet State: Formation and Evolution]. Ruza, Moskovskii oblastnoi filial MU MVD Rossii, 2012, 286 p. (in Russ.)
- Meerovich M. G.** Nakazanie zhilishchem: zhilishchnaya politika v SSSR kak sredstvo upravleniya lyud’mi (1917–1937 gody) [Punishment by Housing: Housing Policy in the USSR as a Means of Governing People (1917–1937)]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008, 303 p. (in Russ.)
- Moiseenko V.** Migratsiya iz sel’skoi mestnosti v gorodskie poseleniya v SSSR v 1920-e gody [Rural-Urban Migration in the USSR in the 1920s]. *Demograficheskoe obozrenie* [Demographic Review], 2018, vol. 5, no. 2, pp. 122–146. (in Russ.)
- Moine N.** Passeportisation, statistique des migrations et contrôle de l’identité sociale. *Cahiers du monde Russe*, 1997, vol. 38, no. 4, pp. 587–600.
- Moine N.** Vnutrisoyuznye granitsy grazhdanstvennosti: territorial’noe vyrazhenie diskriminatsii v Sovetskom Soyuze cherez pasportnyuyu sistemu [Intra-Union Borders of Citizenship: Territorial Expression of Discrimination in the Soviet Union through the Passport System]. In: Rezhimnye lyudi v SSSR [Regime People in the USSR]. Moscow, 2009, pp. 257–276. (in Russ.)
- Omarova G. A., Ualtaeva A. S., Margulan A. S.** Demograficheskoe i sotsiokul’turnoe razvitie goroda Almaty v 1854–1939 gg. [Demographic and Sociocultural Development of the City

- of Almaty in 1854–1939]. *Otan tarikhy* [*History of the Motherland*], 2025, vol. 28, no. 1, pp. 105–123. (in Russ.) DOI 10.51943/2788-9718_2025_28_1_105-123
- Попов В. П.** Paspornaya sistema sovetskogo krepostnichestva [The Passport System of the Soviet Serfdom]. *Novyi mir* [*New World*], 1996, no. 6, pp. 96–112. (in Russ.)
- Potemkina M. N., Kuznetsova I. V.** Paspornizatsiya gorodskogo naseleniya SSSR v 1930-kh gg. [Passport System of the Urban Population of the USSR in the 1930s]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [*Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*], 2014, no. 4 (46), pp. 167–174. (in Russ.)
- Tarasov A. Yu.** Paspornaya sistema i pasportnyi rezhim v Sovetskom gosudarstve v 30-e gg. XX veka [The Passport System and Passport Regime in the Soviet State during the 1930s]. Diss. of Cand. Jur. Sci. Moscow, 2005, 166 p. (in Russ.)
- Zhalmagambetov E. A.** Iz istorii stroitel'stva stolitsy Kazakhstana goroda Kyzylordy: pervyi opyt i khod stroitel'stva [From the History of the Construction of the Capital of Kazakhstan, the City of Kyzylorda: The First Experience and the Course of Construction]. *Vestnik KazNPU* [*Bulletin of KazNPU*], 2013, no. 2 (37), pp. 173–180. (in Russ.)

List of Sources

- Kazakhstanskaya pravda [Kazakh Truth], 1934, Jan. 20. (in Russ.)
- Lavrentii Beriia. 1953. Stenogramma iyul'skogo plenuma TsK KPSS i drugie dokumenty [Lavrentiy Beria. 1953. Transcript of the July Plenum of the CPSU Central Committee and Other Documents]. Ed. by acad. A. N. Yakovlev. Comp. by V. Naumov, Yu. Sigachev. Moscow, MFD, 1999, 512 p. (in Russ.)
- O vvedenii edinoi pasportnoi sistemy v SSSR: zakonodatel'nye i direktivnye materialy [On the Implementation of a Unified Passport System in the USSR: Legislative and Directive Materials]. Moscow, Sovetskoe zakonodatel'stvo Publ., 1933, 23 p. (in Russ.)

Информация об авторах

- Наталья Николаевна Аблажей**, доктор исторических наук
Scopus Author ID 57207309210
WoS Researcher ID AAY-9828-2020
- Альбина Советовна Жанбосинова**, доктор исторических наук, профессор
Scopus Author ID 58870079400
WoS Researcher ID N-5002-2014

Information about the Authors

- Natalia N. Ablazhey**, Doctor of Sciences (History)
Scopus Author ID 57207309210
WoS Researcher ID AAY-9828-2020
- Albina S. Zhanbossinova**, Doctor of Sciences (History), Professor
Scopus Author ID 58870079400
WoS Researcher ID N-5002-2014

Статья поступила в редакцию 13.05.2025;
одобрена после рецензирования 05.06.2025; принята к публикации 16.06.2025
The article was submitted on 13.05.2025;
approved after reviewing on 05.06.2025; accepted for publication on 16.06.2025

Научная статья

УДК 94(47).05 + 821.161.1

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-141-152

Редакции «Записок» чиновника Коллегии иностранных дел И. М. Цебрикова о событиях русско-турецкой войны и присоединении Крыма в 1768–1787 годах

Иван Анатольевич Поляков¹

Мария Александровна Смирнова²

^{1,2} Российская национальная библиотека
Санкт-Петербург, Россия

¹ ivan669@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2790-1891>

² smirmar@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9756-2699>

Аннотация

Статья посвящена рукописному памятнику автобиографического жанра, озаглавленному «Записки, или Журнал, веденный статским советником Иваном Цебриковым с 1768 года с открытия с Портою Оттоманскою Россиею войны, о Крыме и 4-х нагайских ордах, и о прочем». Автор сочинения – Иван Максимович Цебриков, коллежский регистратор, служащий полковой канцелярии графа П. А. Румянцева-Задунайского, брат известного литератора и переводчика Романа Максимовича Цебрикова. В статье вводится в научный оборот ранее не известная редакция памятника, сохранившаяся в Отделе письменных источников Государственного исторического музея. На основе сопоставления текста с хранящимся в Архиве внешней политики Российской империи подносным экземпляром «Записок» сделаны наблюдения о работе И. М. Цебрикова над созданием двух одновременных редакций.

Ключевые слова

рукописная культура, автобиографические памятники, русско-турецкая война 1768–1774 гг., присоединение Крыма к Российской империи

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 22-78-10135

Для цитирования

Поляков И. А., Смирнова М. А. Редакции «Записок» чиновника Коллегии иностранных дел И. М. Цебрикова о событиях русско-турецкой войны и присоединении Крыма в 1768–1787 годах // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 141–152. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-141-152

The Editions of the Official of the Foreign Affairs' Collegium I. M. Tsebrikov's "Notes" on the Events of the Russian-Turkish War and the Accession of Crimea in 1768–1787

Ivan A. Poliakov¹, Maria A. Smirnova²

^{1,2} National Library of Russia
St. Petersburg, Russian Federation

¹ ivan669@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2790-1891>

² smirnm@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9756-2699>

Abstract

The article examines a handwritten autobiographical work titled "The Notes, or a Journal Kept by State Councilor Ivan Tsebrikov from 1768 Regarding the Beginning of the Russo-Turkish War between Russia and the Ottoman Porte, about the Crimea and the Four Nogai Hordes, and Other Things". The author, Ivan Maksimovich Tsebrikov, served as a collegiate registrar and worked in the regimental chancellery of Count P. A. Rummyantsev-Zadunaisky. As an eyewitness and participant in the Russo-Turkish War of 1768–1774 and the events surrounding the Russian Empire's annexation of Crimea, I. M. Tsebrikov provides a detailed account of his experiences. This study presents a previously unknown version of the work, preserved in the State Historical Museum (SHM), alongside a corresponding copy in the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire (AFPRES). The objective of the research is to clarify the nature of the relationship between the two texts: whether they are copies of a single work, two editions, or entirely independent literary pieces. A codicological and textual comparison of the two manuscripts indicates that they are simultaneous authorial editions intended for different audiences. The manuscript from the AFPRES is regarded as the official version created for the Ministry of Foreign Affairs, while the "Notes..." from the SHM were directed toward descendants and include portraits of the Tsebrikov brothers set against the backdrop of significant national events. The "Notes..." of I. M. Tsebrikov represent a remarkable instance in Russian memoir literature from the late 18th to the early 19th century, showcasing two simultaneous authorial editions of the exact text.

Keywords

manuscript culture, autobiographical sources, the Russo-Turkish War of 1768–1774, incorporation of the Crimea to the Russian Empire

Acknowledgement

The reported study was funded by the Russian Science Foundation according to the research project no. 22-78-10135

For citation

Poliakov I. A., Smirnova M. A. The Editions of the Official of the Foreign Affairs' Collegium I. M. Tsebrikov's "Notes" on the Events of the Russian-Turkish War and the Accession of Crimea in 1768–1787. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 141–152. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-141-152

Коллектив сотрудников Российской национальной библиотеки более пяти лет ведет систематическую работу по поиску и изучению различных форм письменной автобиографической традиции русского общества XVII – начала XX в. На материале крупнейших архивохранилищ России была предпринята работа по сплошному просмотру *de visu* основных собраний русской рукописной и печатной книги, а также личных архивных фондов и коллекций. Результатами этого продолжающегося исследования стало обнаружение, атрибуция и сравнительное изучение как отдельных ранее не известных автобиографических записей-экстратекстов, так и значительных по объему комплексов дневников и мемуарной литературы, вышедших из-под пера авторов из самых различных слоев русского общества. А. Г. Тартаковский, обобщивший и подсчитавший мемуарные произведения XVIII – начала XIX в., довольно категорично выразился о перспективах их обнаружения: «Трудно предположить, чтобы при чрезвычайно пристальном интересе к ним на протяжении прошедших двух веков со стороны архивистов, историков, издателей исторических журналов и т. д., в архивах находились бы еще сколько-нибудь значительные массивы неизвестных доселе дневников и воспоминаний XVIII в.» [Тартаковский, 1991, с. 24–25]. Последние архивные изыскания доказывают обратное: не введены в научный оборот не только отдельные записи-экстратексты, но и значительное количество памятников крупных жанровых форм автобиографической лите-

ратуры [Поляков, 2021; Смирнова, 2021]. Одно из таких произведений – «Записки» Ивана Максимовича Цебрикова – является предметом настоящего исследования.

При работе с фондами Отдела письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ) была обнаружена ранее не привлекавшая внимание исследователей рукопись, содержащая записки очевидца о событиях 1768–1782 гг.¹ Формата *in folio*, она написана на русской бумаге с белой датой 1826 г. и представляет собой восемь сброшюрованных тетрадей, составляющих 64 листа. Текст на обороте последнего листа обрывается. Можно предположить, что существовали и другие тетради, однако неизвестно, сохранились ли они до сегодняшнего дня. Заглавие на первом листе содержит информацию об имени автора и основных событиях: «Записки, или Журнал, веденный статским советником Иваном Цебриковым с 1768 года с открытия с Портою Оттоманскою Россиею войны, о Крыме и 4-х нагайских ордах, и о прочем»². Рукопись является автографом и написана в той же манере, что и собственноручное прошение И. М. Цебрикова 1808 г. с описанием его службы после возвращения из Крыма³.

Историю ее бытования и обстоятельства поступления в собрание ГИМ установить не удалось, так как фонд № 92 «Дневники, мемуары, записки» составлен из отдельных не связанных друг с другом материалов, попадавших в фонды музея в первой половине – середине XX в. Документ был извлечен из связки бумаг и описан в 1955 г.⁴

При транслитерации «Записок» И. М. Цебрикова из ОПИ ГИМ и изучения историографии была обнаружена публикация отрывка похожего текста, содержавшегося в деле из фонда Главного архива Азиатского департамента МИД в Архиве внешней политики Российской империи (АВПРИ)⁵. Фрагмент из двадцати листов о заключении Карасубазарского договора 1772 г. был включен в сборник документов из архивов МИД «Крым в развитии России», изданный в 2018 г. [Крым в развитии России..., 2018, с. 229–253]. В 2023 г. публикация данного отрывка без изменений была включена во второе издание сборника [Крым в развитии России..., 2023, с. 202–222].

Рукопись записок И. М. Цебрикова из АВПРИ выполнена в той же манере и в том же формате, однако в два раза больше по объему и содержит 125 листов бумаги с филигранью с белой датой 1828–1829 гг. Она хранится в министерской папке с названием «Описание Крыма, составленное ст[атским] сов[етником] Цебриковым» и первым листом с припиской о препровождении всего документа в архив Министерства иностранных дел⁶. Текст содержит лаконичное заглавие «Записки о Крыме и прочем»⁷ и завершается послесловием автора: «И сим оканчиваю мои длинныя обо всем виденном и постигаемом от юности до старости сии записки. В Харькове сентября 5-го дня 1829 года перепискою конченныя мною. Статский советник и кавалер Иван Цебриков. На 75-м годе жизни конченны»⁸.

Оформление, послесловие и место хранения указывают на то, что рукопись является подносным экземпляром руководству МИД. Это подтверждает и обнаруженное в другой описи фонда Азиатского департамента сопроводительное письмо И. М. Цебрикова от 31 декабря 1829 г., адресованное министру графу К. В. Нессельроде⁹. В нем Цебриков подробно рассказывает о своей службе, убеждая адресата, что он был не только свидетелем, но и участником описываемых событий, и сообщает причину, по которой приступил к написанию воспомина-

¹ ОПИ ГИМ. Ф. 92. № 111.

² Там же. Л. 1.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. № 105. Л. 23–25.

⁴ Авторы статьи благодарят сотрудников ОПИ ГИМ за помощь в работе над изучением рукописи и истории ее бытования.

⁵ АВПРИ. Ф. 161. II-26. Оп. 71. 1830 г. № 2. Авторы статьи благодарят руководство АВПРИ за предоставление копии рукописи для работы и издания.

⁶ АВПРИ. Ф. 161. II-26. Оп. 71. 1830 г. № 2. Л. 1.

⁷ Там же. Л. 2.

⁸ Там же. Л. 125 об.

⁹ Там же. Л. 2 – 3 об.

ний: «политические дела о Крыме и о протчем никогда из памяти не выходили, а к тому имея с давняго времени у себя с тех важных дел несколько верных списки, <...> основываясь во всем на точности событий, написал я обстоятельные записки»¹⁰.

Автором «Записок» был статский советник Иван Максимович Цебриков, родившийся в середине 1750-х гг. Цебриковы были уроженцами Харькова и происходили из слободских казаков. Иван Максимович служил в канцелярии харьковского губернатора Е. А. Щербинина¹¹. Дальнейшие этапы службы И. М. Цебрикова описаны в его сочинении, сведения которого полностью подтверждаются записями в делопроизводственных документах. С 1772 г. Цебриков находился в Крыму «при татарских делах»¹² – в посольстве Е. А. Щербинина к ногайским ордам. С 1775 по 1779 г. служил в канцелярии генерал-губернатора Малороссии графа П. А. Румянцева-Задунайского в Москве и Киеве. В 1779 г. был командирован в штаб резидента при крымском хане Шагин-Гирее А. Д. Константинова и был секретарем русского посланника в Крыму П. П. Веселицкого. В 1783 г. Иван Максимович уволился из Коллегии иностранных дел и вернулся в Харьков. «Ныне обретаюсь и стряпчим», – писал он о себе в 1785 г.¹³, пребывая в этой должности в верхней расправе во втором департаменте казенных дел Харьковского наместничества¹⁴. С 1805 по 1820 г. адрес-календари указывают на службу И. М. Цебрикова советником губернского правления Слободско-Украинской губернии. Последние сведения об авторе «Записок» датированы 1 марта 1830 г. по его письму графу К. В. Нессельроде¹⁵.

Более известен младший брат Ивана Максимовича – Роман Максимович Цебриков, переводчик, литератор и музыкант¹⁶. Он обучался в Лейпцигском и Нюрнбергском университетах, служил переводчиком Коллегии иностранных дел в походной канцелярии Г. А. Потемкина, был помощником начальника 3-го отделения Комиссии составления законов, трудился в секретной экспедиции Министерства внутренних дел. Еще в конце XIX в. А. Ф. Бычковым в журнале «Русская старина» был помещен фрагмент дневника Р. М. Цебрикова о штурме Очакова в 1788 г. [Цебриков, 1895]. В 2009 г. С. А. Козлов переиздал эти записи и опубликовал несколько литературных произведений Р. М. Цебрикова автобиографического характера [Козлов, 2009]. Автографы этих сочинений, а также многих переводов и бумаг хранятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в личном архиве Р. М. Цебрикова¹⁷. В 2013 г. по списку начала XX в. из Центрального государственного исторического архива Украины В. Ю. Иващенко было издано автобиографическое «Письмо к старинному моему приятелю...» Р. М. Цебрикова [Цебриков, 2013].

Сюжетами произведения стали обстоятельства службы И. М. Цебрикова и связанные с ними события в период с 1770 по 1787 г. «Записки» из ОПИ ГИМ сохранились не полностью – описание обрывается на происшествиях марта 1782 г., тогда как повествование в документе из АВПРИ доведено до 1787 г.

На первом листе рукописи ОПИ ГИМ сверху рукой автора сделана приписка «2-я», что было ошибочно интерпретировано при описании для электронного каталога музейных фондов ГИМ как «часть 2». В рукописи АВПРИ повествование структурно разделено автором на три части по хронологическому признаку, на что он сам указал в тексте: «И как я с 22-го июня (1775 г. – *И. П., М. С.*) по пожаловании губер[нато]ра Щербинина в сенаторы отошел с вышесказанными о татарской камисии делами в ведомство графа Петра Александ-

¹⁰ АВПРИ. Ф. 161. II-26. Оп. 71. 1830 г. № 2. Л. 2 об. – 3.

¹¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. № 105.

¹² Там же. Л. 5.

¹³ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. № 2789. Л. 1.

¹⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. № 105. Л. 7.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 161. II-25. Оп. 71. 1830 г. № 2. Л. 6 – 6 об.

¹⁶ Основные факты биографии Р. М. Цебрикова приведены в статье М. А. Арзумановой для «Словаря русских писателей XVIII в.» [2010].

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 830. № 1–4.

ровича Румянцова, почему и записки вел, особо 2-ю и 3-ю частью, до присоединения Крыма 1783 года к России»¹⁸.

В первой части описаны военные события на Крымском полуострове 1771 г., посольство Е. А. Щербинина в Крым и переговоры с ногайскими мурзами, подписание Карасубазарского мирного договора 1772 г., восстание под руководством Е. И. Пугачева, обстоятельства заключения Кючук-Кайнарджийского мирного договора, приезд Е. А. Щербинина для отчета в Москву.

Вторая часть открывается описанием пышного празднества в Москве летом 1775 г. по поводу заключения мира и содержит рассказ о периоде службы И. М. Цебрикова в «татарских комиссиях» под руководством графа П. А. Румянцева и непосредственного начальника П. П. Веселицкого в Москве и Киеве в 1775–1777 г.

Заключительная часть «Записок» значительно больше по объему и посвящена времени пребывания И. М. Цебрикова в Крыму при посланнике П. П. Веселицком в 1779–1783 гг. Сюжетами повествования стали: дипломатия, происшествия, настроения местной аристократии, повседневная жизнь при дворе посланника. В произведении подробно описаны обряды, этикет, приведены цитаты из документов и устных речей татарских властей и представителей российского посольства. Особенно ярко отмечены хитросплетения восточной дипломатии и опасности, которым подвергался штат русского посланника в Крыму.

Центральным эпизодом в третьей части является рассказ о восстании в Крыму в 1782 г., в ходе которого автору пришлось проявить себя не только в роли исполнительного секретаря посланника, но и в роли умелого дипломата¹⁹. В формулярном списке И. М. Цебрикова особо отмечены его заслуги в этих событиях²⁰.

Большое внимание автор уделил интригам ханского переводчика Я. И. Рудзевича (Якуба-аги) в канун обнародования манифеста 1783 г. о присоединении Крыма к Российской империи²¹. Втянутого в них И. М. Цебрикова, по его собственным словам, «заняла <...> борьба присяги за границу и внутреннее о Крыме желании постижение, написал <...> ночью прямо набело письмо высочайшаго кабинета письмоводителю генерал-майору Безбородке», в котором обвинил Я. И. Рудзевича в утаивании донесения Г. А. Потемкину²².

Завершается повествование отъездом И. М. Цебрикова из Крыма осенью 1783 г. и описанием его краткого пребывания в Санкт-Петербурге, Москве и Харькове. В конце произведения приведен рассказ о жизненном пути еще одного героя «Записок» после 1783 г. – бывшего крымского хана Шагин-Гирея, убитого в 1787 г. на о. Родос по приказанию турецкого султана.

На всем протяжении «Записок» рассказ автора подкреплен текстами документов: официальных и частных писем высокопоставленных особ, указов, инструкций и т. д. В рукописи АВПРИ автор даже сохранил визуальное расположение структурных элементов документов на листе: титулов, подписей и печатей. В круг должностных обязанностей И. М. Цебрикова входило составление и копирование официальных бумаг, поэтому вполне логично их присутствие в тексте памятника, на что он сам неоднократно указывал в тексте произведения. К примеру, при назначении в Крым он «занимался при г. резиденте перепискою набело разных секретных от него донесений фельдмаршалу графу Румянцову-Зад[унайско]му»²³.

Исходя из данных бумаги и приписок о позднейших событиях, обе рукописи были переписаны приблизительно в одно время – в конце 1820-х гг., и являются автографами И. М. Цебрикова. На рукописи ОПИ ГИМ есть несколько приписок на полях: 1827 г. о мо-

¹⁸ АВПРИ. Ф. 161. П-26. Оп. 71. 1830 г. № 2. Л. 44 об.

¹⁹ Там же. Л. 63 об. – 71.

²⁰ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. № 105. Л. 5–7.

²¹ АВПРИ. Ф. 161. П-26. Оп. 71. 1830 г. № 2. Л. 99 об. – 101.

²² Там же. Л. 100.

²³ Там же. Л. 54.

лебне в годовщину заключения Кючук-Кайнарджийского мира²⁴, а также о болезни сына: «сын Григорий последних числ маяя 1828 г. сильно горячкою заболел по приезде из Беляевки»²⁵. Последняя запись важна для датировки текста, поскольку сын Ивана Максимовича Григорий умер в Харькове 7 июня 1828 г. [Парамонов, 2011, с. 245]. Не менее информативна там же сделанная приписка «лутче написалось сие в последних записках»²⁶: эта помета может быть интерпретирована как указание на параллельную работу И. М. Цебрикова с двумя рукописями его «Записок».

Сопоставление присутствующих в обеих рукописях сюжетов показало, что набор описываемых внешнеполитических и дипломатических событий и процитированных документов практически полностью совпадает. Текст «Записок» ОПИ ГИМ более краток, упущены некоторые подробности, укорочены рассказы о дипломатических приемах, отсутствуют сводки о военном положении противоборствующих стран, некоторые документы и детали служебной деятельности автора. В то же время в «Записках» из рукописи АВПРИ И. М. Цебриков выступает скорее как свидетель, а не основной участник событий. Главными героями его произведения становятся известные полководцы, дипломаты, представители крымской администрации, а биография автора уходит на второй план. Лишь в нескольких эпизодах он фокусируется на своем положении, поведении и испытанных эмоциях. К примеру, описав обстоятельства встречи Е. А. Щербинина с крымским ханом в Бахчисарае летом 1772 г., автор отметил, что тоже присутствовал на приеме: «На оной превосходной для российского посла у хана крымскаго аудиенсии писатель об ней быв юн, удостоен быть одетым изрядно, хотя приказный, стоя и на все глядя между знатным собранием, подчиван подносимым на китайской фархворной посуде сладким вареньем костяною белою ложечкой и шербетом»²⁷. После 1783 г. воспоминания становятся более личными: И. М. Цебриков описывает уже не исторические события, а свои встречи и разговоры с высокопоставленными особами, друзьями и бывшими сослуживцами. Одним из последних эпизодов стал визит автора во время его пребывания в Москве осенью 1783 г. в дом Е. А. Щербинина. Бывший начальник не узнал своего письмоводителя, но подробно расспросил о службе и дальнейших планах. «Убеждал отобедать. Отпросился тем, что сопутник уедит. “Жалею, что не остаешься, прощай, желаю тебе счастья”. Ростался навеки. Он скоро умре, осенью 1783 г.», – с грустью констатировал И. М. Цебриков²⁸.

В рукописи ОПИ ГИМ текст воспоминаний об исторических событиях меньше по объему, а повествование значительно больше сфокусировано на жизни самого автора. Так, в ней присутствуют многие эпизоды, не отразившиеся в рукописи АВПРИ: проезд «на прекрасном фиатоне» императрицы Екатерины II, «яко Минервы», по улицам Москвы на Пасху 1773 г.²⁹; встреча с Е. А. Щербининым около Черкасс в 1774 г. 130-летнего казака, участвовавшего в походах Петра I³⁰; праздничные мероприятия на Ходынском поле в 1775 г.³¹; будни секретарской службы у П. П. Веселицкого в Москве и Киеве; служба митрополита Платона (Левшина) в Успенском соборе в Кремле, на которой присутствовал автор³². Цебриков подробно пишет о своей жизни в 1777–1779 гг. в Киеве и Харькове, о местных властях и своей семье, в первую очередь о младшем брате Романе, для которого стал вторым отцом и ради кого отправился в опасное предприятие в Крым. Свой отъезд в 1779 г. на полуостров, чреватый многими неудобствами и опасностью для жизни, И. М. Цебриков объяснил размером жалованья,

²⁴ ОПИ ГИМ. Ф. 92. № 111. Л. 20.

²⁵ Там же. Л. 21 об.

²⁶ Там же.

²⁷ АВПРИ. Ф. 161. II-26. Оп. 71. 1830 г. № 2. Л. 16 об.

²⁸ Там же. Л. 121 – 121 об.

²⁹ ОПИ ГИМ. Ф. 92. № 111. Л. 16.

³⁰ Там же. Л. 22 об.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 16, 22 об., 34 – 39 об.

на которое его брат может обучаться языкам за границей³³. Далее, при характеристике крымских событий 1780 г., автор сделал пространное отступление о судьбе Романа, которого через знакомых смог устроить переводчиком к немецким купцам, отправляющимся в Лейпциг. Эпизоды взаимоотношений двух братьев содержат уникальные биографические сведения о жизненном пути Романа, не известные по другим источникам. Более подробно в рукописи ОПИ ГИМ изложен и путь автора из Харькова в Крым: описаны все тяготы путешествия, приведены наиболее яркие моменты, случившиеся с И. М. Цебриковым в дороге, и диалоги с попутчиками и местными жителями. Большое внимание в этой рукописи уделено впечатлениям и эмоциям автора о происходящих событиях.

Стилистические и тематические различия между редакциями проиллюстрируем примером – описанием окончания празднований по случаю триумфального въезда графа П. А. Румянцева в Москву в 1775 г. (см. таблицу). Помимо общих сведений о мероприятии в рукописи ОПИ ГИМ автор особо отметил свое личное отношение к фигуре известного полководца и пересказал увиденный им сон.

Сопоставление описаний триумфа графа П. А. Румянцева
Comparison of descriptions of the triumph of Count P. A. Rumyantsev

АВПРИ. Ф. 161. II-26. Оп. 71. 1830 г. № 2. Л. 44 об.	ОПИ ГИМ. Ф. 92. № 111. Л. 28 об.
«...первенствующему министру графу Никите Ивановичу Панину и государственной военной коллегии президенту графу Захару Григорьевичу Чернышеву другу. Сии три Российскаго отечества столбы своим даром благоразумием постижениями предзрения в распоряжениях как политических резонами, так и военных действия операций при мудрой государыне Екатерине 2-й, матери россов, сохранили отечество в его славе, величии и прерогативе при зависти Оттоманской Порты и других дворов».	«...графам Никите Ивановичу Панину и Захару Григорьевичу Чернышеву. Это три столбы своим благоразумием и своими распоряжениями при мудрой государыне Екатерине 2-й сохранили отечество россов в его славе и прерогативе. По таком зрении величественной почести, возданной великому полководцу, мужу славы, графу Румянцову оказанной императрицею, придворными знатными вельможи, войсками, военным генералитетом, сенаторами, всеми знаменитами первыми государства лицами, почти миллионным разным народным стечением людства и высоким духовенством. Шедши я на квартиру с наполненным воображением о такой чести великому мужу графу Румянцову зримой и с оным быв губернским регистратором, в маленьком чуланчику уснул, и спавши крепко, истинно видел во сне графа Румянцова в его великолепном мундире и кавалериях, окруженнаго большими людьми. И проснувшись, гадал, что и великим людям в их славе предлежат какие-то препоны, которые впоследствии времени при его особе фельдмаршала уже кружение имели».

³³ ОПИ ГИМ. Ф. 92. № 111. Л. 42 об. – 43.

Такое соотношение двух рукописей позволяет высказать предположение о том, что перед нами не две авторские копии текста памятника, а две его одновременные редакции, созданные для разных целей и адресованные разной аудитории. Основываясь на определении Д. С. Лихачева, «для того чтобы решить, что перед нами в тех или иных списках произведения новая редакция произведения, – надо прежде всего вскрыть целенаправленный характер особенностей текста этих списков» [Лихачев, 1962, с. 117]. При этом оба текста «Записок» И. М. Цебрикова «не утрачивают своей “единоцелостности”», по емкому определению А. Г. Тартаковского [1980, с. 49], что не дает оснований рассматривать их как два самостоятельных произведения.

Сопоставление отдельных фрагментов текста и сюжетов в обеих рукописях позволяет сделать следующие наблюдения. В рукописи ОПИ ГИМ имеются многочисленные подробности о личных переживаниях автора, бытовые эпизоды из его жизни и службы, детальные сведения о его семье. В рукописи АВПРИ отсутствует какая-либо информация о семье автора, его мотивации и поступках. Главный акцент сделан на крупных внешнеполитических событиях, большее внимание уделяется описанию церемоний, личности государственных персон и т. д. В обеих рукописях присутствуют многочисленные цитирования оригинальных документов и ссылки на них. Вероятнее всего, копии документов (или части текста воспоминаний) были выполнены И. М. Цебриковым в 1770–1780-е гг. и использованы им позднее для создания окончательных версий воспоминаний.

Рассмотренные выше «Записки» И. М. Цебрикова являются не единственными текстами автора, посвященными обстоятельствам присоединения Крыма к Российской империи. В 1785 г. он направил письмо переводчику Коллегии иностранных дел П. В. Бакунину (Меньшому) с приложением пространной записки объемом в 14 листов с воспоминаниями об обстоятельствах присоединения Крыма в 1784 г.³⁴ В 2000 г. текст письма и записки был опубликован Н. Ю. Болотиной [2000], а затем вошел в подготовленный ею же сборник документов «Присоединение Крыма к России» [Присоединение Крыма..., 2019, с. 151–169, 370].

Приложенная записка озаглавлена И. М. Цебриковым «Справедливыя действия при врате Крыма в Таврике 1783 года». В ней в хронологическом порядке описаны события с 1768 по 1784 г., связанные с крымскими делами, в большей степени с их дипломатической канвой. Свою роль при этом И. М. Цебриков не обозначил и даже не упомянул свое имя в тексте записки. В то же время, по справедливому наблюдению Н. Ю. Болотиной, текст отличает личностное восприятие событий, которого недостает в официальных документах. Судя по сопроводительному письму, записка была создана И. М. Цебриковым по просьбе членов коллегии, возможно, с целью ознакомления двора с современным положением в Крыму и настроениями местных жителей [Болотина, 2000, с. 174]. В рукописи АВПРИ во фрагменте за 1784 г. отмечен момент написания записки для П. В. Бакунина (Меньшого): «С коллежским ассесором или надворным советником Яблонским разговоре о политическом каждодневном журнале, не веденном при крымской миссии, написал не таков как бы из году в год довлело, под заглавием, однако, таким: “Действы при преврате Крыма в Тавриду” пообстоятельнее. <...> По переписке того журнала чоткою своею рукою на 15-ти круглых листах в исходе того 1783 года отослал в Санкт-Петербург коллегии иностранных дел 2-му члену тайному советнику Петру Васил[ъеви]чу Меншому Бакунину»³⁵.

Можно предположить, что именно с этого текста, созданного в 1784–1785 гг., началась работа И. М. Цебрикова над «Записками», в их окончательном варианте законченными в 1820-е гг. Основа текста памятника была составлена в 1770–1780-е гг. После смерти брата Романа И. М. Цебриков на склоне лет, вероятно, решил собрать имеющиеся у него заметки и превратить их в законченное произведение. Исходя из различий в тексте очевидно, что им планировалось два варианта воспоминаний: подносной в МИД и семейный. Справедливо наблюдение А. Е. Чекуновой, сделанное на материале памятников мемуарной литературы

³⁴ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. № 2789. Л. 1–15.

³⁵ АВПРИ. Ф. 161. П-26. Оп. 71. 1830 г. № 2. Л. 121 об.

XVIII в.: «Целевое назначение диктовало мемуаристу отбор и интерпретацию той информации, которую он считал возможной донести до читателя» [Чекунова, 1995, с. 111–112]. Задача официальной редакции «Записок» И. М. Цебрикова была показать славу русской дипломатии и от первого лица рассказать о великих государственных деятелях, одержавших победы на полях русско-турецкой войны и в дипломатических переговорах, конечным итогом которых стало присоединение Крыма к Российской империи в 1783 г. Сама цель написания, что следует из сопроводительного письма, – прославление Российской империи, сохранение памяти о великих событиях. Важно отметить, что И. М. Цебриков создал это произведение на склоне лет, когда основных действующих лиц уже не было в живых, создание текста и его передача в МИД были продиктованы личным желанием автора, а не его служебной обязанностью. Вторая редакция предназначалась для семейного прочтения, поскольку в ней автор текста становился одним из героев произведения со своей личной линией, мотивацией, чувствами и переживаниями.

В ходе исследования в фондах ОПИ ГИМ и АВПРИ были обнаружены две рукописи «Записок» И. М. Цебрикова о событиях 1768–1787 гг. Обе являются беловыми автографами и были созданы в конце 1820-х гг. Между тем в их основе лежит текст, сформировавшийся еще в 1780-х гг., когда И. М. Цебриков собирал материалы в ходе своей работы в комиссии по татарским делам. Это предположение основывается на сравнении текста изучаемых рукописей с отправленной в 1784 г. И. М. Цебриковым краткой запиской П. В. Бакунину (Меньшому).

Кодикологическое и текстологическое сопоставление двух рукописей «Записок» И. М. Цебрикова позволяет высказать предположение, что они являются двумя одновременными авторскими редакциями памятника, предназначенными для разных читателей. Рукопись из АВПРИ представляет собой официальную редакцию текста для Министерства иностранных дел, призванную сохранить память о славных военных и дипломатических успехах Российской империи в Крыму в эпоху Екатерины II. «Записки» из ОПИ ГИМ были адресованы потомкам и содержат портреты братьев Цебриковых на фоне масштабного полотна важнейших для страны событий.

Подобная ситуация не часта для памятников мемуарной литературы XVIII – первой половины XIX в. Известны произведения в двух и более авторских редакциях (к примеру, мемуары Екатерины II, воспоминания В. С. Норова, записки Н. А. Дуровой, С. Н. Глинки, А. С. Шишкова, Е. П. Ермолова, Н. Б. Голицына, дневник Д. В. Давыдова и др.), однако они демонстрируют последовательное изменение текста авторами, зачастую связанное с их «издательскими усилиями» [Тартаковский, 1991, с. 193]. В случае с «Записками» И. М. Цебрикова справедливо говорить о создании двух редакций одновременно.

В настоящее время издание «Записок» И. М. Цебрикова готовится к печати. В качестве основного текста будет взята рукопись из АВПРИ как наиболее полная и охватывающая события до 1787 г. Параллельно в издании будут приведены уникальные фрагменты по тексту в ОПИ ГИМ, не вошедшие в «официальную» редакцию.

Список литературы

- Арзуманова М. А. Цебриков Роман Максимович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Вып. 3: Р–Я. С. 382–386.
- Болотина Н. Ю. Присоединение Крыма глазами очевидца // Москва – Крым. Альманах. М., 2000. № 1. С. 172–199.
- Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X–XVII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 605 с.
- Парамонов А. Ф. Энциклопедия фамилий Харьковской губернии. Харьков: Харьковский частный музей городской усадьбы, 2011. Кн. 1. 262 с.

- Поляков И. А.** Автобиографические записи в русской рукописной культуре конца XVI – XVII в.: проблема выявления и перспективы исследования // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 23–24 апреля 2021 г.). Витебск, 2021. С. 75–77.
- Смирнова М. А.** Культура автобиографических записей и ранняя мемуарная литература в русской рукописной традиции XVII – первой половины XIX в.: предварительные результаты исследовательского проекта // Актуальные проблемы источниковедения: Материалы VI Междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 23–24 апреля 2021 г.). Витебск, 2021. С. 77–79.
- Тартаковский А. Г.** 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М.: Наука, 1980. 312 с.
- Тартаковский А. Г.** Русская мемуаристика XVIII – первой половины XIX в.: От рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 286 с.
- Чекунова А. Е.** Русское мемуарное наследие второй половины XVII – XVIII в.: Опыт источниковедческого анализа. М.: Рос. университет. изд-во, 1995. 136 с.

Список источников

- Козлов С. А.** От Лейпцига до Очакова. Дневниковые записки Р. М. Цебрикова. 1785–1788. СПб.: Историческая иллюстрация, 2009. 230 с.
- Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России. Ижевск: [б. и.], 2018, 600 с.
- Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России. Новосибирск: Новосибирский издательский дом, 2023, 512 с.
- Присоединение Крыма к России. 1783–1796 гг.: Сб. док. / Сост., предисл., коммент. Н. Ю. Болотиной. М.: Кучково поле, Музеон, 2019. 432 с.
- Цебриков Р. М.** Вокруг Очакова. 1788 г. (Дневник очевидца) / Сообщ. А. Ф. Бычков // Русская старина. 1895. Т. 84, № 9. С. 147–212.
- Цебриков Р. М.** Путешествие из Петербурга в Харьков / Сост., автор вступ. ст. и коммент. В. Ю. Иващенко. Харьков: ХНУ, 2013. 236 с.

References

- Arzumanova M. A.** Tsebrikov Roman Maksimovich. In: Slovar' russkikh pisatelei XVIII veka [Dictionary of Russian Writers of the 18th Century]. St. Petersburg, 2010, vol. 3: R–Ya, pp. 382–386. (in Russ.)
- Bolotina N. Yu.** Prisoedinenie Kryma glazami ochevidtza [The Accession of Crimea through the Eyes of an Eyewitness]. In: Moskva – Krym. Al'manakh [Moscow – Crimea. Almanac]. Moscow, 2000, no. 1, pp. 172–199. (in Russ.)
- Chekunova A. E.** Russkoe memuarnoe nasledie vtoroi poloviny XVII – XVIII v.: Opyt istochnikovedcheskogo analiza [Russian Memoir Heritage of the 2nd Half of the 17th – 18th Century: An Experience of Source Analysis]. Moscow, Rossiiskoe universitetskoe izdatel'stvo, 1995, 136 p. (in Russ.)
- Likhachev D. S.** Tekstologiya: Na materiale russkoi literatury X–XVII vv. [Textual Criticism: Based on Russian Literature of the 10th – 17th Centuries]. Moscow, Leningrad, Izdatel'stvo AN SSSR, 1962, 605 p. (in Russ.)
- Paramonov A. F.** Entsiklopediya familii Khar'kovskoi gubernii [Encyclopedia of Surnames of the Kharkov Province]. Kharkov, Khar'kovskii chastnyi muzei gorodskoi usad'by, 2011, vol. 1, 262 p. (in Russ.)
- Poliakov I. A.** Avtobiograficheskie zapisi v russkoi rukopisnoi kul'ture kontsa XVI – XVII v.: problema vyyavleniya i perspektivy issledovaniya [Autobiographical Notes in Russian Manu-

script Culture of the Late 16th – 17th Centuries: The Problem of Identification and Research Prospects]. In: Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vitebsk, 23–24 aprelya 2021 g.) [Current Problems of Source Studies: Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference (Vitebsk, April 23–24, 2021)]. Vitebsk, 2021, pp. 75–77. (in Russ.)

Smirnova M. A. Kul'tura avtobiograficheskikh zapisei i rannaya memuarная literatura v russkoi rukopisnoi traditsii XVII – pervoi poloviny XIX v.: predvaritel'nye rezul'taty issledovatel'skogo proekta [The Culture of Autobiographical Notes and Early Memoir Literature in the Russian Manuscript Tradition of the 17th – 1st Half of the 19th Centuries: Preliminary Results of a Research Project]. In: Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Vitebsk, 23–24 aprelya 2021 g.) [Current Problems of Source Studies: Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference (Vitebsk, April 23–24, 2021)]. Vitebsk, 2021, pp. 77–79. (in Russ.)

Tartakovsky A. G. 1812 god i russkaya memuaristika: Opyt istochnikovedcheskogo izucheniya [The Year 1812 and Russian Memoir Writing: An Experience in Source Study]. Moscow, Nauka, 1980, 312 p. (in Russ.)

Tartakovsky A. G. Russkaya memuaristika XVIII – pervoi poloviny XIX v.: Ot rukopisi k knige [Russian Memoir Writing of the 18th – 1st Half of the 19th Century: From Manuscript to Book]. Moscow, Nauka, 1991, 286 p. (in Russ.)

List of Sources

Kozlov S. A. Ot Leiptsiga do Ochakova. Dnevnikovye zapiski R. M. Tsebrikova. 1785–1788 [From Leipzig to Ochakov. Diary Entries of R. M. Tsebrikov. 1785–1788]. St. Petersburg, Istoricheskaya illyustratsiya, 2009, 230 p. (in Russ.)

Krym v razvitiy Rossii: istoriya, politika, diplomatiya. Dokumenty Arkhivov MID Rossii [Crimea in the Development of Russia: History, Politics, Diplomacy. Documents of the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. Izhevsk, 2018, 600 p. (in Russ.)

Krym v razvitiy Rossii: istoriya, politika, diplomatiya. Dokumenty Arkhivov MID Rossii [Crimea in the Development of Russia: History, Politics, Diplomacy. Documents of the Archives of the Ministry of Foreign Affairs of Russia]. Novosibirsk, Novosibirskii izdatel'skii dom, 2023, 512 p. (in Russ.)

Prisoedinenie Kryma k Rossii. 1783–1796 gg.: Sbornik dokumentov [The Accession of Crimea to Russia. 1783–1796: Collection of Documents]. Comp., forew., comm. by N. Yu. Bolotina. Moscow, Kuchkovo pole, Muzeon, 2019, 432 p. (in Russ.)

Tsebrikov R. M. Vokrug Ochakova. 1788 g. (Dnevnik ochevidtsa) [Around Ochakov. 1788 (Diary of an Eyewitness)]. Commtnt. by A. F. Bychkov. *Russkaya starina* [Russian Antiquity], 1895, vol. 84, no. 9, pp. 147–212. (in Russ.)

Tsebrikov R. M. Puteshestviye iz Peterburga v Khar'kov [Travel from St. Petersburg to Kharkov]. Ed. by V. Yu. Ivashchenko. Kharkov, KhNU Press, 2013, 236 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Иван Анатольевич Поляков, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57210321381

WoS Researcher ID AAP-3203-2020

Мария Александровна Смирнова, кандидат исторических наук

Scopus Author ID 57195685006

WoS Researcher ID Q-3910-2018

Information about the Authors**Ivan A. Poliakov**, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57210321381

WoS Researcher ID AAP-3203-2020

Maria A. Smirnova, Candidate of Sciences (History)

Scopus Author ID 57195685006

WoS Researcher ID Q-3910-2018

*Статья поступила в редакцию 13.12.2024;
одобрена после рецензирования 07.03.2025; принята к публикации 08.04.2025
The article was submitted on 13.12.2024;
approved after reviewing on 07.03.2025; accepted for publication on 08.04.2025*

Научная статья

УДК 94(470+571)+94(520)

DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-153-167

«Сибирский дневник» японского дипломата Эномото Такэаки как источник по истории России второй половины XIX века

Виктория Александровна Шиплюк

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

shplyuk.victoria@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2018-3397>

Аннотация

Статья посвящена ранее не исследованному в отечественной историографии источнику – «Сибирскому дневнику» 1878 г., написанному японским дипломатом Эномото Такэаки во время его путешествия по России и Сибири. Этот источник отражает восприятие региона иностранным наблюдателем и содержит информацию о социально-экономическом, политическом и этнографическом состоянии страны. В статье рассматривается содержание дневника, выделяются информационные блоки: экономический (описание золотодобывающих, промышленных предприятий Урала и Сибири), социальный (наблюдения за бытом, этнографией, ссыльными) и политический (обстановка на российско-китайской границе, дислокация войск). На основе выделенных информационных блоков делается вывод о возможной практической направленности записей. «Сибирский дневник» остается почти не изученным в российской историографии, что делает его введение в научный оборот актуальным.

Ключевые слова

источники личного происхождения, путевые дневники, японцы в Сибири, Эномото Такэаки

Для цитирования

Шиплюк В. А. «Сибирский дневник» японского дипломата Эномото Такэаки как источник по истории России второй половины XIX века // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 153–167. DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-153-167

The Siberian Diary of the Japanese Diplomat Enomoto Takeaki as a Source on the History of Russia in the 2nd Half of the 19th Century

Victoria A. Shplyuk

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

shplyuk.victoria@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2018-3397>

Abstract

This article examines the Siberian Diary of Enomoto Takeaki, an essential figure in the 19th-century Japanese diplomacy, as a source for understanding Siberia's socio-economic landscape and the evolution of Russian-Japanese relations. Following his successful negotiation of the 1875 Treaty of St. Petersburg which resolved territorial dispute between Russia and Japan by exchanging Sakhalin for the Kuril Islands, Enomoto embarked on an overland journey from Tsarskoye Selo (near St. Petersburg) to Vladivostok in July – September of 1878. During this trip, he kept travel records named the Siberian Diary, which provides an eyewitness perspective on a region rarely documented by Japanese observers. The diary contains details on several key areas. Among them, there are economic activities (gold min-

© Шиплюк В. А., 2026

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2026. Т. 25, № 1: История. С. 153–167
Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 153–167

ing technologies and production); social observations, such as ethnic composition of Russia population (for instance, Tatars and Buryats) and the penal exile system. The diary also analyzes political and military structures, assessing garrison strengths and noting the situation along the Russian-Chinese border. The Siberian Diary combines the traditional Japanese literary genre of travel writing with practical intelligence-gathering objectives. Enomoto intended both to identify potential technological innovations for Japan's development and to familiarize Japanese readers with Russian society. The diary was first published in 1934 and until this day was not translated into foreign languages, resulting in its limited examination within academic literature. The document represents a pioneering achievement in the direct Japanese engagement with Russia. It can be used as a resource for scholars of the Siberian history and cross-cultural perception.

Keywords

personal sources, travel diaries, Japanese in Siberia, Enomoto Takeaki

For citation

Shplyuk V. A. The Siberian Diary of the Japanese Diplomat Enomoto Takeaki as a Source on the History of Russia in the 2nd Half of the 19th Century. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2026, vol. 25, no. 1: History, pp. 153–167. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2026-25-1-153-167

Первые значимые контакты между Россией и Японией начались в конце XVIII – начале XIX в., когда Россия пыталась установить отношения с Японией, прежде всего торговые. Однако Япония в 1641–1853 гг. придерживалась системы «морских запретов» (*кайкин*), строго регламентировавшей внешнеполитические связи. В таких условиях российские экспедиции в Японию А. Лаксмана в 1792 г. и Н. П. Резанова в 1804 г., имевшие целью установить двусторонние российско-японские отношения, не принесли ожидаемых результатов [Кутаков, 1988, с. 63, 71–72, 82–83]. Ситуация изменилась лишь в середине XIX в., когда Япония отказалась от курса на изоляцию. Благодаря этому, а также деятельности российского посла адмирала графа Е. В. Путятина в «Стране восходящего солнца» в 1855 г. был подписан Симодский договор, который ознаменовал начало дипломатических и торговых отношений между двумя государствами. Согласно этому договору, была определена российско-японская морская граница, она проходила между о-вами Урупом и Итурупом. Первый отходил России, второй – Японии. Остров Сахалин отошел в совместное российско-японское владение, однако такая форма управления островом оказалась неустойчивой: возникали локальные конфликты между жителями разных половин острова и напряженность в российско-японских отношениях на дипломатическом уровне [Файнберг, 1960, с. 258–261; Акидзуки Тосиюки, 1993, с. 1–21]. Сахалинский вопрос оставался актуальным в российских высших кругах¹. Российские власти, озабоченные проблемой принадлежности о-ва Сахалин, возобновили диалог с Японией в 1859 г. в Эдо (современном Токио). Российско-японские переговоры продолжились в 1862 и 1867 гг. в Петербурге и в 1872–1873 гг. в Эдо².

Япония инициировала следующий этап переговорного процесса, отправив дипломатическую миссию в Россию во главе с посланником Энмото Такэаки (яп. 榎本武揚; 1836–1908). Основной задачей этого дипломата было добиться разграничения Сахалина на северную и южную части. Сложный переговорный процесс стартовал в июне 1874 г. в Петербурге и продолжался около года, Энмото удалось достичь компромисса с российской стороной и окончательно урегулировать территориальный вопрос. Итогом стал Санкт-Петербургский договор 1875 г., согласно которому Япония получила полный контроль над Курильскими о-вами, а Россия – над всем о-вом Сахалин. Этот договор обычно упоминается как крупный внешнеполитический успех Японии после выхода из эпохи самоизоляции и как важный этап в развитии равноправных международных отношений [Файнберг, 1960, с. 284–285; Lensen, 1971, p. 444–446].

В Петербурге достижение консенсуса по территориальному вопросу не было единственной задачей японского посланника. Энмото Такэаки также представлял интересы Японии в судебном процессе, известном как «Инцидент с Марией Луз», где Россия выступала в каче-

¹ Подробнее о борьбе вокруг статуса Сахалина см.: [Lensen, 1971, p. 425–446].

² Подробнее о российско-японских переговорах о статусе Сахалина см.: [Кутаков, 1988, с. 137–185].

стве третейского судьи между Японией и Перу³. С началом русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) Эномото был вынужден отложить возвращение домой и продлить пребывание в России, чтобы информировать японское правительство о ходе событий в Европе. Следует отметить, что Эномото, находясь в Петербурге, снискал благосклонность российских властей, он пользовался вниманием и уважением министра путей сообщения К. Н. Посыета, дипломата Е. В. Путятина, а также членов императорской семьи [Накамура Синтаро, 1983, с. 230–231].

Эномото Такэаки стал первым японским посланником в России и, несомненно, сыграл важную роль в развитии диалога двух стран. В японской историографии его оценивают как яркого военно-политического деятеля Японии второй половины XIX в. Эномото посвящено немало японских исторических исследований, которые в полном объеме позволяют проследить его биографию⁴.

Родился Эномото в 1836 г. в самурайской семье Эномото Такэнори в Эдо. Получив европеизированное образование, он сначала обучался в военно-морском училище в Нагасаки, где преподавали голландские профессора, а затем продолжил обучение уже в самой Голландии. Там он овладел голландским, английским, немецким и итальянским языками и получил ценный опыт взаимодействия с западной культурой. По возвращении Эномото в Японию в 1867 г. он дослужился до чина вице-адмирала. Во время японской гражданской войны 1868–1869 гг. между сторонниками сёгуната и взойшедшего на престол в 1867 г. императора Мэйдзи Эномото выступил на стороне сёгуната Токугава. Когда сёгунат пал, он возглавил сопротивление императорскому двору на севере страны и стал лидером Республики Эдзо (современный Хоккайдо). После поражения республики Эномото провел несколько лет в заключении. Освобождению Эномото Такэаки способствовали видные деятели того времени, включая крупного политика Курода Киётака и известного просветителя Фукудзава Юкити. После освобождения Эномото Курода привлек его к освоению Хоккайдо [Сува Канэнори, 2008, с. 417–418]. Западное образование, опыт пребывания в Европе и владение иностранными языками сыграли решающую роль в назначении Эномото на должность чрезвычайного посланника в Петербурге. Успешно завершив службу в России, Эномото продолжил дипломатическую карьеру – участвовал в миссии в Китае, сопровождая японского премьер-министра Ито Хиробуми при подписании Тяньцзиньского договора 1885 г. В последующем Эномото Такэаки занимал ряд постов в правительстве, в том числе должность министра иностранных дел (1891–1892), принимал участие в создании первой японской конституции 1889 г. и считался одним из главных экспертов своего времени по России [Накамура Ёсикадзу, 2016, с. 143–155].

Окончив упомянутую выше четырехлетнюю миссию в Петербурге, Эномото принял необычное решение: для возвращения в Японию вместо быстрого и удобного морского пути он выбрал сухопутный маршрут через Сибирь. Покинув Царское село 26 июля 1878 г., Эномото прибыл во Владивосток 29 сентября и отбыл из России 2 октября того же года. В ходе поездки им был написан «Сибирский дневник» (яп. シベリア日記 *Сибэриа никки*). Этот дневник представляет собой уникальный исторический источник, созданный в период потепления российско-японских отношений.

Эномото Такэаки интересовался Сибирью и перспективой ее исследования во время работы в комиссии по освоению Хоккайдо. Изучение практик более развитого государства, применяемых в схожих с севером Японии климатических условиях Сибири, и их потенциальное внедрение на Хоккайдо могли помочь развитию целинных земель, которым японское правительство активно занялось в 1870-е гг., и в этом Эномото принимал личное участие [Игуро Ятаро, 1968, с. 140–144]. Вероятной причиной путешествия по Сибири и создания путевого дневника было желание японского посланника лучше познакомить потенциальных японских

³ Данный судебный процесс проходил в Петербурге в 1875 г. См. подробнее: [Дайго Рюма, 2012а, с. 4–11].

⁴ На работы, посвященные биографии Эномото Такэаки, мы ссылаемся ниже.

читателей с культурой России, чтобы снизить градус тревожных настроений в японском обществе, опасавшемся возможного вторжения в Японию России, которая активно стала продвигаться на Восток⁵. Свое намерение дипломат выразил в письме от 1 января 1878 г. [Камо Гиити, 1988, с. 498–499]. Эномото готовился к поездке в Сибирь, в частности общался с П. Шумахером, бывшим чиновником, который под началом генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева-Амурского в 1860-х гг. занимался описанием населения Восточной Сибири и берегов Амура, составлением истории этого края. Во время путешествия через Восточную Сибирь Эномото читал на английском и немецком языках труды Н. М. Пржевальского «Монголия и страна тангутов» и «Путешествие в Уссурийском крае».

До Эномото Такэаки лишь немногие из японцев побывали в России, и совсем немногие оставили воспоминания. Наиболее известным является первый вернувшийся из России японец – моряк Дайкокуя Кодаю, попавший в Россию в 1783 г. в результате кораблекрушения. Кодаю был возвращен на родину в 1792 г. вместе с миссией А. Лаксмана. Рассказы Дайкокуя Кодаю о своих странствиях в «Московии» были записаны и легли в основу «Кратких вестей о скитаниях в северных водах» [Гришачев, 2015, с. 61]. Другие сочинения о России, такие как «Сны о России», «Записи допроса унесенных течением в Россию», «Удивительные сведения об окружающих морях» и др., были также составлены со слов вернувшихся моряков [Кузнецов, Като Хирофуми, 2017, с. 101–102].

Таким образом, Эномото Такэаки не был первым японцем, посетившим Россию и Сибирь, он не был и первым, кто писал о России. Однако он стал пионером в непосредственном изучении России, тем, кто описывал увиденное им самим во время нахождения в России. Образованность и опыт пребывания в Европе, участие в полевых разведывательных геологических экспедициях на Хоккайдо делают наблюдения Эномото глубже наблюдений его предшественников и интереснее для изучения. «Сибирский дневник» дает более широкую картину развивавшихся российско-японских взаимоотношений. К тому же специфика должности наложила определенный отпечаток на путешествие посланника. У Эномото Такэаки была возможность подробного изучения многих аспектов жизни в России и Сибири благодаря гостеприимству местных властей, которые были осведомлены как о высоком положении Эномото, так и о приблизительных датах его приезда к ним. Благодаря этому у Эномото была возможность беседовать с должностными лицами, посещать различные промышленные предприятия. Записи японского посланника основаны на его наблюдениях и опросах. Эномото понимал, что как чиновники, так и люди простые или с высоким положением в обществе могут какие-то факты преувеличить, какие-то, наоборот, преуменьшить. Он собирал информацию среди людей разного положения и звания, сверял сказанное с доступной ему информацией.

После Эномото еще два японца проехали по Сибири: дипломат Ниси Токудзиро (яп. 西徳二郎) и генерал Фукусима Ясумаса (яп. 福島安正). Первый из них, завершив миссию в России в 1880 г., вернулся в Японию через Сибирь, дополнительно посетив Среднюю Азию и Китай. Ниси описал свое путешествие в «Хрониках Центральной Азии» (яп. 中亜細亜紀事 *Тю:адзия дзиси*) 1886 г. Фукусима Ясумаса в 1892 г. по пути из Берлина в Японию побывал в России и в одиночку проехал Сибирь с запада на восток. Отчет о его поездке был опубликован в 1940 г. Исследователи, изучавшие этот отчет, полагают, что до своей поездки в Германию Фукусима консультировался с Эномото Такэаки [Камо Гиити, 1988, с. 506].

При жизни Эномото Такэаки «Сибирский дневник» не был опубликован. После возвращения в Японию он обнаружил, что тема российско-японской дружбы крайне непопулярна среди японской общественности. Санкт-Петербургский договор воспринимался японским правительством как важная дипломатическая победа, что в будущем должно было помочь стране получить признание на международной арене. Однако общественное мнение на достигнутый компромисс отреагировало крайне негативно, считая, что произошел унижитель-

⁵ Об отношениях Японии к России см. подробнее: [Накамура Синтаро, 1983].

ный обмен «своей» территории на «свою» [Inazo Nitobe, 1891, p. 23–24; Masujiro Honda, 1912, p. 195]. К тому же некоторое время японские власти не предавали огласке факт заключения договора, что тоже вызывало недовольство японского общества [Кимура Такаси, 2015, с. 98–99]. Отражение реакции японской общественности можно найти в газетах *Ю:бин Хо:ти*, *То:кё: Сё:* и др.

Из-за решения Эномото не публиковать дневник долгое время после смерти автора о существовании «Сибирского дневника» не было известно. Он был обнаружен семьей Эномото после обрушения фамильной резиденции в Одавара во время Великого землетрясения Канто в 1923 г. Второй сын Эномото, Харуносукэ, занялся расшифровкой дневника, и в 1934 г. рукопись была опубликована. У «Сибирского дневника» несколько переизданий: 1935, 1939, 1943, 2008 и 2010 гг. Последнее издание – единственная версия дневника, переведенная с классического японского (*бунго*) на современный японский язык. В настоящее время оригинал «Сибирского дневника» хранится в Национальной парламентской библиотеке Японии в Отделе конституционных правительственных материалов, куда он был передан семьей Эномото Такэаки. Дневник представляет собой две записные книжки. Обе были отсканированы и находятся в публичном доступе в цифровой коллекции отдела конституционных документов Национальной парламентской библиотеки Японии⁶. Переводов дневника на иностранные (неяпонские) языки не существует.

«Сибирский дневник» остается почти не изученным в российской историографии, не ставился предметом специального исследования, но он упоминается, как и его автор, в контексте истории Японии и российско-японских отношений (см., например: [Дацышен, 2004; 2008; Строева, 2009; 2010; Кузнецов, Като Хирофуми, 2017; Щепкин, 2017; Романчев, 2024а; 2024б]). В японской историографии ситуация несколько иная, в ней существуют специализированные публикации, посвященные как личности Эномото Такэаки (см., например: [Игуро Ятаро, 1968; Цунояма Юкихино, 1985; Ямамото Ацуко, 1997; Акиока Нобухико, 2003; Нисикава Осаму, 2003; Усуй Рюитиро, 2005; Киндай Нихон-но банно:дзин, 2008; Сува Канэнори, 2008; Итидзаки Кэнсаку, 2010, p. 64–72; Накамура Ёсикадзу, 2016; Мияти Масато, 2018; Года Казумити, 2014]), так и его дневниковым записям (см., например: [Эномото Такамицу, 2003; Кимура Хироси, 2008; Дайго Рюма, 2012]). Особого внимания заслуживает фундаментальная биография Эномото Такэаки, написанная профессором Камо Гиити [1960; 1988], пробудившая научный интерес к фигуре Эномото. Тем не менее, в японских исследованиях отсутствует анализ текстологических особенностей «Сибирского дневника», этот документ не рассматривался в контексте других японских нарративов о России. Таким образом, можно заключить, что системное осмысление «Сибирского дневника» отсутствует в российской и японской научной среде и на других языках.

В данной статье мы ставим целью представить специалистам по истории Сибири «Сибирский дневник» Эномото Такэаки, уделяя особое внимание тем сибирским реалиям, которые интересовали его автора.

Путешествие Эномото Такэаки началось в Царском Селе 26 июля 1878 г. Он проехал Москву, Нижний Новгород, Казань, Пермь, Екатеринбург, Тюмень, Томск, Красноярск, Иркутск, Кяхту, китайский Маймачен, Нерчинск, Албазин, Благовещенск, китайский Айгунь, Хабаровск. 29 сентября 1878 г. японский посланник достиг Владивостока и отплыл в портовый г. Отару на Хоккайдо и прибыл 21 октября в Токио. Путешествие по России осуществлялось от Царского Села до Нижнего Новгорода – на поезде, от Нижнего Новгорода до Перми

⁶ Эномото Такэаки. Сибэриа никки ко: [榎本武揚. シベリヤ日記 甲]. Сибирский дневник. Часть 1 // Кокуруцу Коккай Тосёкан дэдзитару корэкусён [国立国会図書館デジタルコレクション]. Цифровая коллекция Национальной парламентской библиотеки Японии. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/11451071/> (дата обращения 02.08.2025); Эномото Такэаки. Сибэриа никки оцу [榎本武揚. シベリヤ日記 乙]. Сибирский дневник. Часть 2 // Кокуруцу Коккай Тосёкан дэдзитару корэкусён [国立国会図書館デジタルコレクション]. Цифровая коллекция Национальной парламентской библиотеки Японии. URL: <https://dl.ndl.go.jp/pid/11451072/> (дата обращения 02.08.2025).

и от Сретенска до Владивостока – на пароходе, на остальных промежутках пути по Уралу и Сибири – на крытом тарантасе. В общей сложности японская делегация из четырех человек (Эномото Такэаки, второй секретарь японской дипломатической миссии и переводчик русского языка Итикава Бункити (яп. 市川文吉), личный сопровождающий Эномото в России О:ка Кинтаро: (яп. 岡金太郎), студент Петербургского университета Тэрами Киити (яп. 寺見機一) за 66 дней преодолела расстояние 11 288 км [Эномото Такамицу, 2003, с. 455].

«Сибирский дневник» Эномото Такэаки является документом личного происхождения – путевым дневником, под которыми мы понимаем записи, созданные во время путешествия, самостоятельную разновидность дневников, промежуточную форму между дневниками и воспоминаниями. Повествование в подобных дневниках строится вокруг путевого маршрута и его последовательного описания, где путь выполняет функцию нарративной оси [Житомирская, 1977, с. 46, 52]. В «Сибирском дневнике» записи подневные, часть из которых делалась в течение дня. Временной разрыв между происходящими событиями и их регистрацией минимален. «Сибирский дневник» в определенной степени можно считать утилитарным, выполняющим минимум две функции – шпионскую и экономическую. Записи включают даты, описание погодных условий, событий, произошедших в пути. Следует отметить, что жанрово «Сибирский дневник» принадлежит к японским путевым дневникам *кико:*, где повествование ведется в прозе и стихах, события путешествия представляются в последовательном хронологическом порядке, записи ориентированы на регулярность, ежедневную датировку и документированность повествования. «Сибирский дневник» – образец японских путевых дневников эпохи Мэйдзи (1868–1912), т. е. в нем сочетаются традиционные и вестернизированные элементы *кико:*.⁷

Содержание «Сибирского дневника» можно разделить на несколько информационных блоков: экономический, социальный, политический и природно-климатический. Из них нас интересуют первые три. Расчет процентного соотношения указанных блоков мы осуществляли путем подсчета количества знаков, относящихся к каждой тематической категории. Мы учитывали все упоминания информации, включая дублирующиеся данные. При этом каждый фрагмент текста на основе его содержания был отнесен только к одному наиболее подходящему по тематике блоку.

Экономический блок в «Сибирском дневнике» является самым большим и занимает 18,2 % всего объема дневника. Он содержит разнообразные заметки о хозяйственной жизни Урала и Сибири второй половины XIX в., что позволяет увидеть экономическую картину жизни регионов, включающую несколько аспектов: добычу полезных ископаемых, технологии, сельское хозяйство, торговлю, инфраструктуру.

Разработка благородных металлов и полезных ископаемых активно развивалась по всей Сибири. Золотодобыча была одной из основных отраслей экономики Сибирского региона, что отражено в «Сибирском дневнике». Согласно полученной Эномото информации, в России было два типа шахт: частные и арендуемые у государства. Для открытия шахты любого типа нужно было получить разрешение у государства. Максимальный срок аренды составлял 99 лет, по завершении он мог быть продлен [Эномото Такэаки, 2010, с. 40]⁸. Для добычи золота и серебра как приоритетных благородных металлов, по сведениям Эномото, были особые условия – такие рудники, как станции по промывке золота, не облагались налогами, но вся добытая руда продавалась государству. Любой человек мог заняться добычей золота, за исключением осужденных, хотя их могли нанимать на эту работу (с. 106).

Отдельное внимание Эномото уделял разным технологиям и технологическим процессам в золотодобывающей и военно-промышленной отраслях. Он посетил золотые прииски Ошурковых в Екатеринбурге, И. П. Полуянова в Енисейске, М. Д. Бутина недалеко от Нерчинска и пушечный завод в Перми. По наблюдениям автора дневника, в золотопромышлен-

⁷ Подробнее о японской путевой литературе см.: [Fessler, 2004].

⁸ Далее при ссылках на это издание в круглых скобках указываются страницы.

ности применялись простые, но эффективные методы – ручная и машинная промывка, тогда как в военной промышленности активно внедрялись передовые для того времени методы и технологии и российские инновации.

На приисках Ошурковых рытье грунта происходило с помощью мотыги, после чего порода помещалась в железный полукруглый сосуд и транспортировалась к месту промывки. Метод ручной промывки, по мнению автора дневника, ничем не отличался от техники японских промывальщиков на Хоккайдо: «Способ промывки золота ничуть не отличается от техники наших мастеров, исполнен чрезвычайно искусно. Это напомнило мне, как не так давно на Хоккайдо в Кунну и Токати промывали золотой песок» (с. 57–58). Записи дня посещения Полуяновских приисков отсутствуют. Согласно архивным материалам, И. П. Полуянов, хозяин приисков, позволил Эномото ознакомиться с процессом машинной промывки, изучить принцип работы промывочных устройств, снять их планы. Дипломат отметил, что подобные одновременно простые и практичные технологии в Японии не применяются [Дацышен, 2008, с. 94]. Такое же устройство позднее Эномото встретит на приисках Бутина – это был механизм, приводимый в движение водяным колесом «верхнебойного» типа с помощью одной бочки, что требовало достаточно большого количества воды (с. 184).

Пермский пушечный завод, о котором Эномото подробно пишет в своем дневнике, олицетворял технический прогресс России третьей четверти XIX в. Создание предприятия было важным шагом на пути к развитию российской военной промышленности и перевооружению армии в 1860–1870-х гг.⁹ На заводе находился уникальный пятидесятитонный молот. Технологии производства артиллерийских орудий на заводе не уступали методам, применяемых немецкой компанией Круппа, которая тогда считалась лидером в области металлургии и вооружений в Европе. К 1870 г. пушки, отлитые на Пермском пушечном заводе, по своим характеристикам соответствовали уровню продукции Круппа. Среди особенностей российского производства выделялось применение выдерживавших многократное использование плавильных котлов из смеси графита и белой глины (с. 45–46). Завод внедрял современные технологические решения, в частности «газовый метод Сименса», позволивший перейти к массовому производству качественной стали¹⁰.

В дневнике содержатся и другие экономические факты. К примеру, Эномото писал о налогообложении: в Тобольской губернии подушная подать составляла 10 руб., за возделывание земли вне зависимости от размера вспаханного поля налог не взимался, деревья в лесу можно было рубить свободно (с. 84). В Томской губернии крестьянин получал земельный надел по 15 десятин на душу, а поземельный налог составлял три рубля. Из этого можно сделать вывод, что государство пыталось сделать Сибирь привлекательной для переселенцев. К освоению Сибири привлекался труд ссыльных, которые в малонаселенной Сибири выполняли функцию переселенцев – они содействовали экономическому развитию региона. В дневнике автор пишет, что, несмотря на то что ссыльные также имели право на надел в 15 десятин, взимание поземельного налога с них начиналось с трех лет после начала обработки земли (с. 95).

Следующий блок, которому Эномото Такэаки уделяет большое внимание, – *социальный* (17,9 %) – включает наблюдения за бытом населения Сибири, этнической ситуацией, этапированием ссыльных.

В дневнике содержатся этнографические наблюдения. Помимо русского населения, наиболее часто упоминаемые в дневнике этнические группы – татары и буряты. Татары встречались повсеместно от Казани до Красноярска. Согласно Эномото, существовало два типа татар: оседлые и кочующие. В отличие от оседлых, кочевые ежегодно выплачивали государству налог по два рубля с человека. Их собирали вместе один раз в год для наказания тех из них, кто совершил тяжкие преступления (с. 95). Внешность татар имела характерные черты – многие из них рыжеватые и голубоглазые, но при этом больше похожи на азиатов.

⁹ См. подробнее: [Зайончковский, 1952].

¹⁰ Подробнее о «методе Сименса» см.: [Шухардин и др., 1979].

Мужчины брили головы и носили особую шапку, напоминающую шляпку желудя, поверх которой надевали еще одну шапку. Женщины-татарки, в отличие от русских женщин, почти не были видны, поскольку они занимались домашним хозяйством (с. 42). Татары исповедовали ислам, использовали письменность, внешне ничем не отличающуюся от турецкой или персидской, и придерживались обычая многоженства, типичного для мусульман. По мнению Энмото, основной вид деятельности, в которой участвовали татары, – это торговля.

Заметки о бурятском народе в «Сибирском дневнике» носят фрагментарный характер. По словам автора, численность бурят в Восточной Сибири составляла около 50 тыс. чел. Буряты – изначально кочевой народ, который начал переходить к оседлости в первой четверти XIX в.: «Этот народ раньше странствовал в поисках воды и пастбищ, но примерно 40–50 лет назад многие из них начали переходить к оседлому образу жизни» (с. 142). В Забайкалье, по наблюдению Энмото, шел процесс социальной и культурной ассимиляции: буряты проживали бок о бок с русскими, нередкими были случаи межэтнических браков. В социальной структуре региона, по наблюдениям Энмото, буряты занимали более низкое положение по сравнению с представителями русского народа – значительная их часть работала прислугой в домах русских семей. При этом бурятское население сохраняло свою культурную идентичность: не владея письменностью, они говорили на монгольском языке с некоторыми диалектными особенностями, исповедовали буддизм ламаистского толка, часть бурятского народа придерживалась шаманизма (с. 151–152). Внимание японского дипломата привлекло внешнее отличие бурятского населения России от зарубежных соседей – подданных Китая. В своих записках о посещении российского приграничного с Китаем города Кяхты он различал этничности по прическе: монгольские мужчины носили традиционную косичку, а бурятские предпочитал короткие волосы. От китайцев же бурят отличал высокий рост, низкие носы и более грубые черты лица (с. 156).

На протяжении всего пути, начиная с Урала, Энмото наблюдал конвоирование осужденных к местам отбывания наказания в Западной и Восточной Сибири. Согласно его записям, этапирование заключенных могло происходить по-разному: осужденных перевозили на тарансах, или же они были вынуждены идти пешком. Хотя по правилам заключенные должны были быть закованы в цепи, на практике Энмото отмечал нарушение этого порядка – многие были без оков. В таких случаях к каждой повозке было приставлено по одному солдату. Описываются пешие процессии, где часть осужденных могла быть с оковами, а другая часть нет. Среди этаплируемых встречались женщины-заключенные, которые в отличие от мужчин не были скованы цепями, их часто перевозили на тарансах. Ссылных можно было идентифицировать по такому специфическому признаку, как наполовину выбритая голова. Осужденных часто сопровождали семьи. В процессе этапа заключенные останавливались в охраняемых ночлежках (с. 51).

По прибытии перед ссылными вставала проблема адаптации к суровым условиям жизни и социальной изоляции. Ссылные были вынуждены селиться на выселках, т. е. на окраинах деревень или городов. Из заключенных в Томск, согласно дневнику, прибывали только ссылные. Многие из них вынуждены были становиться прислугой, чтобы выжить. Например, Энмото пишет: «Сам начальник гарнизона говорит, что все слуги, которые уже находятся в его доме, – осужденные» (с. 94).

Еще один важный блок в дневнике – *политический*, в который входит информация об административном устройстве, воинских частях, ситуации на российско-китайской границе. Блок составляет 25,3 % текста дневника, однако его нельзя назвать самым большим, поскольку 9,3 % приходится на описание чисто формальных взаимодействий Энмото с местными властями.

В дневнике содержатся сведения о состоянии российско-китайских отношений в приграничных регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока. Эти отношения воспринимались иностранным наблюдателем как напряженные, что демонстрируют отдельные отрывки дневника. Например, в Томске Энмото узнал, что правительство Китая еще не заплатило за зер-

но, которое было туда отправлено из Сибири. Китай отказался оплатить поставку зерна, сославшись на то, что один из трех караванов на неизвестной территории был разграблен бандитами (с. 96). В дневнике есть записи, демонстрирующие настороженность китайских властей в вопросах, связанных с российскими инфраструктурными проектами на пограничных территориях. Согласно дневнику, Россия, стремясь защитить линию электропередачи из Нерчинска в Благовещенск от наводнений, предлагала Китаю проложить ее напрямую через Маньчжурию, однако получила отказ китайского правительства (с. 138). Кроме того, существовали ограничения на передвижение российских подданных по территории Китая: купцов из Кяхты, когда они отправлялись в Ургу или Пекин по делам, обязательно сопровождали китайские чиновники (с. 159–160).

Обстановку на российско-китайской границе Эномото характеризует как спокойную. Граница между российской Кяхтой и китайским Маймаченом состояла из фактически неохраняемых ворот. По наблюдениям Эномото, военное присутствие двух стран в приграничье отличалось: в российском Троицкосавске (расположенном рядом с Кяхтой) дислоцировался целый пехотный батальон (600 чел.), тогда как на китайской стороне, в районе Маймачена, по словам российских чиновников, военных частей не было вовсе (с. 156).

Эномото обращал внимание и на дислокацию и организацию военных частей в Сибири. К примеру, в Томской губернии, где, по словам дипломата, была спокойная обстановка, размещалось около трех тысяч солдат. Местные вооруженные силы, по утверждению иркутских чиновников, были сосредоточены на границе с Китаем (в Забайкалье, Приамурье и Приморье): «По словам полковника, в регулярных войсках не более 6 000 человек, а число казаков (т. е. нерегулярных солдат) не превышает 30 000 человек» (с. 138). В целом, согласно дневнику, на южных рубежах Восточной Сибири и Дальнего Востока насчитывалось семь батальонов регулярных войск (около 12 тыс. чел.) и до 30 тыс. казаков.

Тематическое распределение записей показывает, что Эномото Такэаки ориентировался прежде всего на сбор практически значимой информации. Значительный экономический блок, особенно детализированное описание золотодобычи и промышленных технологий, может свидетельствовать о стремлении выявить потенциал технологического заимствования. Сопоставимый объем экономического, социального и политического блоков демонстрирует желание японского дипломата представить Россию с разных сторон, пусть и без претензии на глубину. Сибирский дневник должен был помочь японскому читателю составить представление о текущей жизни северного соседа в ее многообразии.

«Сибирский дневник» Эномото Такэаки – это один из немногих текстов японских путешественников XVIII–XIX вв., которые фиксируют социально-экономическое и политическое развитие Сибири того времени. В записях представлены не только экономические, но и социальные и политические реалии Сибири, они отражают процесс формирования представлений Японии о России в период становления дипломатических отношений. Хотя дневник долгое время оставался вне поля зрения исследователей, его введение в научный оборот может открыть новые возможности для изучения истории Сибири и трансформации образа России в японских нарративах.

Список литературы

- Гришачев С. В.** Контакты России со странами Дальнего Востока в XVIII–XIX вв. // Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М., 2015. С. 47–85.
- Дацышен В. Г.** Японцы в Сибири конец XIX – начало XX в. // Изв. Восточного института. 2004. № 8. С. 48–65.
- Дацышен В. Г.** Эномото Такэаки в Красноярске // Орося кайкайхо: [おろしゃ会報]. Вестник общества Орося. 2008. № 15. С. 92–94. (на яп. яз.)
- Житомирская С. В.** Вопросы научного описания рукописных мемуарных источников // Археографический ежегодник за 1976 г. М., 1977. С. 41–59.

- Зайончковский П. А.** Военные реформы 1860–1870 годов в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 368 с.
- Кузнецов С. И., Като Хирофуми.** Россия, Сибирь в известиях японских путешественников, исследователей и дипломатов // Изв. Иркут. гос. ун-та. Серия: История. 2017. Т. 22. С. 101–112.
- Кимура Такаси.** Национализм в Японии и России и первичный этап формирования представлений друг о друге на примере текстов писателей-современников – Фтабатэй Симэй и Чехова // Российско-японские отношения в формате параллельной истории. М., 2015. С. 89–111.
- Кутаков Л. Н.** Россия и Япония. М.: Наука, 1988. 385 с.
- Накамура Ёсикадзу.** Россия Эномото Такэаки – первого посланника в России. Из книги «Нитиро иссеку-но гундзо» («Другая картина японо-российских отношений»). Токио, 2014 // Япония 2016. Ежегодник. М., 2016. С. 143–155.
- Накамура Синтаро.** Японцы и русские: из истории контактов. М.: Прогресс, 1983. 306 с.
- Романчев Д. Д.** Послания Эномото Такэаки как ключ к пониманию феномена «Республики Эдзо» // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2024а. № 1 (67). С. 18–25.
- Романчев Д. Д.** Феномен «Республики Эдзо» в истории Японии. Попытка сецессии или акт отчаяния? // Вестник ИВ РАН. 2024б. № 1 (27). С. 26–42.
- Строева М. В.** Россия и Япония: о визитах японских государственных деятелей в Россию в середине 70-х – конце 80-х годов XIX века (на основе документов АВПРИ) // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2009. № 1. С. 13–18.
- Строева М. В.** Россия и Япония: Санкт-Петербургский договор 1875 г. // Вестник СПбГУ. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2010. № 3. С. 25–35.
- Файнберг Э. Я.** Русско-японские отношения в 1697–1875 гг. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 314 с.
- Шухардин С. В., Ламан Н. К., Федоров А. С.** Техника в ее историческом развитии. М.: Наука, 1979. 416 с.
- Щепкин В. В.** Северный ветер: Россия и айны в Японии XVIII в. М.: Кругъ, 2017. 392 с.
- Fessler S.** Musashino in Tuscany: Japanese Overseas Travel Literature, 1860–1912. Ann Arbor: Uni. of Michigan Press, 2004. 310 p.
- Inazo Nitobe.** The Intercourse between the United States and Japan: an Historical Sketch. Baltimore: Johns Hopkins press, 1891. 198 p.
- Lensen G. A.** Russian Push toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Princeton: Princeton Uni. Press, 1971. 553 p.
- Masujiro Honda.** The Evolution of Japanese Diplomacy // The Journal of Race Development. 1912. Vol. 3, no. 2. P. 188–200.
- Акидзуки Тосиюки.** Мэйдзи сэнэн-но Карафутто: нитиро дзаккё о мэгуру сёмондай [秋月俊幸. 明治初年の樺太: 日露雑居をめぐる諸問題]. Остров Сахалин в первые годы периода Мэйдзи: вопросы, связанные с «совместным владением» // Сурабу кэнкю: [スラヴ研究]. Славянские исследования. 1993. Т. 40. С. 1–21. (на яп. яз.)
- Акиока Нобухико.** Докюменто Эномото Такэаки: Мэйдзи-но “Ёмиури” кидзи-дэ кэнсё: [秋岡伸彦. ドキュメント榎本武揚: 明治の「読売」記事で検証]. Эномото Такэаки: по материалам газеты «Ёмиури» эпохи Мэйдзи. Токио: То:кё: Но:гё: Дайгаку Сюппан-кай, 2003. 108 с. (на яп. яз.)
- Гога Казумити.** Кобунсё-ни миру Эномото Такэаки: сисо: то сё:гай [合田一道. 古文書にみる榎本武揚: 思想と生涯]. Эномото Такэаки в архивных материалах: его идеи и жизнь. Токио: Фудзивара сётэн, 2014. 329 с. (на яп. яз.)
- Дайго Рюма.** Мария Русу дзикэн-о мэгуру кокусаитю:сайсайбан – нихон сёсё:со-э-но мити [醍醐龍馬. マリア・ルス号事件をめぐる国際仲裁裁判—日本初勝訴への道]. Между-

народный арбитражный процесс по делу Марии Луз – путь к первой судебной победе Японии // Матиканэ хо:сэй дзя:нару [まちかね法政ジャーナル]. Журнал о законе и политике Матиканэ. 2012а. № 1. С. 1–22. (на яп. яз.)

Дайго Рюма. Эномото Такэаки-га мита росин канкэй-то монгору: Сибэриа никки-о тю:син-ни ситэ [醍醐龍馬。榎本武揚が見た露清関係とモンゴル — 『シベリア日記』を中心にして]. Российско-китайские отношения и Монголия на основе «Сибирского дневника» Эномото Такэаки // Нагоя дайгаку хакубутсукан хо:коку [名古屋大学博物館報告]. Вестник музея университета Нагоя. 2012б. № 28. С. 213–219. (на яп. яз.)

Игуро Ятаро. Эномото Такэаки-дэн. Биография Эномото Такэаки [井黒弥太郎。榎本武揚伝]. Токио: Мияма сёбо, 1968. 418 с. (на яп. яз.)

Итидзаки Кэнсаку. Курасуноярусукун-о Эномото Такэаки. Даси:сэн хакасэ-но ромбун-то соно хаккэнсирё:-ни мотодзуйтэ [市崎謙作。クラスノヤルスクの榎本武揚。ダツイーシエン博士の論文とその発見資料に基づいて]. Эномото Такэаки в Красноярске. На основе статьи профессора Дацышена В. Г. // Орося кайкайхо [おろしゃ会会報]. Вестник общества Орося. 2010. № 16. С. 64–72. (на яп. яз.)

Камо Гиити. Эномото Такэаки. Эномото Такэаки – мэйдзинихон-но какурэтару сосэки [加茂儀一。榎本武揚 – 明治日本の隠れたる礎石]. Эномото Такэаки – скрытый краеугольный камень Японии эпохи Мэйдзи. Токио: Тю:о: ко:рон синся, 1960. 299 с. (на яп. яз.)

Камо Гиити. Эномото Такэаки [加茂儀一。榎本武揚]. Эномото Такэаки. Токио: Тю:ко:бунко, 1988. 623 с. (на яп. яз.)

Кимура Хироси. Сибэриа никки-но мокутэки-то хё:ка [木村汎。シベリア日記の目的と評価]. Задачи и результаты Сибирского дневника // Киндай Нихон-но банно:дзин [近代日本の万能人・榎本武揚]. Великие люди Новейшего времени Японии. Эномото Такэаки. Токио, 2008. С. 128–143. (на яп. яз.)

Киндай Нихон-но банно:дзин [近代日本の万能人・榎本武揚]. Великие люди Новейшего времени Японии. Эномото Такэаки. Токио: Фудзивара сётэн, 2008. 338 с. (на яп. яз.)

Мияти Масато. Хидзиката Госидзо-то Эномото Такэаки: бакусин тати-но Босин, Хакодатэ сэнсо: [宮地正人。土方歳三と榎本武揚: 幕臣たちの戊辰・箱館戦争]. Хидзиката Госидзо и Эномото Такэаки: вассалы сёгуната во время войны Босин и битвы за Хакодатэ. Токио: Ямакава Сюппанся, 2018. 120 с. (на яп. яз.)

Нисикава Осаму. Эномото Такэаки-то Каиё:мару-но рунсансу [西川治。榎本武揚と開陽丸のルネサンス]. Эномото Такэаки и ренессанс «Каиё:мару» // Тигаку засси [地学雑誌]. Журнал наук о Земле. 2003. Т. 112, № 3. С. 450–452. (на яп. яз.)

Сува Канэнори. Эномото Такэаки – тигакуся-дэмоатта бакумацу мэйдзи-но сэйдзика [諏訪兼位。榎本武揚一地学者でもあった幕末・明治の政治家]. Эномото Такэаки – политик периода Бакумацу и Мэйдзи, который также был геологом // Тигаку засси [地学雑誌]. Журнал наук о Земле. 2008. Т. 62, № 6. С. 415–420. (на яп. яз.)

Усуй Рюитиро. Эномото Такэаки-кара сэкайси-га миэру [臼井隆一郎。榎本武揚から世界史が見える]. Взгляд на мировую историю через Эномото Такэаки. Токио: РНР кэнкю:сё, 2005. 293 с. (на яп. яз.)

Цунояма Юкихиро. Эномото Такэаки-то мэксико сёкуминидзю:(2) [角山幸洋。榎本武揚とメキシコ殖民移住(2)]. Эномото Такэаки и колонизация Мексики // Кайнсай дайгаку кэйзай ронсю: [關西大學經濟論集]. Сборник экономических исследований университета Кансай. 1985. Т. 35, № 1. С. 1–69. (на яп. яз.)

Эномото Такамицу. Эномото Такэаки-но рю:сэйто сэйсаку-то рю:сэйто кидзи / Сибэриа о:дан рёко:-то Сибэриа никки [榎本隆充。榎本武揚の流星刀製作と「流星刀記事」/シ

ベリア横断旅行と『シベリア日記』]. Изготовление метеоритных мечей Рю:сэй Энотомо Такэаки и статья о «Рю:сэйто» / Путешествие через Сибирь и «Сибирский дневник» // Тигаку засси [地学雑誌]. Журнал наук о Земле. 2003. Т. 112, № 3. С. 453–457. (на яп. яз.)

Ямамото Ацукю. Энотомо Такэаки: дзидай-о сиссо: сита кокусай дзин: Ратэн-Амэрика идзю:-но мити-о хираку [山本厚子. 榎本武揚: 時代を疾走した国際人: ラテンアメリカ移住の道を拓く]. Энотомо Такэаки: международный деятель, открывший путь японской иммиграции в Латинскую Америку. Токио: Синдзанся, 1997. 285 с. (на яп. яз.)

Список источников

Энотомо Такэаки [榎本武揚]. Сибэриа никки [シベリア日記]. Сибирский дневник. Токио, 2010. 336 с. (на яп. яз.)

References

- Akizuki Toshiyuki.** Meiji sho:nen no Karafuto: Nichiro zakkyo o meguru shomondai [秋月俊幸。明治初年の樺太: 日露雑居をめぐる諸問題]. Sakhalin Island in the Early Meiji Period: Issues Surrounding “Joint Occupation”. *Surabu kenkyu*: [スラヴ研究]. *Slavic Studies*, 1993, vol. 40, pp. 1–21. (in Jap.)
- Akioka Nobuhiko.** Dokyumento Enomoto Takeaki: Meiji-no “Yomiuri” kiji-de kensho: [秋岡伸彦。ドキュメント榎本武揚: 明治の「読売」記事で検証]. Document: Takeaki Enomoto – Examining his Life through Articles in the “Yomiuri Shimbun” Newspaper during the Meiji Era. Tokyo, To:kyo: No:gyo: Daigaku Shuppan-kai, 2003, 108 p. (in Jap.)
- Daigo Ryuma.** Maria Rusu jiken o meguru kokusai chu:sai saiban: Nihon shosho:so e no michi [醍醐龍馬。マリア・ルス号事件をめぐる国際仲裁裁判—日本初勝訴への道]. The Maria Luz Incident and International Arbitration: Japan’s First Legal Victory. *Machikane Ho:sei Ja:naru* [まちかね法政ジャーナル]. *Machikane Journal of Law and Politics*, 2012, no. 1, pp. 1–22. (in Jap.)
- Daigo Ryuma.** Enomoto Takeaki ga mita roshin kankei to mongoru: Shiberia Nikki o chushin ni shite [醍醐龍馬。榎本武揚が見た露清関係とモンゴル — 『シベリア日記』を中心にして]. Russian-Chinese Relations and Mongolia Based on Enomoto Takeaki’s Siberian Diary. *Nagoya Daigaku Hakubutsukan Hokoku* [名古屋大学博物館報告]. *Bulletin of the Nagoya University Museum*, 2012, no. 28, pp. 213–219. (in Jap.)
- Datsyshen V. G.** Enomoto Takeaki v Krasnoyarske [Enomoto Takeaki in Krasnoyarsk]. *Orosha kaikaiho* [おろしや会会報]. *Bulletin of the Orosha Society*, 2008, no. 15, pp. 92–94. (in Russ.)
- Datsyshen V. G.** Yaponsy v Sibiri konets XIX – nachalo XX v. [The Japanese in Siberia, Late 19th – Early 20th Century]. *Izvestiya Vostochnogo Instituta* [*Bulletin of the Oriental Institute*], 2004, no. 8, pp. 48–65. (in Russ.)
- Enomoto Takamitsu.** Enomoto Takeaki-no ryu:seito seisaku-to ryu:seito kiji / Siberia odan ryoko-to Siberia nikki [榎本武揚の流星刀製作と「流星刀記事」/シベリア横断旅行と『シベリア日記』]. The Making of Ryuseito Meteor Swords by Enomoto Takeaki and the Article on “Ryuseito” / Crossing Siberia and the “Siberian Diary”. *Chigaku Zasshi* [地学雑誌]. *Journal of Geography*, 2003, vol. 112, no. 3, pp. 453–457. (in Jap.)
- Fainberg E. Ya.** Russko-yaponskie otnosheniya v 1697–1875 gg. [Russian-Japanese Relations in 1697–1875]. Moscow, Izdatel’stvo vostochnoi literatury, 1960, 314 p. (in Russ.)
- Fessler S.** Musashino in Tuscany: Japanese Overseas Travel Literature, 1860–1912. Ann Arbor, Uni. of Michigan Press, 2004, 310 p.

- Goda Kazumichi.** Kobunsho-ni miru Enomoto Takeaki: shiso: to sho:gai [合田一道。古文書にみる榎本武揚: 思想と生涯]. Takeaki Enomoto as Seen in Historical Documents: His Ideology and Life. Tokyo, Fujiwara Shoten, 2014, 329 p. (in Jap.)
- Grishachev S. V.** Kontakty Rossii so stranami Dal'nego Vostoka v XVIII–XIX vv. [Russia's Contacts with Far Eastern Countries in the 18th – 19th Centuries]. In: Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii [Russian-Japanese Relations in the Format of Parallel History]. Moscow, 2015, pp. 47–85. (in Russ.)
- Ichizaki Kensaku.** Kurasunoyarusuku-no Enomoto Takeaki. Dashi:shen hakase-no ronbun-to sono hakkenshiryo:-ni motodzuite [市崎謙作。クラスノヤルスクの榎本武揚. ダツイーシェン博士の論文とその発見資料に基づいて]. Enomoto Takeaki in Krasnoyarsk. Based on an Article by Professor Datsyshen V. G. *Orosha kaikaiho*: [おろしゃ会会報]. *Bulletin of the Orosha Society*, 2010, no. 16, pp. 64–72. (in Jap.)
- Iguro Yataro.** Enomoto Takeaki-den [井黒弥太郎。榎本武揚伝]. The Biography of Enomoto Takeaki. Tokyo, Miyama shobo:., 1968, 418 p. (in Jap.)
- Inazo Nitobe.** The Intercourse between the United States and Japan: An Historical Sketch. Baltimore, Johns Hopkins Press, 1891, 198 p.
- Kamo Giichi.** Enomoto Takeaki [加茂儀一。榎本武揚 – 明治日本の隠れたる礎石]. Takeaki Enomoto – The Hidden Cornerstone of Meiji Japan. Tokyo, Chyu:o: ko:ronshinsha, 1960, 299 p. (in Jap.)
- Kamo Giichi** [加茂儀一。榎本武揚]. Enomoto Takeaki. Tokyo, Chu:ko:bunko, 1988, 623 p. (in Jap.)
- Kimura Hiroshi.** Shiberia nikki no mokuteki to hyo:ka [木村汎。シベリア日記の目的と評価] The Purpose and Significance of the Siberian Diary. In: Kindainihon no ban'no: hito Enomoto Takeaki [近代日本の万能人・榎本武揚]. Great People of Modern Japan. Enomoto Takeaki. Tokyo, 2008, pp. 128–143. (in Jap.)
- Kimura Takashi.** Natsionalizm v Yaponii i Rossii i pervichnyi etap formirovaniya predstavlenii drug o druge na primere tekstov pisatelei-sovremennikov – Futabatei Shimei i Chekhova [Nationalism in Japan and Russia and the Initial Stage of Mutual Perceptions Through the Texts of Contemporary Writers – Futabatei Shimei and Chekhov]. In: Rossiisko-yaponskie otnosheniya v formate parallel'noi istorii [Russian-Japanese Relations in the Format of Parallel History]. Moscow, 2015, pp. 89–111. (in Russ.)
- Kindai Nihon-no banno:jin [近代日本の万能人・榎本武揚]. Great People of Modern Japan. Enomoto Takeaki. Tokyo, Fujiwara Shoten, 2008, 338 p. (in Jap.)
- Kutakov L. N.** Rossiya i Yaponiya [Russia and Japan]. Moscow, Nauka, 1988, 385 p. (in Russ.)
- Kuznetsov S. I., Kato Hirofumi.** Rossiya, Sibir' v izvestiyakh yaponskikh puteshestvennikov, issledovatelei i diplomatov [Russia and Siberia in the Accounts of Japanese Travelers, Researchers and Diplomats]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History], 2017, vol. 22, pp. 101–112. (in Russ.)
- Lensen G. A.** Russian Push toward Japan: Russo-Japanese Relations, 1697–1875. Princeton, Princeton Uni. Press, 1971, 553 p.
- Masujiro Honda.** The Evolution of Japanese Diplomacy. *The Journal of Race Development*, 1912, vol. 3, no. 2, pp. 188–200.
- Miyachi Masato.** Hijikata Toshizo:-to Enomoto Takeaki bakushin tachi-no Boshin, Hakodate senso: [宮地正人。土方歳三と榎本武揚: 幕臣たちの戊辰・箱館戦争]. Hijikata Toshizo and Enomoto Takeaki: The Shogun's Retainers during the Boshin and Hakodate Wars. Tokyo, Yamakawa Shuppansha, 2018, 120 p. (in Jap.)
- Nakamura Shintaro.** Yapontsy i russkie: iz istorii kontaktov [The Japanese and Russians: From the History of Contacts]. Moscow, Progress Publ., 1983, 306 p. (in Russ.)

- Nakamura Yoshikazu.** Rossiya Enomoto Takeaki – pervogo poslannika v Rossii. Iz knigi “Nitiro iseku-no gundzo” (Drugaya kartina rossiisko-yaponskikh otnoshenii). Tokio, 2014 [Russia of Enomoto Takeaki – The First Envoy to Russia. From “Nichiro ishoku-no gunzo” (Another Picture of Japanese-Russian Relations). Tokyo, 2014]. In: Yaponiya 2016. Ezhegodnik [Japan 2016. Yearbook]. Moscow, 2016, pp. 143–155. (in Russ.)
- Nishikawa Osamu.** Enomoto Takeaki-to Kaiyo:maru-no runesansu [西川治。榎本武揚と開陽丸のルネサンス]. The Renaissance of Takeaki Enomoto and the Kaiyō-maru. *Chigaku Zasshi* [地学雑誌]. *Journal of Geography*, 2003, vol. 112, no. 3, pp. 450–452. (in Jap.)
- Romanchev D. D.** Poslaniya Enomoto Takeaki kak klyuch k ponimaniyu fenomena “Respubliki Edzo” [The Messages of Enomoto Takeaki as a Key to Understanding the Phenomenon of the Republic of Ezo]. *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoi Sibiri i na Dal'nem Vostoke* [Humanities Research in the Russian Far East], 2024, no. 1 (67), pp. 18–25. (in Russ.)
- Romanchev D. D.** Fenomen “Respubliki Edzo” v istorii Yaponii. Popytka setsessii ili akt otchayaniya? [The Phenomenon of the “Republic of Ezo” in the History of Japan: An Attempt at Secession or an Act of Desperation?]. *Vestnik IV RAN* [Journal of the Institute of Oriental Studies RAS], 2024, no. 1 (27), pp. 26–42. (in Russ.)
- Shchepkin V. V.** Severnyi veter: Rossiya i ainy v Yaponii XVIII v. [The North Wind: Russia and the Ainu in 18th-Century Japan]. Moscow, Krug Publ., 2017, 392 p. (in Russ.)
- Shukhordin S. V., Laman N. K., Fedorov A. S.** Tekhnika v ee istoricheskom razvitii [Technology in its Historical Development]. Moscow, Nauka, 1979, 416 p. (in Russ.)
- Stroeveva M. V.** Rossiya i Yaponiya: o vizitakh yaponskikh gosudarstvennykh deyatelei v Rossiyu v seredine 70-kh – kontse 80-kh godov XIX veka (na osnove dokumentov AVPRI) [Russia and Japan: On the Visits of Japanese Statesmen to Russia in the mid-1870s to the Late 1880s (Based on Documents from the Archive of Russian Empire’s Foreign Policy)]. *Vestnik SPbGU. Ser. 13. Vostokovedenie. Afrikanistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 13. Oriental Studies. African Studies], 2009, no. 1, pp. 13–18. (in Russ.)
- Stroeveva M. V.** Rossiya i Yaponiya: Sankt-Peterburgskii dogovor 1875 g. [Russia and Japan: The Treaty of St. Petersburg, 1875]. *Vestnik SPbGU. Ser. 13. Vostokovedenie. Afrikanistika* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 13. Oriental Studies. African Studies], 2010, no. 3, pp. 25–35. (in Russ.)
- Suwa Kanenori.** Enomoto Takeaki – chigakusha-deatta bakumatsu Meiji-no seijika [諏訪兼位。榎本武揚—地学者でもあった幕末・明治の政治家]. Enomoto Takeaki was a Politician of the Bakumatsu and Meiji Periods Who Was Also a Geologist. *Chigaku Zasshi* [地学雑誌]. *Journal of Geography*, 2008, vol. 62, no. 6, pp. 415–420. (in Jap.)
- Tsunoyama Yukihiro.** Enomoto Takeaki-to mekishiko shokuminiju:(2) [角山幸洋。榎本武揚とメキシコ殖民移住(2)]. Enomoto Takeaki and the Colonization of Mexico (2). *Kansai Daigaku Keizai Ronshu*: [關西大學經濟論集]. *Kansai University Journal of Economics*, 1985, vol. 35, no. 1, pp. 1–69. (in Jap.)
- Usui Ryuichiro.** Enomoto Takeaki-kara sekaishi-ga mieru [臼井隆一郎。榎本武揚から世界史が見える]. World History through the Lens of Takeaki Enomoto. Tokyo, PHP Kenkyu:sho, 2005, 293 p. (in Jap.)
- Yamamoto Atsuko.** Enomoto Takeaki: jidai-o shisso: shita kokusai jin: Rate:n-Amerika iju:-no michi-o hiraku [山本厚子。榎本武揚: 時代を疾走した国際人: ラテンアメリカ移住の道を拓く]. Takeaki Enomoto: A Cosmopolitan Figure Who Shaped the Era: Pioneering the Path for Japanese Immigration to Latin America. Tokyo, Shinzansha, 1997, 285 p. (in Jap.)
- Zaionchkovsky P. A.** Voennye reformy 1860–1870 godov v Rossii [Military Reforms of the 1860s – 1870s in Russia]. Moscow, MSU Press, 1952, 368 p. (in Russ.)
- Zhitomirskaya S. V.** Voprosy nauchnogo opisaniya rukopisnykh memuarnykh istochnikov [Issues of Scientific Description of Handwritten Memoir Sources]. In: *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1976 g.* [Archaeographic Yearbook for 1976]. Moscow, 1977, pp. 41–59. (in Russ.)

List of Sources

Enomoto Takeaki [榎本武揚]. Shiberia nikki [シベリア日記]. Siberian Diary. Tokyo, 2010, 336 p. (in Jap.)

Информация об авторе

Виктория Александровна Шиплюк, аспирант

Information about the Author

Victoria A. Shipliyuk, Postgraduate Student

*Статья поступила в редакцию 30.09.2025;
одобрена после рецензирования 27.10.2025; принята к публикации 14.11.2025
The article was submitted on 30.09.2025;
approved after reviewing on 27.10.2025; accepted for publication on 14.11.2025*

Список сокращений

АВПРИ	–	Архив внешней политики Российской империи, Москва
АП РК	–	Архив Президента Республики Казахстан, Алматы
АП РФ	–	Архив Президента Российской Федерации, Москва
ГАА	–	Государственный архив г. Алматы, Казахстан
ГА АО	–	Государственный архив Алматинской области, Алмалыбак, Казахстан
ГАВО	–	Государственный архив Вологодской области
ГАЗК	–	Государственный архив Забайкальского края, Чита
ГАИО	–	Государственный архив Иркутской области
ГА РФ	–	Государственный архив Российской Федерации, Москва
НА РК	–	Национальный архив Республики Казахстан, Астана
НА РУз	–	Национальный архив Республики Узбекистан, Ташкент
НИА СПбИИ РАН	–	Научно-исторический архив Санкт-Петербургского Института истории РАН
ОПИ ГИМ	–	Отдел письменных источников Государственного исторического музея, Москва
ОПИ НГОМЗ	–	Отдел письменных источников Новгородского государственного объединенного музея-заповедника
ОР РНБ	–	Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, Санкт-Петербург
РГАДА	–	Российский государственный архив древних актов, Москва
РГАСПИ	–	Российский государственный архив социально-политической истории, Москва
РГИА	–	Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
СГА МВД РК	–	Специальный государственный архив Министерства внутренних дел Республики Казахстан, Астана
ЦГА РК	–	Центральный государственный архив Республики Казахстан, Алматы

Информация для авторов

В «Вестнике НГУ. Серия: История, филология» по направлению «История» публикуются материалы, соответствующие основным разделам журнала: «Всеобщая история», «Российская история», «Историография. Источниковедение», «Документальные страницы», «Рецензии», «Научная информация».

Сроки выхода журнала: январь (№ 1) и октябрь (№ 8) каждого календарного года. Прием материалов для публикации в № 1 осуществляется с мая по октябрь предыдущего года, в № 8 с ноября предыдущего по апрель текущего года. Рукописи, поступившие в редколлегию после определенного в требованиях срока формирования выпуска, не принимаются к рассмотрению (о чем уведомляется автор) или, по желанию автора, передаются на хранение в редакционный портфель до наступления сроков формирования следующего выпуска.

С требованиями к оформлению текстов можно ознакомиться на официальном сайте издания: <https://nguhist.elpub.ru/jour/about/submissions#authorGuidelines>.

Материалы, предоставляемые для публикации, должны иметь следующий объем:

Статьи: до 1 авторского листа (40 тыс. знаков с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190 × 270 мм = 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков).

Документальные публикации: до 1 а. л., в том числе вводная статья – до 0,25 а. л. (10 тыс. знаков) и примечания. В примечаниях дается информация о встречающихся в тексте источника именах, неизвестных или малоупотребительных названиях и терминах специального характера.

Рецензии и Научная информация: до 0,4 а. л. (16 тыс. знаков).

Публикации, превышающие указанный объем, допускаются к рассмотрению только после согласования с ответственным редактором, а к публикации – по решению редколлегии.

Материалы для публикации подаются в электронном виде. Все файлы необходимо загружать на официальный сайт журнала (<https://nguhist.elpub.ru/jour/index>), зарегистрировавшись в качестве автора, в соответствии с приведенной на сайте инструкцией. Там же можно ознакомиться с последними опубликованными номерами журнала

К рукописи отдельным файлом необходимо приложить полное указание Ф. И. О., сведения об ученой степени, ученом звании, должности и месте работы, а также номер контактного телефона и электронный адрес автора.

Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет ей право использования передаваемых материалов в составе журнала следующими способами: обнародование, воспроизведение, распространение, доведение произведения до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, публичный показ, а также перевод на иностранные языки, включая те же действия относительно переведенного произведения, на территории всех государств, где произведение подлежит правовой охране.

Адрес редакционной коллегии

Новосибирский государственный университет,
ауд. 1260 нового учебного корпуса
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия

Тел.: (383) 363 42 26
E-mail: history@vestnik.nsu.ru

Журнал распространяется по подписке,
подписной индекс 18283 в каталоге ОАО «Роспечать»